

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2016. № 9(93)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 07.00.00. Исторические науки и археология; 08.00.00. Экономические науки

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory"

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В.О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@szipa.ru, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2016
- © Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2016
- © Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2016
- © Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета, главный редактор;
- Елисеева И. И.** — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Еремеев С. Г.** — доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии СПбГУ, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Субетто А. И.** — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург);
- Комаровский В. С.** — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);
- Макаров В. Л.** — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Квинт В. Л.** — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, председатель совета (Москва);
- Крастиньш А. В.** — почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);
- Лезеан Э.** — PhD, доктор философии по политическим наукам (Франция);
- Хань Лихуа** — профессор, директор Института Конфуция при Российском гуманитарном университете (Москва), профессор Института международной экономики Университета международного бизнеса и экономики (Пекин, Китай);
- Вольман Х.** — PhD, доктор права, профессор (Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Косов Ю. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург), заместитель главного редактора;
1. *По политическим наукам:*
- Акопов С. В.** — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Вульфвич Р. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Казанцев А. А.** — доктор политических наук (Москва);
- Колесников В. Н.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Малькевич А. А.** — кандидат политических наук, доцент (Омск);
- Полякова Т. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Теребнёв Л. В.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
2. *По истории*
- Аграшенков А. В.** — кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Вершель В. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ежова Г. В.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Исаев А. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Лушин А. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Морозов В. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Новикова И. Н.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Сергеев В. М.** — доктор исторических наук, профессор (Москва);
- Шумилов М. М.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
3. *По экономике*
- Балашов А. И.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Бодрунов С. Д.** — доктор экономических наук, профессор (Москва);
- Запорожан А. Я.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Каранатова Л. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Кукина Е. А.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Халин В. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ходачек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Цыгалов Ю. М.** — доктор экономических наук, профессор (Москва)

EDITORIAL COUNCIL

- Shamakhov V. A.** — Director of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg) — Chairman of the board, Chief Editor;
- Eliseeva I. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Eremeev S. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Dean of the Faculty of Political Science of the Saint-Petersburg State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (Saint-Petersburg);
- Smorgunov L. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg);
- Subetto A. I.** — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg);
- Komarovsky V. S.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);
- Makarov V. L.** — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic-Mathematical Institute (Moscow)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Kvint V. L.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Board (Moscow);
- Krastins A. V.** — Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
- Lezean E.** — PhD in Political Sciences (France);
- Han Lihua** — Professor, Director of Institute of Confucius at the Russian Humanities University (Moscow), Professor of Institute of the International Economy of University of the International Business and Economy (Beijing, China);
- Wolman H.** — PhD, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany)

EDITORIAL BOARD

- Kosov Yu. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg), Deputy Chief Editor;

1. Political Sciences

- Akopov S. V.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);
- Volkov V. A.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Vulfovich R. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Kazantsev A. A.** — Doctor of Science (History), Moscow;
- Kolesnikov V. N.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Malkevich A. A.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Omsk);
- Polyakova T. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Terebnev L. V.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

2. History

- Agrashenkov A. V.** — PhD in History, Associate Professor (St. Petersburg);
- Vershel V. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Ezhova G. V.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Isaev A. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Lushin A. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Morozov V. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Novikova I. N.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)
- Sergeev V. M.** — Doctor of Science (History), Professor (Moscow)
- Shumilov M. M.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg).

3. Economics

- Balashov A. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Bodrunov S. D.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
- Zaporojan A. Ya.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Karanatova L. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Kuklina E. A.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Halin V. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Khodachek V. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Tsygalov Yu. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow)

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 8 КОСОВ Ю.В., МЕЙКСИН М.С., МЕЖЕВИЧ Н.М., ЯГЬЯ В.С.**
Промышленная политика в условиях внешних вызовов: взгляд из Санкт-Петербурга
- 21 КИРИЛЕНКО В. П., АЛЕКСЕЕВ Г. В.**
Проблема обеспечения информационной безопасности государства в сфере распространения массовой информации
- 30 АНДРЕЕВА Е. С., ОРЛОВА И. А.**
Российский вектор в формировании единого социального и социокультурного пространства на Южном Кавказе
- 37 КОЛЕСНИКОВ В. Н., САМУСЕВИЧ А. В.**
Аналитическая матрица характеристики жизненного цикла политико-административных элит
- 45 КОРОСТЕЛЕВ С. В.**
Политическая обусловленность «разумно-необходимого» толкования международных норм в сфере обеспечения международной безопасности
- 52 КОВАЛЕВ А. А.**
Участие Национальной гвардии России в обеспечении военной безопасности
- 60 АЛЁХИНА И. С.**
Избирательные стандарты Содружества Независимых Государств

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 69 ЦАЦУЛИН А. Н.**
Гибридная индексная модель многофакторного анализа оборотных средств организации
- 83 АНИСИМОВ В. Г., АНИСИМОВ Е. Г., РОДИОНОВА Е. С., САУРЕНКО Т. Н.**
Стохастическая модель для оценки эффективности управления таможенными рисками
- 95 ПИРГОВА О. Е.**
Динамическая модель развития торгового предприятия на основе роста стоимости
- 106 КУКЛИНА Е. А., СТАФЕЕВА Н. П.**
К вопросу управления рисками инновационного проекта (на примере таможенной сферы Российской Федерации)
- 114 ЯН ЦЗЮНЬДУН**
Российско-японские торгово-экономические отношения: положение и перспективы

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 127 ПЫЛИН В. В.**
Вопросы современной электронной демократии и электронного информационного общества: достоинства, проблемы и перспективы
- 135 ВОЛКОВ В. А., БОРЕЙКО А. А.**
К вопросу создания новой типологии революций
- 141 КЛЮЕВ А. В., НЕМЦОВА А. Н.**
Реальные и потенциальные перспективы включения трудовых мигрантов в рынок труда (на примере Санкт-Петербурга)

- 148 ЛЕВИ Д. А.**
Перспективы признания и развития криптовалют в Европейском Союзе и странах Европы

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 159 ТАИРОВА Н. М.**
«Пасхальный мир» Николая II, когда звонил колокол по Витте
- 172 АСАДОВ Б. Р., БАРАНОВ А. С.**
Организованная молодежная среда России в контексте международного гуманитарного взаимодействия на постсоветском пространстве
- 184 САРАН А. Ю.**
Система исполнительной власти областного звена в СССР на рубеже 1920–1930-х гг.

A LINEA

- 191 НОСКОВА М. В.**
Об актуальных вопросах взаимодействия экспертного сообщества и власти: концептуализация роли публичных экспертов в формировании повестки дня государства

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 200 ЭПШТЕЙН-ВЭССЕЛИ К. И.**
Основополагающие размышления об австрийской внешней политике

POLICY AND LAWFUL STATE

- 8 KOSOV Yu. V., MEIKSIN M. S., MEZHEVICH N. M., YAGYA V. S.**
Industrial Policy in the Conditions of External Challenges:
a Look from Saint-Petersburg
- 21 KIRILENKO V. P., ALEKSEEV G. V.**
The Problem of State Information Security in the Field of Mass Media
- 30 ANDREEVA E. S., ORLOVA I. A.**
Russian Vector in the Formation of a Common Social and Socio-Cultural
Space in the South Caucasus
- 37 KOLESNIKOV V. N., SAMUSEVICH A. V.**
Analytical Matrix of the Characteristic of Life Cycle of Political
and Administrative Elite
- 45 KOROSTELEV S. V.**
Political Stipulation of «Reasonably Necessary» Interpretation of International
Norms in the Sphere of International Security
- 52 KOVALEV A. A.**
Participation of National Guard of Russia in Ensuring Military Safety
- 60 ALEKHINA I. S.**
The Electoral Standards of the Commonwealth
of Independent States

POWER AND ECONOMY

- 69 TSATSULIN A. N.**
The Hybrid Model of Multivariate Index Analysis of Current Assets
- 83 ANISIMOV V. G., ANISIMOV E. G., RODIONOVA E. S., SAURENKO T. N.**
Stochastic Model for Assessment of Effective Management of Customs Risks
- 95 PIROGOVA O. E.**
Dynamic Model of Development of Trade Enterprise on the Basis
of Growth of Cost
- 106 KUKLINA E. A., STAFEEVA N. P.**
On a Question of Risk Management of the Innovative Project (on the Example
of the Customs Sphere of the Russian Federation)
- 114 YANG JUNDONG**
Russian-Japanese Trade and Economic Relations: Provision and Prospects

SOCIETY AND REFORMS

- 127 PYLIN V. V.**
Issues of Modern Electronic Democracy and Electronic Information Society:
Advantages, Problems and Prospects
- 135 VOLKOV V. A., BOREYKO A. A.**
On the Development of New Revolution Typology
- 141 KLYUEV A. V., NEMTSOVA A. N.**
The Actual and Potential Prospects for the Inclusion of Migrant Workers
in the Labor Market (On Example of St. Petersburg)
- 148 LEVI D. A.**
Prospects of Recognition and Development of Cryptocurrencies
in the European Union and the Countries of Europe

HISTORY AND CULTURE

- 159 TAIROVA N. M.**
«The Easter World» of Nicholas II during the Bell for Witte Tolled
- 172 ASADOV B. R., BARANOV A. S.**
Organizational of Environment Youth Russia in a Context of the International Humanitarian Interaction in the Post-Soviet Space
- 184 SARAN A. Yu.**
System of the Regional Executive Power in the USSR at a Boundary of the 1920–1930th Years

A LINEA

- 191 NOSKOVA M. V.**
On Actual Issues of Interaction of Expert Community and Power:
Conceptualization of a Role of Public Experts in Formation
of the Agenda of the State

SCIENTIFIC LIFE

- 200 EPSHTEYN-WESSELY K. I.**
The Fundamental Reflections about Austrian Foreign Policy

Косов Ю. В., Мейксин М. С., Межевич Н. М., Ягья В. С.

Промышленная политика в условиях внешних вызовов: взгляд из Санкт-Петербурга

Косов Юрий Васильевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Заместитель директора
 Санкт-Петербургский государственный университет
 Профессор кафедры американских исследований
 Доктор философских наук, профессор
 kosov-yuv@sziu.ranepa.ru

Мейксин Максим Семенович

Председатель Комитета по промышленной политике и инновациям Правительства Санкт-Петербурга
 Кандидат экономических наук
 m.meyksin@ppi.gov.spb.ru

Межевич Николай Маратович

Санкт-Петербургский государственный университет
 Профессор кафедры европейских исследований
 Доктор экономических наук, профессор
 mez13@mail.ru

Ягья Ватаняр Саидович

Санкт-Петербургский государственный университет
 Заведующий кафедрой мировой политики
 Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
 kafedrap@bk.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются актуальные вопросы развития промышленности Санкт-Петербурга. В ней учитываются новые тренды индустриального роста страны. Выявляются особенности, трудности и перспективы развития промышленности города. Выявлены узкие места в этом процессе. Проанализированы теоретические аспекты эффективности промышленной политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

промышленная политика, приоритеты индустриального развития, экономические показатели РФ и ЕС, импортозамещение, перспективы роста промышленности Санкт-Петербурга

Kosov Yu. V., Meiksin M. S., Mezhevich N. M., Yagya V. S.

Industrial Policy in the Conditions of External Challenges: a Look from Saint-Petersburg

Kosov Yury Vasilyevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Saint-Petersburg State University
 Professor of the Chair of American researches
 Deputy Director
 Doctor of Science (Philosophy), Professor
 kosov-yuv@sziu.ranepa.ru

Meiksin Maksim Semenovich

Chairman of Committee on Industrial Policy and Innovations Government of Saint-Petersburg (Russian Federation)
 PhD in Economy
 m.meyksin@ppi.gov.spb.ru

Mezhevich Nikolai Maratovich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
 Professor of the Chair of European Studies
 Doctor of Science (Economics), Professor
 mez13@mail.ru

Yagya Vatanyar Saidovich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
 Head of Chair of World Politics
 Doctor of science (History), Professor, Honored worker of science of the Russian Federation
 kafedramp@bk.ru

ABSTRACT

The article is dedicated to very actual problem of industrial policy of St. Petersburg, region of the Russian Federation. The authors consider questions of development of regional industry, difficulties of investments, decisions of original powers (government and Legislative assembly), cooperation with investors in the field, investment climate, relations with China etc.

KEYWORDS

industrial policy, priorities of industrial development, the economic indicators of the Russian Federation and the EU, import substitution, the prospects for growth of the industry of St. Petersburg

Социально-экономическое развитие Санкт-Петербурга все в большей степени определяется сложным сочетанием внешних и внутренних вызовов в развитии. Это предъявляет особые требования к промышленной политике как части общей макроэкономической стратегии города. Добавим, речь идет о городе экономически и демографически более масштабном, чем десяток европейских государств.

Долгие разговоры о постиндустриальном развитии привели к пониманию того, что классические формы экономической организации не только не уходят в прошлое, но скорее устремлены в будущее. С другой стороны, деиндустриализация в Восточной и Центральной Европе убедительно свидетельствует о том, что утрата экономической и промышленной независимости идет рядом с деструкцией политического и правового суверенитета. Позиция авторского коллектива, тем не менее, не сводится к пропаганде тезиса импортозамещения в абстрактной форме, вне географической, экономической, исторической конкретики. С нашей точки зрения, существуют следующие критерии оптимальности импортозамещения:

1. Политические — эффективное импортозамещение — всегда демонстрация успешности политики государства в целом. Причем речь идет как о внешней, так и о внутренней политике. Эта идея и проект способны обеспечить консолидацию значительной части общества.
2. Управленческие — концепция импортозамещения способна инициировать, а может быть, и обеспечить запуск новой модели промышленной политики в целом. Речь идет о промышленной политике, сочетающей в себе лучшие наработки всего периода промышленной индустриализации в России с новейшими практиками Азии и Европы.
3. Экономические — развертывание импортозамещения как части промышленной политики, следует вести только в тех секторах, где угроза внешних санкций сочетается с критической зависимостью данного производства от импорта и стратегической значимостью для страны. Иными словами, эффективная промышленная политика не должна «замещать» все подряд, а точно решать ключевые проблемы.

В России влияние внешнеполитической повестки на разработку и реализацию промышленной политики существенно возрастает в последнее время. Причем речь идет не только о наших приоритетах, а о форме ответа на объявленные в отноше-

нии России санкционные режимы. Для санкционной политики существуют объективные причины — кризис европейской легитимности, европейской модели как универсального примера успеха. «Призывы к тому, чтобы вспомнить, как много европейская интеграция дала людям — от многих десятилетий мирной жизни до высочайшего в мире благосостояния, и уверения в том, что без нее было бы намного хуже. Однако они не работают и вряд ли кого могут сейчас убедить. Все наиболее выигрышные завоевания ЕС воспринимаются как некоторая данность, как то, что уже есть и довольно давно, является атрибутом жизни, а не достижениями интеграции»¹.

В этих условиях поиск внешнего врага — идеальное политическое и экономическое решение. Европа не может быстро реагировать на происходящие перемены. Несмотря на разнообразие структур европейских экономик, промышленный сектор Европы в целом стагнирует, поэтому возможности для возвращения к устойчивому росту ограничены. Хотя Евросоюз остается ключевой промышленной зоной, с 2008 г. в промышленности было ликвидировано 3 млн рабочих мест, а промышленное производство снизилось на 10%². По итогам 2015 г. суммарная экономика 18 стран, пользующихся евро, растет на уровне статистической ошибки. В 2016-м экономическое выздоровление Европейского Союза будет еще более неопределенным³.

Проблемы европейской интеграции сегодня очевидны не только для европейцев, но и для всего мира. Прежняя модель европейской экономической и политической интеграции исчерпала себя. «То, что выглядело триумфом ЕС, обернулось неоднозначными последствиями и явными неудачами, а набранная им скорость продвижения к новым рубежам европейской интеграции оставляет теперь впечатление поспешности. Конечно, в нынешних злоключениях ЕС огромную роль сыграл внешний фактор — глобальный финансово-экономический кризис. Стратегии, построенные на представлениях из прошлого, в том числе связанных с решением проблем конкурентоспособности путем манипуляции валютными курсами, проваливаются»⁴.

Однако первые осложнения возникли до него, и «первопричины кризисного состояния ЕС следует искать внутри него» [2, с. 35]. Подчеркнем, профессор Борко написал это еще в 2011 г. Этот тезис полностью подтверждает сравнение экономических показателей ЕС и мировой экономики в целом. Объединенная Европа развивается существенно медленнее, чем мировая экономика. В 2016 г. и в ближайшие последующие годы экономика европейского макрорегиона будет искать новые опорные точки, пребывая при этом в достаточно сложном положении. Кризис 2008–2009 гг. указал на двойную асимметричность единого экономического пространства — чрезмерный разрыв в уровнях экономического и социального развития в ЕС-27, а также дисгармонию между единой валютной и почти не скоординированной национальной экономической политикой в еврозоне [3]. При этом ситуация в мировой экономике не улучшается.

Большинство прогнозов исходило из того что, темпы роста в 2015–2016 гг. в ЕС будут на уровне 1,5–1,6%⁵, но мы укажем на то, что это прогнозы, сделанные до

¹ Энтин М. Европейский Союз между надеждой и разочарованием [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alleuropa.ru/evropeyskiy-soiuz-mezhdu-nadezhdoy-i-razocharovaniem-vishel-83-y-nomer-zhurnala-vsya-evrop> (дата обращения: 20.09.2016).

² Алвару Сантуш Перейра, Хосе Мануэль Сориа, Коррадо Пассера, Арно Монтебур, Филипп Реслер. Новая промышленная политика Европы // «Эксперт». № 7 (839). 18 февраля 2013 г.

³ Европа 2015: год неуверенности [Электронный ресурс]. URL: <http://europa.com/europe/eu/3557-evropa-2015-02.01.15> (дата обращения: 20.09.2016).

⁴ Dixon Hugo. How to counter Europe's rising populism // International New York Times, November 24, 2014. P. 22.

⁵ Jean-Pierre Robin. Le FMI estime l'Europe en voie de guérison // Le Figaro, 15 avril 2015. P. 23.

британского референдума. На этом фоне в Европе второй половины 2016 г. обсуждаются не только возможные последствия предполагаемого ТТИП — соглашения о Трансатлантическом торгово-инвестиционном партнерстве между США и ЕС (Transatlantic Trade and Investment Partnership — ТТИП), но проблемы существования Европейского Союза в принципе. Создание трансатлантической зоны свободной торговли может означать конец ЕС, как самостоятельного цивилизационного и экономического блока. Но кризис приходит не только из-за океана, он связан с внутренними проблемами ЕС, в ряду которых неэффективная промышленная политика занимает достойное место.

По оценкам ООН в течение ближайших двух лет глобальный экономический рост увеличится незначительно — на 3,1% в 2015 г. и 3,3% в 2016 г. (в 2014 г. он составлял 2,6%). Ожидается, что международная торговля также будет расти умеренными темпами: объем мирового импорта товаров и услуг увеличится на 4,7% в 2015 г.¹ Проигрывая промышленную конкуренцию Азии, Европа, по существу, отказалась от своего «классического» рынка — России, вступив на путь санкций. Однако в настоящее время в ЕС все чаще раздаются голоса за их отмену. Судя по всему во многих столицах европейских стран поняли, что темпы локализации производства в России, в том числе в Санкт-Петербурге, очень высокие, и на рынок потом, когда санкции отменяют, сложно будет вернуться². С определенной долей условности следует признать то, что примерно до апреля — марта 2014 г. у России и, естественно, у Санкт-Петербурга как части страны действительно существовал определенный выбор внешнеэкономической стратегии. Этот выбор определял и различные варианты отечественной промышленной политики.

Первый вариант — это продолжение доминировавшей в 1990-е годы и в значительной степени сохранившейся в XXI в. практики решения модернизационных задач за счет закупок товаров разной технологической сложности. Второй вариант — максимальное использование собственных технологических возможностей, при использовании всех возможностей для приобретения современных технологий, но не товаров.

В настоящее время первый вариант, объективно самый простой и, казалось бы, наименее затратный, больше невозможен или существенно затруднен. Мы должны сказать большое спасибо всем организаторам экономической блокады России. Кстати так считают и некоторые европейские, точнее германские эксперты: «Как бы парадоксально это не звучало: кризис стал шансом на реиндустриализацию России»³. Российские ученые предполагали движение по этому сценарию еще ранее, до введения санкций. В научном докладе — прогнозе «Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике» справедливо отмечено: «Отставание России в ближайшие годы может усилиться. На примере взаимодействия с ЕС можно показать типичный набор инновационных вызовов:

- в отраслях, где пока значительная часть продукции экспортируется из России, произойдут технологические сдвиги, которые сократят возможности отечественных предприятий сбывать продукцию в ЕС (энергетика);
- в тех отраслях, где существует отставание от ЕС, произойдет юридическое закрепление новых стандартов, что создаст дополнительные сложности для российских производителей (химическая промышленность);
- при значительном отставании России от ЕС очередной проигрыш в инноваци-

¹ World Economic Situation and Prospects 2015// United Nations New York, 2015. P. 5.

² См. подробнее: *Гончарова О.* Петербургская промышленность осталась на плаву // Петербургский дневник. 5 февраля 2016, 20 (1245).

³ *Трауб-Мерц Р.* Нефть или автомобили. О возрождении промышленности в России // Фонд Фридриха Эберта. Февраль 2015. С. 3.

онной гонке в долгосрочной перспективе будет способствовать консервации разрыва (специализированное машиностроение и фармацевтика) [7, с. 30].

Это было написано два года назад. Сегодня можно сказать то, что указанные предположения оправдались. Итак, российская промышленная политика в ближайшее время будет развиваться под влиянием двух основополагающих тенденций. Во-первых, под вопросом оказалась интеграция российской экономики в европейскую и мировую экономику [4]. Рывок от социалистической полу-изоляции к коэффициенту экспортной открытости на уровне, сопоставимым с США, накладываясь на утяжеленную структуру экономики с высокой изношенностью основных производственных фондов, вызвал целый комплекс негативных эффектов.

Сегодня, очевидно, что открытость экономики страны для мирового хозяйства и степень ее участия в международном разделении труда напрямую зависит не только от того, насколько и как в мирохозяйственных связях участвуют отрасли российской экономики, но и от всего комплекса внешнеполитических проблем. «Международное разделение труда вполне реальный процесс, но наша страна не должна, не может быть абсолютно зависимой от импорта продукции современной промышленности. Она не должна быть зависимой не только от масштабного, но даже, в некоторых сферах, от единичного импорта — чтобы, например, сохранить в качестве космической державы» [6].

Россия во всех сценариях развития будет являться частью мировой экономической системы, следовательно, при разработке государственной экономической политики должны приниматься во внимание как сложности, так и возможности, которые появляются у России на международных рынках. Мы сталкиваемся с определенной взаимозависимостью. С одной стороны, «реиндустриализация невозможна без модернизации базовых элементов экономики и экономического инструментария для реализации модернизационных задач» [1, с. 4]. Но верно и обратное. Модернизация в современной России без эффективной промышленной политики, без реиндустриализации невозможна. Более того, новая промышленная политика это и есть единственно возможный путь модернизации и одновременно ключевой компонент в задаче сохранения и развития страны.

Фактически речь должна идти о новом плане ГОЭЛРО. Отметим его три ключевые позиции:

1. Импортозамещение как стратегическая цель с опорой, по возможности, на еще доступные зарубежные технологии.
2. Эффективная территориально-отраслевая модель управления.
3. Опора на «отрасли (производства) — локомотивы» для обеспечения общего технологического прорыва.

Эти тезисы достаточно очевидны. Частично они уже реализуются в рамках подписанного Президентом 31 декабря 2014 г. Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации». Работает и Указ Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации». У нас уже есть базовые документы, но нет оснований говорить «о готовности исполнительной власти предложить обоснованный, базирующийся на конкретно намечаемых действиях проект разворота страны к диверсификации экономики и ее росту на этой основе»¹. К сожалению, и в 2016 г. данная оценка может считаться единственно возможной. Аналогичен и внешнеэконо-

¹ *Примаков Е. М.* Единственная альтернатива для России — опора на внутренние резервы и возможности [Электронный ресурс]. URL: http://www.tpp-inform.ru/analytic_journal/5385.html 13 января 2015 г. (дата обращения: 20.09.2016).

мический императив. Наша работа, работа экономистов теоретиков и практиков должна быть сориентирована на решение указанной задачи. Иного выбора нет.

Перейдем к рассмотрению вопроса о том, как влияет новая внешнеэкономическая и политическая ситуация на развитие промышленного потенциала Санкт-Петербурга, на его готовность к модернизации на основе реиндустриализации.

Санкт-Петербург — один из крупнейших промышленных центров России. Начиная с XVIII в. и вплоть до наших дней, промышленность города играла и играет решающую роль в его социально-экономическом развитии. Апогей промышленного развития пришелся на вторую половину XIX — первую половину XX вв. В 1913 г. промышленность Петербурга производила 12% от общего объема российской индустрии, а машиностроительная продукция составляла 25%. При этом именно Санкт-Петербург был инновационным лидером (конечно же, при отсутствии самого этого слова) [8]. По нашим расчетам доля передовой наукоемкой продукции доходила до 40–45% от показателя империи.

Основу промышленности Санкт-Петербурга составляют более 730 крупных и средних предприятий, часть из которых входит в число ведущих предприятий России. Хозяйственную деятельность в сфере промышленного производства также осуществляют 22 тыс. малых предприятий¹. Предприятиями промышленности Санкт-Петербурга накоплен уникальный научно-технический, производственный и кадровый потенциал. Промышленность Петербурга играет важнейшую роль в экономике города, и она сегодня динамично развивается. На ее долю приходится четверть валового регионального продукта и налоговых поступлений в бюджетную систему, пятая часть работающего населения. Основу петербургской промышленности составляют более 700 крупных и средних предприятий, многие из них входят в число ведущих производств России.

Значительную часть промышленности города составляют предприятия и организации оборонно-промышленного комплекса. В машиностроении их доля достигает до 40%. Более 100 крупных и средних предприятий ОПК представляют судостроение, радиоэлектронику, приборостроение и другие ключевые отрасли. Многие из них, кроме выполнения оборонных заказов, успешно выпускают гражданскую продукцию, товары народного потребления. В структуре петербургской промышленности традиционно ведущее место принадлежит судостроению — градообразующей отрасли города. В Санкт-Петербурге сконцентрировано более 80% научно-технического потенциала отечественного судостроения.

С позиций региональной экономики машиностроительный комплекс Петербурга — это уникальное территориально-отраслевое образование, потенциально ориентированное на решение задач промышленной модернизации в условиях внешнеэкономической блокады и системных внешнеполитических вызовов.

Как и в большинстве регионов, в Санкт-Петербурге подготовлен «Паспорт» региона. Из двадцати крупнейших промышленных предприятий Санкт-Петербурга двенадцать по-прежнему относятся к машиностроительному комплексу. Отметим также и то, что исторически машиностроительный комплекс Санкт-Петербурга — Петрограда — Ленинграда — Санкт-Петербурга выполнял функции организационного и научного центра для развития промышленности всей России и, особенно, Северо-Запада. В условиях внешнеэкономических и внешнеполитических вызовов развитие российского и Санкт-Петербургского машиностроения является императивом эффективного государственного строительства.

Авторы, представляя в данном случае различные научные школы, тем не менее, считают, что региональная реиндустриализация может быть эффективной только при жесткой локализации в регионах (городах), способных стать точками роста для

¹ Паспорт Санкт-Петербурга — 2014. СПб. : Правительство Санкт-Петербурга, 2014. С. 38.

всей страны. Кстати, именно так начиналась первая советская индустриализация — план ГОЭЛРО, базой для которой стал Ленинград.

На промышленное развитие Санкт-Петербурга оказывает значительное влияние его место и роль в международном и общероссийском разделении труда. По объему промышленного производства город на Неве превосходит сырьевые регионы России и Московскую область, уступая лишь Москве. Валовой региональный продукт Петербурга, опережая соответствующие показатели других субъектов федерации, намного, однако, ниже Москвы (примерно в 6 раз!) и Тюменской области.

В глобальном геоэкономическом плане Санкт-Петербург занимает уникальную нишу — своеобразное «окно в Россию». Это было отмечено в беседе с одним из авторов статьи еще в начале 90-х годов XX в. Папой Римским Иоанном Павлом II. Реализуя эту уникальность, Санкт-Петербург активно развивает внешнеэкономические связи со многими странами мира. При этом у города имеются юридически оформленные соглашения о сотрудничестве более чем с 90 зарубежными партнерами-городами, провинциями, губерниями и даже национальными правительствами. Важно, что Санкт-Петербург — это крупнейший российский производственно-технологический и научный центр, с которым стремятся развивать эффективные отношения многие иностранные и отечественные компании.

Для нас принципиальное значение имеют слова В.В. Путина, произнесенные в самом начале речи на ПМЭФ в 2015 г. о том, что Санкт-Петербург был всегда открыт для сотрудничества с зарубежьем, и что город на Неве богат инновационными и креативными делами. Велико значение Санкт-Петербурга в освоении Арктики, которая потенциально становится важнейшим фактором развития мировой экономики¹. Город обладает огромными и эффективными возможностями судостроения, в том числе и в сфере строительства мощных ледоколов. Без них, несмотря на потепление арктического климата и таяние льдов, невозможно освоение Северного морского пути — важнейшей транспортной артерии XXI в. для грузоперевозок по маршруту Европа—Азия—Европа.

Несколько лет тому назад Губернатор Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко инициировал на основе создания развитой в городе на Неве научной и производственной базы арктического профиля создание крупного Арктического кластера, территориально охватывающего все приполярное побережье Северного Ледовитого океана. Уместно напомнить здесь мнение президента Исландии Гримссона, неоднократно высказываемое им и ставшее своеобразной аксиомой о том, что Санкт-Петербург является столицей Арктики. О высокой хозяйственной и политической роли Санкт-Петербурга в арктической сфере говорила также уполномоченный правительства Норвегии в Арктическом Совете в беседе, состоявшейся в конце января 2016 г. в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга. Особое значение Санкт-Петербурга в экономике циркумполярных районов неоднократно подчеркивали в ряде международных институтов в том числе Стокгольмском институте «Нордрегио».

Действительно, Петербург заинтересован в масштабном и эффективном освоении ресурсов Арктики. В нашем городе сосредоточено примерно 80% судостроительных научных учреждений страны, почти 40 крупных компаний в данной области, крупнейшие российские верфи, выполнены основные разработки в области освоения шельфа. В промышленности в ближайшее время будут сданы в эксплуатацию три мощных современных ледокола, причем два из них — атомные. Тем самым пополнится ледокольный флот для Арктики. Не случайно на XIX Петербургском международном

¹ Татаркин А. И., Петраков Н. Я., Цветков В. А., Елисеев Д. О., Наумова Ю. В., Кулешов В. В., Ламин В. А., Крюков В. А., Селиверстов В. Е., Пилясов А. Н., Малов Ю. В., Межевич Н. М. и др. Российская Арктика: современная парадигма развития. Санкт-Петербург — Екатеринбург, 2014.

экономическом форуме в июне 2015 г. экспозиция, представленная Северной столицей, имела рабочее название «Санкт-Петербург в центре развития Арктической зоны Российской Федерации». Ощукая в данном павильоне атмосферу Русского Севера и получая разнообразную информацию, политики и бизнесмены из 120 стран познакомились с петербургскими возможностями в освоении Арктики. Их взору были представлены Балтийским заводом макет универсального атомного ледокола «Арктика», ЦКБ «Рубин» — макет мобильной ледостойкой буровой установки, ЦНИИ «Прометей» — макет плавучей платформы для добычи углеводородов в арктических широтах и т. д.

Подтверждением высокого уровня арктических исследований в вузах и научных институтах Санкт-Петербурга могут служить крупные разработки, сделанные в Санкт-Петербургском государственном университете, в частности на ставших уже традиционными круглых столах, проводимых совместно с китайскими специалистами¹, или в Российском государственном гидрометеорологическом университете, располагающем уникальной материально-технической базой. Ученые этого же университета разработали технологии мониторинга и прогноза состояния атмосферы, гидросферы и криосферы в зоне архипелага Шпицберген и в Западной Арктической зоне Российской Федерации, методики комплексного экологического контроля акваторий морских и речных портов, информационную систему комплексного мониторинга гидрометеорологического состояния Арктического региона на основе интегрированного анализа спутниковых данных, создан принципиально новый подход к изучению циркумполярных циклонов, а также в стадии реализации находится ряд проектов с крупными отечественными корпорациями: например, с ОАО «Концерн Океанприбор», АО «Российский институт радионавигации и времени», ЗАО «Транзас» и ООО «ЭкоСервис»².

Эти факты свидетельствуют о глубоком и эффективном университетском сотрудничестве с бизнес-сообществом, а также о широких возможностях петербургской науки освоения Арктики. Приводимые факты об ее изучении в СПбГУ и РГМУ — еще одно доказательство известной максимы «Знание — сила!», высказанной Френсисом Бэконом. Идея создания на базе всего имеющегося и перспективно развивающегося промышленного и научно-образовательного комплекса в Петербурге Арктического кластера с новой силой прозвучала 27 ноября 2015 г. на одном из заседаний III Международного Арктического правового форума «Человеческое измерение Арктики», состоявшегося в Санкт-Петербурге. Она была воспринята с пониманием.

Идеи петербургского активного участия в развитии хозяйственного, культурного и образовательного комплекса всей Арктики нашли свое отражение в Стратегии развития города до 2030 г. Значительное место в ней уделено промышленности как главной отрасли экономики. Это — значительный факт, ибо в недалеком прошлом приоритет отдавался культуре, туризму, искусству, музеям, т. е. нематериальной сфере. Успехи на промышленном поприще наглядно видны на судьбе ОАО «Климов», производителя самых высокотехнологичных двигателей, обеспечивающего России прочное место в шестерке стран, лидирующих в двигателестроении³. ОАО «Климов» к концу 2015 г. ввело в строй новые мощности по выпуску авиационных двигателей.

Перспективно петербургское автомобилестроение, и это — несмотря на закрытие завода «Дженерал Моторс» по инициативе американцев. Благоприятное впе-

¹ См. например: Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке : сб. ст. / глав. ред. В. С. Ягья. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2014. С. 292–389.

² Наука и научное сотрудничество не имеют границ // Санкт-Петербургский вестник высшей школы. 2015, ноябрь, № 9 (112). С. 1–2.

³ Ярошецкий С. Из заповедей Петра Великого: учиться у Запада поддерживать своих // Бизнес-дневник, 2015, июнь. С. 3

чатление на бизнес-сообщество произвело сообщение, что в петербургском пригороде готовы приступить к строительству Федерального испытательного центра для электротехнического оборудования, который будет иметь две важнейшие функции: одна как раз содержится в самом его названии, а вторая состоит в проведении НИОКР.

По-прежнему в Санкт-Петербурге уделяется большое внимание развитию оборонно-промышленного комплекса, на который до 90-х годов XX в. приходилось не менее 60% всего промышленного производства города. Интенсивно развивается агропромышленная отрасль, ускорению, расширению и увеличению производства продовольствия которой, как это может показаться странным для западного наблюдателя, помогли санкции, введенные против России США, странами ЕС, Норвегией, Японией и другими их союзниками. Одновременно это дало толчок развитию сельскохозяйственных предприятий, входящих в границы города [5].

Несмотря на санкции и понижение рейтинга Санкт-Петербурга, иностранные инвесторы не теряют из вида наш город. Это подтверждается, в частности, увеличением в первом квартале 2015 г. объема инвестиций в основной капитал на 5,4%. Для повышения своей привлекательности город на Неве идет по пути предоставления крупным инвесторам все новых и новых льгот. Так, незадолго до начала работы ПМЭФ в 2015 г., Законодательное собрание Санкт-Петербурга приняло закон о снижении до 1,5 млрд руб. порога для стратегических инвестпроектов в здравоохранении, культуре, образовании, физической культуре и спорте, науке и инновационной деятельности, с которого начинается введение налоговых льгот. Это дает свои результаты в появлении очередных признаков промышленного роста. «Мы видим, — говорит председатель Комитета по инвестициям И. Бабюк, — востребованность этих мер»¹.

Только за последний год статус стратегического получили 10 проектов. Хотя падение промышленного производства в 2015 г. составило 7,3%², у предпринимателей появился еще один шанс получить поддержку города на перспективные проекты в качестве целевых займов по льготной ставке 5%, на что власть направляет 1 млрд руб. через специальный Фонд развития промышленности Санкт-Петербурга. Этот фонд действует по тому же принципу, что и федеральный Фонд развития промышленности, предоставляющий льготные займы на перспективные проекты импортозамещения и высокотехнологичных производств. Еще в 2015 г. федеральный фонд выделил 2,4 млрд руб. для финансирования значимых проектов городских промышленных компаний. Петербург, получив эти 12% всего капитала, предусмотренного фондом для льготного финансирования, стал первым регионом в стране, обретшим также крупные средства.

Важное значение для инновационного развития промышленности Санкт-Петербурга имеет недавно открытый в городе единственный пока в России Центр импортозамещения и локализации. Большое внимание городских властей к этой стратегически и финансово крупной отрасли хозяйства уделено в законе «О стратегическом планировании в Санкт-Петербурге», принятом в 2015 г. По словам губернатора Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко, наступило время масштабной реализации стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга до 2030 г. «Мы, — сказал он на заседании правительства 21 сентября 2015 в Смольном, — уже должны на прорывных направлениях добиваться конкретных результатов по обеспечению устойчивого экономического роста. Для того у нашего го-

¹ Орлов К. В работе с инвесторами снижен фактор бюрократии // Коммерсантъ. Business guide. 2015, 24 декабря. № 238. С. 22

² Санкт-Петербург и Ленинградская область в январе-декабре 2015 года. Сообщение Петростата // Санкт-Петербургские ведомости, 3 февраля 2015.

рода есть все ресурсы и целый ряд преимуществ»¹. И далее петербургский губернатор отметил, что, прежде всего, нужно вкладывать инвестиции в создание наукоемких предприятий, способных производить продукт с высокой добавленной стоимостью, продолжать поддерживать малый и средний бизнес, создавать все условия для дальнейшего развития бизнеса.

По данным Комитета по промышленной политике и инновациям СПб, на сегодняшний день индекс настроений в промышленности достаточно высок. Большинство руководителей предприятий оценивают положение как удовлетворительное (78%). 68% предприятий, принявших участие в опросе, в августе сохранили объемы выпуска товаров на уровне предыдущего месяца, 17% предприятий увеличили объемы производства. В 2015 г. при снижении производства во многих отраслях промышленности рост наблюдался в сравнении с 2014 г. в целлюлозно-бумажном, издательском и полиграфическом производстве (на 5,3%), в металлургии и выпуске готовых металлических изделий (на 4,8%), в производстве резиновых и пластмассовых изделий (на 4,6%), в обработке древесины и изделий из нее (на 2,1%), в производстве кожи, изделий из нее и изготовлении обуви (на 1,0%) и др. Особенно велики результаты фармацевтики, выросшие в 2 раза. В целом же объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг в промышленности составил в минувшем году 2,3 трлн руб., что на 5,2%² в действующих ценах больше, чем в 2014 г.

Эти показатели обнадеживающие. Они позволяют быть уверенными, что петербургская промышленность преодолет возникшие трудности. Вкупе с усилиями, предпринимаемыми правительством России и другими регионами страны, петербургская экономика, используя импортозамещающие, инновационные и модернизационные принципы современного развития, упрочит свои позиции в увеличении доли России в мировом суммарном ВВП.

Кластерно-промышленное развитие в Санкт-Петербурге наиболее ярко отражается в постоянном наращивании производственно-территориального и структурного потенциала фармкластера. Во время ПМЭФ-2015 к ранее действовавшему комплексу фармпредприятий добавился завод компании «Новартис-Нева» в Приморском районе, представляющий собой площадку высоких технологий в области фармацевтики для всей России. В начале 2016 г. завершилось сооружение еще двух фармзаводов. Фирма «Медпрофит» планирует построить инновационное предприятие по разработке и производству изделий для лечения кардиологических заболеваний, внутрисосудистых стентов и катетеров. В 2015 г. соглашение о партнерстве заключено между петербургской компанией «Полисан» и германской «Байер», который, используя мощности «Полисана», будет выпускать средства для МРТ и компьютерной томографии. Заметную роль на рынке медицинской техники играет ООО «БиоВитрум», получившее признание в городе на Неве.

Фармацевтический кластер включает 150 компаний, более 30 научно-исследовательских и образовательных учреждений. Он создает уникальный качественный продукт в области медицины, фармацевтики и радиационных технологий, реализуя 25 инвестиционных проектов. Подписав в ноябре 2015 г. Соглашение с некоммерческим партнерством «Медико-фармацевтические проекты XXI века», Петербург получил возможность участвовать в программе поддержки промышленных кластеров, которую Минпромторг РФ открыл в 2016 г.

Предполагается также организовать водный кластер, предусматривающий общегородскую систему водоснабжения, водоотведения и водоочистки. По-видимому,

¹ Время Стратегии — 2030 // Петербургский дневник. 22 сентября 2015.

² См.: Санкт-Петербург и Ленинградская область январь-декабрь 2015 гг. Петростат СПб., 2016.

с этим связано объявление, что скоро «Водоканал» переведут в статус концессии. В Интеллектуальном центре кластера будут разрабатываться проекты, пригодные к промышленному и коммерческому использованию. Производственный компонент кластера обеспечат предприятия на площадке индустриального парка и собственных площадях. Всего в Санкт-Петербурге в настоящее время организовано около 10 кластеров, многие из которых находятся лишь в начальном пути своего функционирования. Будущее покажет их эффективность и перспективность.

Конечно, перечисленными предприятиями и объединениями не ограничивается промышленность Санкт-Петербурга, доля которой в формировании ВРП превышает две трети. Несомненно, она нуждается в эффективном реформировании своей структуры, в насыщении современными технологиями, модернизации и инновации. Однако этого оказалось явно недостаточно, чтобы хотя бы сравняться с объемом инвестиций в основной капитал за тот же период предыдущего года. В январе-декабре 2015 г. они составили 240,5 млрд руб., что отставало на 10,1% от показателя за соответствующее время 2014 г. Не радужные, но не патовые, итоги развития промышленности и России в целом: в 2015 г. выпуск промышленной продукции сократился на 2,7% в сравнении с предыдущим годом. Однако в январе 2016 г. наметился некоторый рост в сравнении с декабрем 2015 г. (на 0,4%¹).

Промышленная политика Санкт-Петербурга не может развиваться автономно по отношению к социально-экономическим условиям всей России. Одно из важнейших направлений экономического подъема России состоит в повороте ее внешних связей в Азию, и прежде всего в сторону Китая. Санкт-Петербург имеет большой опыт сотрудничества с этой страной. Самый яркий пример эффективного партнерства — это китайские инвестиции в 1,5 млрд долл. в строительный проект «Балтийская жемчужина». Китайские инвесторы заинтересованы в реализации других проектов в Петербурге. Наибольший интерес у них проявляется к строительству линий легкорельсового транспорта. При их участии уже ведется строительство конгрессно-выставочного центра «Дружба» и логистического комплекса «Агрополис».

Город на Неве является для китайской стороны приоритетным регионом для инвестиций². При этом надо иметь в виду, что за первые семь месяцев 2015 г. объем инвестиций Китая в Россию сократился на 20%. Этот процесс сохранился, по-видимому, и на весь минувший год. Директор департамента Восточной Европы и Центральной Азии Минкоммерции КНР Ли Цзи выразил, однако, уверенность, что российская экономика не является исключением в наблюдающемся в 2015 г. росте зарубежных инвестиций Китая³. Другим не менее важным, чем инвестиции КНР и других стран Азии, фактором, призванным интенсифицировать промышленное производство в Петербурге, является его структурная перестройка, модернизация и инновационно-технологическое переоснащение, включая смену основного капитала.

Необходимо придать промышленности города еще больший кластерный характер, связав воедино производственный процесс с заводами, фабриками и комбинатами, находящимися за пределами Петербурга. В этом прослеживается территориально-производственная адаптация участников хозяйственно-структурной интеграции. Ведь закон о внутристрановом территориальном разделении труда действует, хотя и в сложившихся или складывающихся социально-экономических рамках.

¹ См.: Шаповалов А. Промышленность поддержали холод и склад // Коммерсантъ, 16 февраля 2016.

² Семенова Е. Легкорельс с китайской перспективой // Петербургский дневник, 25 ноября 2015.

³ Ли Цзи. Китай по объему экономики занимает второе место в мире // Russia-China Business Review. Москва — Пекин, 2015. № 5, октябрь. С. 11.

В улучшении предпринимательского климата в промышленности в Петербурге может сыграть заметную роль также ее участие в реализации государственной антикризисной программы, на которую правительство выделило по всей России более 2 трлн руб., и всесторонняя поддержка малого и среднего бизнеса, занятого в промышленном производстве. Следует также придать большую активность, практичность и деловитость созданному при правительстве города Штабу по снижению административных барьеров, а также организованному «единому окну», предназначенному для обеспечения максимально комфортных условий для взаимодействия бизнеса и власти.

Необходимо более разносторонне и содержательно участвовать в международных выставках, которые повышают авторитет Санкт-Петербурга как стратегического инвестиционного партнера: например, в инвестиционной выставке MIRIM в Канах. К сожалению, продукции и проектов города не было видно на ЭКСПО-2015 в Милане, на выставках на Кубе и в других странах. Демонстрируя свои хозяйственные и социальные достижения на них, Петербург смог бы поднять свою инвестиционную привлекательность. Однако здесь мы сталкиваемся с дефицитом ресурсов. Так, проблема кадров для петербургской промышленности стоит остро, обсуждается на различных форумах. На прошедшем 10–11 ноября 2015 г. в Санкт-Петербурге V Юбилейном Международном партнеринг-форуме «Life Sciences Invest Partnering Russia» прозвучала весьма целесообразная и плодотворная мысль, «чтобы здесь и сейчас были именно те люди, которые нужны, обладающие именно теми компетенциями, которые востребованы данным бизнес-проектом, для этого приходится учитывать всю совокупность факторов, начиная от полного жизненного цикла проекта, технические форсайты, зарплатную политику и многое другое»¹.

Вопросы подготовки квалифицированных кадров будут решаться и при создании водного кластера, предусматривающего открытие водной академии, где будут проходить подготовку и переподготовку специалисты. В контексте настоящей статьи интересны размышления петербургских промышленников, изложенные в публикации издательского дома «Коммерсантъ», посвященной экономике региона². Обращает на себя внимание точка зрения о том, что «наладить производство всех комплектующих возможно, но это вопрос времени и конечных целей». И здесь вступают в силу национальные интересы страны, когда «если хотим, кроме обороноспособности получить экономику, надо смотреть оптимум», но «производители должны быть готовы действовать в зависимости от поставленной задачи».

При всех разрабатываемых путях промышленного подъема всегда надо иметь в виду, что российское народное хозяйство — интегрированная часть мировой экономики. В связи с чем, несомненно, важно учитывать опыт зарубежных стран, их прагматичность, умение встраиваться в текущие и перспективные международные геоэкономические процессы и прагматичность в разработке национальной, отраслевых и региональных стратегий. В качестве примера успешности подобных мер приводится, в частности, Республика Корея, которая, по мнению многих экспертов, в 2040 г. может обогнать Россию по объему ВВП, если, конечно, наша страна не сумеет встроиться в глобальную экономику знаний, на которую ориентирована вся государственная и предпринимательская мощь G20. Именно к этому призывал президент РФ В. В. Путин, выступая перед участниками Петербургского международного экономического форума 17 июня 2016 г.

¹ *Токманова К.* В центре внимания — человек // Санкт-Петербургский вестник высшей школы. 2015, ноябрь, № 9 (112). С. 5.

² *Костринский Г.* Замещение импорта вязнет в полумерах // Коммерсантъ: Business Guide, № 208, 12 ноября 2015. С. 24.

Литература

1. Бодрунов С. Д. Некоторые аспекты формирования общего рынка России, Белоруссии и Казахстана и процессы новой индустриализации России // Экономическое возрождение России. 2013. № 3 (37). С. 4–8.
2. Борко Ю. Европа-XXI: дальше вверх или дальше вниз? // Европейская безопасность. 2011. № 26 (42).
3. Кузнецов С. В., Межевич Н. М. Европейская и постсоветская экономическая интеграция: тенденции развития к 2013 г. // Управленческое консультирование. 2013. № 5. С. 58–66.
4. Кузнецов С. В., Межевич Н. М. Новая промышленная политика страны: вызовы 2015 г. и перспективы машиностроения Санкт-Петербурга // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия «Теория и практика управления». 2015. № 14 (19). С. 33–36.
5. Межевич Н. М., Куденкова А. В. Некоторые внешнеполитические предпосылки развития российского бизнеса в арктическом регионе // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. № 3 (46). С. 21–29.
6. Примakov Е. М. Реиндустриализация или постиндустриализация? // Прямые инвестиции. 2012. № 3 (119). С. 3.
7. Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике / под ред. акад. А. Д. Некипелова, В. В. Ивантера, С. Ю. Глазьева. Москва, 2013.
8. Рыбаков Ф. Ф. Структурные изменения в промышленности Санкт-Петербурга // Проблемы современной экономики. 2012. № 4 (44). С. 318–320.

References

1. Bodrunov S. D. *Some aspects of forming of the total market of Russia, Belarus and Kazakhstan and processes of new industrialization of Russia* [Nekotorye aspekty formirovaniya obshchego rynka Rossii, Belorussii i Kazakhstana i protsessy novoi industrializatsii Rossii] // Economic recovery of Russia [Ekonomichekoe vozrozhdenie Rossii]. 2013. No. 3 (37). P. 4–8. (rus)
2. Borko Yu. *Europe–XXI: further up or further down?* [Evropa-XXI: dal'she vverkh ili dal'she vniiz?] // European safety [Evropeiskaya bezopasnost']. 2011. No. 26 (42). p. 35. (rus)
3. Kuznetsov S. V., Mezhevich N. M. *European and Post-Soviet economic integration: development tendencies by 2013* [Evropeiskaya i postsovetskaya ekonomicheskaya integratsiya: tendentsii razvitiya k 2013 g.] // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. No. 5. P. 58–66. (rus)
4. Kuznetsov, S. V., Mezhevich N. M. *New industrial policy of the state: challenges of 2015 and prospect of mechanical engineering of St. Petersburg* [Novaya promyshlennaya politika strany: vyzovy 2015 g. i perspektivy mashinostroeniya Sankt-Peterburga] // Komi Bulletin of Republican Academy of State Service and Management. Series "Theory and Practice of Management" [Vestnik Komi respublikanskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby i upravleniya. Seriya «Teoriya i praktika upravleniya»]. 2015. No. 14 (19). P. 33–36. (rus)
5. Mezhevich N. M., Kudenkova A. V. *Some foreign policy prerequisites of development of the Russian business in the Arctic region* [Nekotorye vnesnepoliticheskie predposylki razvitiya rossiiskogo biznesa v arkticheskom regione] // North and the market: forming of an economic order [Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka]. 2015. No. 3 (46). P. 21–29. (rus)
6. Primakov E. M. *Reindustrialization or post-industrialization?* [Reindustrializatsiya ili postindustrializatsiya?] // Direct investments [Pryamyie investitsii]. 2012. No. 3 (119). P. 3. (rus)
7. *Russia on the way to modern dynamic and effective economy* [Rossiya na puti k sovremennoi dinamichnoi i effektivnoi ekonomike] / under the editorship of the academician A. D. Nekipelov, V. V. Ivantser, S. Yu. Glazyev. Moscow, 2013. 94 p. (rus)
8. Rybakov F. F. *Structural changes in the industry of St. Petersburg* [Strukturnye izmeneniya v promyshlennosti Sankt-Peterburga] // Problems of modern economy [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2012. No 4 (44). P. 318–320. (rus)

Кириленко В. П., Алексеев Г. В.

Проблема обеспечения информационной безопасности государства в сфере распространения массовой информации

Кириленко Виктор Петрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой международного и гуманитарного права
Доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Российской Федерации
intlaw@szags.ru

Алексеев Георгий Валерьевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры международного и гуманитарного права
Кандидат юридических наук, доцент
intlaw@szags.ru

РЕФЕРАТ

Вопросы обеспечения информационной безопасности государства неразрывно связаны с политическими, экономическими и правовыми гарантиями реализации свободы слова и самовыражения в международном информационном пространстве. В современных политико-правовых условиях в равной степени опасны и недопустимы проявления цензуры и злоупотребления свободой массовой информации, самоизоляция и экстремизм, необъективность и безразличие в отношении тех событий, которые происходят в международной системе. В нарождающейся мультимедийной реальности угрозы безопасности связаны как с техническими особенностями передачи данных, так и с экономической природой общественных отношений в виртуальной среде. В процессе обеспечения информационной безопасности первостепенное значение приобретает устойчивое развитие информационной инфраструктуры гражданского общества и индустрии производства массовой информации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

информационная безопасность, средства массовой информации, медиабезопасность, информационные технологии, информационное право

Kirilenko V. P., Alekseev G. V.

The Problem of State Information Security in the Field of Mass Media

Kirilenko Viktor Petrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of International and Humanitarian Law
Doctor of Science (Jurisprudence), Professor
Honored Lawyer of Russia
intlaw@szags.ru

Alekseev Georgy Valeryevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of International and Humanitarian Law
PhD in jurisprudence, Associate Professor
intlaw@szags.ru

ABSTRACT

In the international media space the issues of ensuring information security of the state is inseparably interrelated with the political, economic and legal guarantees for exercising freedom of speech and expression. Under modern political and legal conditions censorship and abuse of freedom of mass media, the isolation and extremism, bias and indifference to those events that occur in the

international system are equally dangerous and unacceptable. Emerging security threats of multi-media reality connected with the technical features of data transfer, and economic nature of social relations in a virtual environment. Media industry and sustainable development of information infrastructure of civil society becomes prima priority for state information security.

KEYWORDS

information security, mass media, media security, information technologies, media law

Президент Российской Федерации В. В. Путин в рамках заседания Совета Безопасности, посвященного вопросам информационной безопасности, отметил, что «надежная работа информационных ресурсов, систем управления и связи имеет исключительное значение для обороноспособности страны, для устойчивого развития экономики и социальной сферы, для защиты суверенитета России в самом широком смысле этого слова». Он также обратил внимание на то, что «современную эпоху справедливо называют информационным веком. Новые технологии, глобальные коммуникационные сети охватывают практически все сферы деятельности человека и общества. Они на глазах меняют качество жизни людей, способствуют глобализации экономики и гуманитарного пространства»¹.

Во внутренней политике России с момента утверждения Доктрины информационной безопасности в 2000 г. под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства². В процессе работы над проектом новой аналогичной Доктрины понятие информационной безопасности было расширено, оно стало охватывать состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз в информационной сфере, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства.

Вопросы обеспечения информационной безопасности государства неразрывно связаны с политическими, экономическими и правовыми гарантиями реализации свободы слова и самовыражения в международном информационном пространстве [2]. В современных политико-правовых условиях в равной степени опасны и недопустимы проявления цензуры и злоупотребления свободой массовой информации, самоизоляция и экстремизм, необъективность и безразличие в отношении тех событий, которые происходят в международной системе. Увеличение количества тех национальных интересов, для которых особое значение имеет защищенность информационной сферы жизни российского общества, в целом соответствует парадигме постиндустриальной социальной формации. Национальная информационная безопасность становится всеобъемлющим институтом государственной политики, что существенно усложняет административные процедуры по защите конкретных интересов в сфере производства и распространения информационных сообщений.

Поскольку реализуемая странами Запада «политика сдерживания России предусматривает оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления» [4, с. 21], вопросы эффективного обеспечения информаци-

¹ Владимир Путин проводит заседание Совета Безопасности, посвященное вопросам противодействия угрозам национальной безопасности в информационной сфере. 1 октября 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.putin-today.ru/archives/5920>.

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 9 сентября 2000 г. № Пр-1895) // Российская газета от 28 сентября 2000. № 187.

онной безопасности имеют важное значение для сохранения суверенитета и устойчивого развития страны.

Субъекты обеспечения информационной безопасности в зависимости от собственной компетенции выделяют тот или иной аспект системы национальной информационной безопасности, который представляет особую значимость непосредственно для них, задействует те сегменты информационной инфраструктуры, за безопасность в рамках которых ответственны конкретные государственные органы. Вместе с тем информационная безопасность обеспечивается в сфере компьютерных технологий, в средствах массовой информации и сетях связи общего пользования, в архивном и библиотечном деле, закрытых информационных системах. Информационный суверенитет государства предполагает не только «верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики» [3, с. 21], но и предполагает «активное участие государственных органов и институтов гражданского общества в глобальной конкуренции на международном рынке массовой информации» [1, с. 373].

В результате активного проникновения компьютерных технологий в социально-культурные процессы современного общества фактически в рамках системы обеспечения информационной безопасности сформировались три относительно самостоятельных института: медиабезопасность, безопасность информационных технологий, защита информации от несанкционированного доступа и утечки. Эти основные составляющие института информационной безопасности нормативно объединяются в стратегическую концепцию защиты национальных интересов в информационной сфере. *Защита информации* — в значительной степени техническая проблема, которая решается техническими методами, *безопасность информационных технологий* определяется доступностью информационных систем и технологий в современном мире и зависит от уровня экономического развития и качества образования населения, в свою очередь *медиабезопасность*, как информационная безопасность в сфере массовой информации, является важнейшим компонентом эффективной государственной политики в медиасфере.

Чем выше уровень информатизации в социальных процессах, тем выше риски и шире спектр угроз информационной безопасности в части утечки информации и несанкционированного доступа к ней, в то же время возникает необходимость внедрять информационные технологии, улучшающие качество и производительность труда. Субъекты, участвующие в предоставлении услуг информационных сетей (абоненты, сервис-провайдеры, контент-провайдеры, провайдеры сети, поставщики «облачных» технологий, системы электронных или мобильных платежей), влияют на эффективность системы информационной безопасности. Каждый из этих участников имеет в распоряжении терминал сети и поэтому является потенциальной угрозой безопасности.

Расследование нарушений безопасности требует сбора данных из всего комплекса источников угроз. Кроме того, существование различных механизмов для доступа к сети (проводной, беспроводной, поддержка 3G и т. д.) создает множество точек доступа, которые могут использоваться для несанкционированного доступа и неправомерного использования. Обнаружение угроз безопасности требует постоянного обмена информацией между всеми субъектами обслуживания сетевых устройств [6]. При этом политики безопасности транснациональных корпораций, участвующих в предоставлении услуг социальных сетей, могут иметь существенные различия, что затрудняет взаимодействие между ними.

Допустимая степень активности защиты своих интересов в сфере компьютерной безопасности в последние годы стала одной из наиболее спорных тем, поднятой в рамках научной дискуссии по вопросу способов обеспечения информационной безопасности в современных социальных сетях. Отсутствие понимания принципов

альных отличий вредоносных программ от средств активной защиты и блокировки вредоносного контента создает сложности в выработке универсального подхода к информационной безопасности [9].

Международная сеть интернет за последние 30 лет превратилась из академической информационной системы в глобальное средство массовой коммуникации, имеющее жизненно важное значение для мировой коммерции и политики, основанное на принципах открытости и совместного использования данных, которые имеют первостепенное значение для существования глобальной сети в ее современном качестве. Стратегическое представление о медиабезопасности, как об информационной безопасности в сфере массовых коммуникаций, формируется на основе алгоритмов решения тех практических задач, которые стоят перед государственными институтами в современных информационных сетях связи общего пользования. Угрозой безопасности страны в информационной сфере стало отставание политических и правовых институтов государства от темпов развития систем глобальной коммуникации, что обуславливает расширение спектра угроз информационной безопасности интересам частных лиц в различных сферах народного хозяйства страны.

Традиционные административные алгоритмы и регламенты, направленные на обеспечение национальной безопасности, работают в информационной сфере недостаточно эффективно. Интенсивность развития информационных систем и технологий требует гибкой и адаптивной системы медиакоммуникаций, ключевым свойством которой является способность к саморегулированию и самовосстановлению. Транспарентность государственных границ в системе международного общения, технологическая простота и легкость, с которой действия могут быть выполнены в рамках элементов глобальной сети связи, расположенных в районах, географически удаленных от абонента сети, не всегда позволяют соблюдать традиционные законы и формальности в современной системе массовых коммуникаций.

Краеугольным и не до конца решенным вопросом обеспечения информационной безопасности является правовая юрисдикция над общественными отношениями в социально-технических коммуникативных системах. Отсутствие универсального представления о юрисдикции в киберпространстве значительно усложняет понимание места и времени совершения актов медиакоммуникаций всеми участниками международного общения и субъектами политического процесса в частности.

Изначально многими сетевыми администраторами применялся принцип территориальной привязки интернет-коммуникаций к месту нахождения того терминала, через который осуществляется распространение информации. Такой физический подход используется для защиты границ государства и способствует внедрению соответствующих технологий для управления коммуникациями. Однако такой подход, проникая с уровня национальной безопасности в корпоративную культуру, становится все более деструктивной тенденцией по отношению к единству глобальной сети и отрицательно сказывается на популярности корпоративных ресурсов.

С момента начала работы интернета как сети связи общего пользования формирующаяся завеса безопасности, по справедливому замечанию американского специалиста в сфере информатики Вильяма (Билла) Чесвика, была «своего рода хрустящей оболочкой вокруг мягкого, тягучего центра» [7], которая до сих пор оказывает декоративное влияние на информационные сети связи. Система информационной безопасности широко использовала сеть брандмауэров — фильтров, способных как блокировать интернет-сайты с нежелательным контентом (черный список), так и в значительной мере блокировать все, кроме того, что необходимо для работы (белый список). Такие подходы к информационной безопасности, изначально внедренные в практику работы большинства организаций, способны обеспечить защиту информации, однако ограждая от взаимоувязанной глобальной

сети локальные ресурсы, системы безопасности создают угрозы другого порядка, затрудняют обработку информационных сообщений.

Скорость обработки информации, в условиях уплотняющейся конкуренции, становится одним из ключевых показателей защищенности информационной системы. В процессе развития глобальной сети все более широкое распространение и значение для нашей социальной и экономической жизни приобретают электронная торговля, новостные медиаресурсы и мультимедийная культура. Обеспечение целостности киберпространства зависит от комплекса технических, экономических, правовых мер, отражающих политику расширения возможностей человека посредством внедрения в жизнь информационных технологий.

Надлежащая практика защиты информации необязательно должна быть сложной и многоуровневой технической системой. Известный специалист в сфере компьютерной безопасности из Университета Родса (ЮАР) Барри Ирвин отмечает, что наиболее важная задача, стоящая перед всеми заинтересованными сторонами в рамках кибернетической безопасности, — повышение общей осведомленности об основных угрозах безопасности, решение которой способствует снижению вредоносной активности, исходящей из корпоративных информационных систем [9].

Основными участниками создания норм поведения в глобальной компьютерной сети являются частные корпорации, контролирующие предоставление телекоммуникационных услуг. При этом широкое распространение компьютерных технологий оказывает влияние на поведение пользователей систем технических устройств. Методы и инструменты защиты информации призваны обеспечить сохранность персональных данных и тайну частной жизни, однако соблазн узнать чужие тайны нередко оказывается сильнее любых мер безопасности [11, р. 4]. Медиакорпорации в силу их вовлеченности в процессы разработки программного обеспечения получают практически неограниченный доступ ко всему контенту глобальной сети, создают угрозы административного характера, связанные с рисками злоупотребления, полученными в силу технологического превосходства правами.

Технологические системы информационной безопасности получили весьма ограниченное распространение не только по причине своей ненадежности и высокой стоимости постоянной модернизации, но и в силу их неудобства для пользователей, сопряженного с постоянными рисками дополнительных расходов, в связи с утратой оперативного доступа к системам хранения и обработки информации. С одной стороны, мероприятия по защите информации должны использовать самые прогрессивные технологические разработки [13; 14], которые имеют существенную стоимость и отрицательно влияют на конкурентоспособность продукции предприятий; с другой стороны, технологическая сложность систем защиты информации отрицательно влияет на оперативность доступа к актуальной информации. Канадский профессор из Университета Онтарио Стефан Марш отмечает, что в большинстве сфер народного хозяйства обеспечить информационную безопасность, сохраняя при этом его социально-экономическую целесообразность, возможно лишь в той мере, в какой это соответствует уровню образования и культуры пользователей социальных сетей [12].

Информационная безопасность в таких условиях приобретает значение некой благоприятной парадигмы, к которой следует стремиться, однако обеспечить ее в полной мере чрезвычайно сложно в силу комплекса технических и социальных ограничений. В сложных технических системах неизбежны неполадки, со своей стороны человеческий фактор также определяет ряд угроз: пользователи могут иметь недостаток веры, понимания, терпения по отношению к мерам безопасности, которые существуют в компьютерных системах.

Многие зарубежные специалисты в сфере информатики полагают, что системы безопасности социальных сетей связи и других информационных ресурсов не ориентированы на потребности и способности пользователей, а подчинены логике некоего образного духа безопасности, продиктованного техническими алгоритмами. В процессе реализации политики, направленной на усложнение систем безопасности в ходе своеобразной «гонки вооружений» в сфере кибернетической безопасности, существуют риски утраты доверия к техническому прогрессу как к фактору, благоприятно сказывающемуся на качестве жизни и доступности социальных благ для каждого человека без какой бы то ни было дискриминации.

Сложный этап в эволюции информационных систем связан с угрозой уменьшения интереса к материалам информационных сетей на фоне расширения спектра потенциальных угроз интересам абонентов. На наш взгляд, современные вызовы информационной безопасности связаны не только с увеличением числа кибератак, но и сопряжены с нарождающимися технологиями социальной инженерии, наслаивающимися на ставшие привычными вредоносные программы. Система социальных угроз в информационной сфере развивается значительно быстрее, чем формируются политико-правовые институты противодействия нарождающимся опасностям. Расширенные механизмы безопасности, лучшие пароли, более сложные процедуры входа в систему и ряд других технических решений в сфере безопасности не отвечают интересам рядовых пользователей компьютеров.

С тех пор как в 1974 г. американские ученые Ричард Барнет и Рональд Мюллер обратили внимание на то, что транснациональные корпорации конкурируют друг с другом в разработке все более изощренных средств защиты информации, ситуация не изменилась [5]. Разработанные и внедренные антивирусные технологии, с одной стороны, защищают информацию [14], а с другой — причиняют неудобства пользователю, которому эти системы безопасности фактически мешают работать на компьютере. В частности, профессор из Университета Виктории (Мельбурн, Австралия) Наташа Дуайер обоснованно полагает, что необходимо искать более человеко-ориентированный подход к безопасности, основанный на социальных нормах, способных обеспечить комфорт и доверие при работе с современными мультимедиа-системами.

Вместе с тем политика транснациональных корпораций идет вразрез с парадигмой доверия в отношениях с пользователями. Секретарь Совета Безопасности Российской Федерации Н. П. Патрушев на совещании во Владивостоке 26 августа 2015 г. отметил «наличие в информационных системах (органов государственной власти) программных средств иностранных технических разведок» и раскритиковал чиновников за использование иностранных сервисов Google, Yahoo, WhatsApp¹. Вместе с тем очевидно, что конкурентоспособных отечественных разработок в сфере мультимедийных сервисов явно недостаточно.

По нашему мнению, уровень социальной медиабезопасности также зависит от удобства средств массовой информации для ее целевой аудитории. В этом контексте основными угрозами информационной безопасности становятся все более низкое качество контента и навязывание медиакорпорациями собственных представлений о действительности. Если в технической составляющей информационной безопасности сложилось представление о «переднем плане доверия» [8] — способности технологического устройства представлять информацию пользователям на основе программных решений, ориентированных на доверие к конкретным ресурсам, то можно предположить, что именно федуциарность является одним из основных принципов обеспечения информационной безопасности в рамках всего

¹ Патрушев: в системах госвласти нашли иностранное разведывательное ПО [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2656749> (дата обращения: 20.09.2016).

спектра социальных институтов, испытывающих потребность в защищенности собственных интересов в информационной сфере.

Недоверие, которое возникает по отношению к материалам средств массовой информации низкого качества, распространяется в процессе потребления их продукции на всю медиаиндустрию и становится критической угрозой для безопасности страны. Реализуемая отдельными медиаструктурами в рамках социально-политических процессов концепция «свободного» выбора между неприятным и потенциально еще более неприятным раскручивает спираль недоверия к материалам средств массовой информации со стороны населения.

В нарождающейся мультимедийной реальности угрозы безопасности связаны как с техническими особенностями передачи данных, так и с экономической природой общественных отношений в виртуальной среде. В процессе обеспечения информационной безопасности первостепенное значение приобретает устойчивое развитие информационной инфраструктуры гражданского общества, неразрывно связанное с индустрией производства массовой информации. Интеграция социально-психологических понятий доверия и комфорта в вычислительные системы происходит на фоне сохранения устаревающих моделей работы с информацией в сфере документооборота, социального управления, производства массовой информации. В результате доверие к сетевым ресурсам растет, а понимание традиционной журналистики постепенно снижается.

Парадоксальность того, что интуитивный интерфейс мобильных устройств, призванный обеспечить понимание устройством команд пользователя, способствует доверию не только к надежности самого устройства, но и к содержанию тех сообщений, которое это устройство передает, имеет вполне очевидное социально-психологическое объяснение. Доверие пользователей к компьютерным системам определяется их функциональным назначением, комфорт зависит от степени понятности тех процессов обработки и передачи информации, в которых пользователь заинтересован. Использование антропоморфных принципов взаимодействия между пользователями и техническими системами формирует атмосферу безопасности, в которой доверие и комфорт — это принципы гибкого информационно-просветительского подхода к рискам, существующим в социальных сетях. В практику работы информационных систем активно внедряются «модели доверия, интеграции с различными мобильными устройствами, уют, комфортный дизайн с поддержкой пользовательских интерфейсов, направленных на расширение удобства для пользователя в разных контекстах» [12].

Виртуальные реальности интернета проникают в актуальную политику, значительно быстрее и больше, чем это принято ожидать. В традиционных средствах массовой информации имеется тенденция к имплементации мультимедийного формата распространения информации, однако это не добавляет комфорта и мало влияет на доверие аудитории к журналистам. Внедрение информационных технологий в производство средств массовой информации часто имеет противоположный результат и привносит недоверие и дискомфорт в работу предприятий медиаиндустрии и руководящих ими государственных органов, поскольку преследует иные цели, игнорируя обозначенную выше парадигму доверия в сфере информационной безопасности.

Атмосфера комфорта, доверия и компетентности в среде участников производства и распространения массовой информации является основным показателем информационной безопасности в социальных информационных сетях. Развитие современных средств массовой информации возможно исключительно в условиях их полезности и удобства для массовой аудитории, интересы которой определяют состояние социально-культурной сферы жизни общества. В данном контексте медиабезопасность зависит от понимания медиаиндустрией и аудиторией интересов друг друга, их готовности к прогрессивным переменам.

Литература

1. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Международное право и информационная безопасность государств: монография. СПб. : СПб ГИКиТ, 2016.
2. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Особенности правового положения субъектов международной журналистики // Управленческое консультирование. 2014. № 6 (66). С. 24–32.
3. Кучерявый М. М. Информационное измерение политики национальной безопасности России в условиях современного глобального мира: дисс. д-ра полит. наук. СПбГУ, 2014.
4. Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России // Управленческое консультирование. 2016. № 1 (85). С. 22–30.
5. *Barnet Richard J., Müller Ronald E. Global Reach: The Power of the Multinational Corporations.* New York, 1974.
6. *Bihina Bella M. A., Olivier M. S., Elo J. H. P. A fraud management system architecture for next-generation networks // Forensic Science International.* 2009. № 185. P. 51–58.
7. *Cheswick W. R. The Design of a Secure Internet Gateway / Summer Usenix Conference.* Anaheim, CA, June 1990. P. 233–237.
8. *Dwyer N. Traces of Digital Trust: An Interactive Design Perspective.* PhD thesis, School of Communication and three Arts, Faculty of Arts, Education and Human Development. Victoria University, 2011.
9. *Irwin Barry V. W. Standing your ground: current and future challenges in cyber defense / Theories and Intricacies of Information Security Problems.* Potsdam : Universitätsverlag, 2013. P. 100–108
10. *Kiountouzis E. A., Kokolakis S. A. Information systems security: facing the information society of the 21st century.* London : Chapman & Hall, Ltd., 2008.
11. *Marsh S., Basu A., Dwyer N. Security enhancement with foreground trust, comfort, and ten commandments for real people / Theories and Intricacies of Information Security Problems.* Potsdam : Universitätsverlag, 2013. P. 1–7.
12. *Marsh S., Briggs P. Defining and investigating device comfort / Proceedings of IFIPTM 2010.*
13. *Pipkin D. Information security: Protecting the global enterprise.* New York : Hewlett-Packard Company, 2000.
14. *Spagnoletti P., Resca A. The duality of Information Security Management: fighting against predictable and unpredictable threats // Journal of Information System Security.* 2008, 4 (3). P. 46–62.

References

1. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. *International law and information security of the states* [Международное право и информационная безопасность государств]: monograph. SPb. : St. Petersburg State University of Film and Television [SPb GIKiT], 2016. 396 p. (rus)
2. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. *Features of a legal status of subjects of the international journalism* [Особенности правового положения субъектов международной журналистики] // Administrative consulting [Управленческое консультирование]. 2014. N 6 (66). P. 24–32. (rus)
3. Kucheryavy M. M. *Information measurement of policy of national security of Russia in the conditions of the modern global world* [Информационное измерение политики национальной безопасности России в условиях современного глобального мира]: Doctoral Dissertation. St. Petersburg State University [SPbGU], 2014. 374 p. (rus)
4. Shamakhov V. A., Balashov A. I. *New geopolitical reality and its impact on the strategy for economic and social development of Russia* [Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России] // Administrative consulting [Управленческое консультирование]. 2016. N 1 (85). P. 22–30. (rus)
5. *Barnet Richard J., Müller Ronald E. Global Reach: The Power of the Multinational Corporations.* New York, 1974.
6. *Bihina Bella M. A., Olivier M. S., Elo J. H. P. A fraud management system architecture for next-generation networks // Forensic Science International.* 2009. № 185. P. 51–58.
7. *Cheswick W. R. The Design of a Secure Internet Gateway / Summer Usenix Conference.* Anaheim, CA, June 1990. P. 233–237.
8. *Dwyer N. Traces of Digital Trust: An Interactive Design Perspective.* PhD thesis, School of Communication and three Arts, Faculty of Arts, Education and Human Development. Victoria University, 2011.

9. Irwin Barry V.W. *Standing your ground: current and future challenges in cyber defense* / Theories and Intricacies of Information Security Problems. Potsdam : Universitätsverlag, 2013. P. 100–108
10. Kiountouzis E. A, Kokolakis S. A. *Information systems security: facing the information society of the 21st century*. London : Chapman & Hall, Ltd., 2008.
11. Marsh S., Basu A., Dwyer N. *Security enhancement with foreground trust, comfort, and ten commandments for real people* / Theories and Intricacies of Information Security Problems. Potsdam : Universitätsverlag, 2013. P. 1–7.
12. Marsh S., Briggs P. *Defining and investigating device comfort* / Proceedings of IFIPTM 2010.
13. Pipkin D. *Information security: Protecting the global enterprise*. New York : Hewlett-Packard Company, 2000.
14. Spagnoletti P., Resca A. *The duality of Information Security Management: fighting against predictable and unpredictable threats* // Journal of Information System Security. 2008, 4 (3). P. 46–62.

Андреева Е. С., Орлова И. А.

Российский вектор в формировании единого социального и социокультурного пространства на Южном Кавказе

Андреева Екатерина Сергеевна

Стажер Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва)
Младший научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ)
proforg816@yandex.ru

Орлова Инна Анатольевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры международного и гуманитарного права
Санкт-Петербургский государственный университет
Доцент факультета международных отношений
Кандидат юридических наук, доцент
innaorlova@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье проводится анализ феномена «социальное пространство», раскрывается историческая роль России в формировании единого социального пространства на Южном Кавказе, исследуются доктринальные взгляды ученых и политиков Российской Федерации и кавказских государств на процесс формирования социального пространства Закавказья, проводится оценка перспективы влияния ведущих акторов внешней политики на социальное пространство в регионе Южного Кавказа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социальное пространство, социокультурное пространство, стратегия Российской Федерации на Южном Кавказе, стратегическое партнерство, интеграция, социальная политика

Andreeva E. S., Orlova I. A.

Russian Vector in the Formation of a Common Social and Socio-Cultural Space in the South Caucasus

Andreeva Ekaterina Sergeevna

Graduate student of Diplomatic Academy Ministry of foreign affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
Junior Researcher of Russian Institute for Strategic Studies
proforg816@yandex.ru

Orlova Inna Anatolyevna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of International and Humanitarian Law
Saint-Petersburg State University
Associative Professor of Faculty of International Relations
PhD in Juridical Science, Associative Professor
innaorlova@yandex.ru

ABSTRACT

The article analyzes the phenomenon of “social space”, reveals the historical role of Russia in the formation of the unified social space on the South Caucasus, examines the doctrinal views of scientists and politicians of the Russian Federation and the Caucasian states on the process of formation social area in the Caucasus, assesses the prospects of the impact of the leading actors of foreign policy on the social space in the South Caucasus.

KEYWORDS

social space, socio-cultural space, strategy of the Russian Federation in the South Caucasus, strategic partnership, integration, social policy

Политика России на Кавказе обусловлена, в первую очередь, вопросами безопасности. Присоединение закавказских народов к Российской империи имело прогрессивное значение, так как положило конец опустошительным иноземным нашествиям и феодальной раздробленности. Россия способствовала возрождению и развитию их культуры, взаимообогащению культур русского и закавказских народов» [4, с. 6]. Этот социокультурный процесс продолжается и в настоящее время.

В правовых документах термин «общее социальное пространство» содержится в Договоре между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве от 24 ноября 2014 г. Согласно ст. 3 данного Договора «формирование общего социального и экономического пространства» является одним из основных направлений развития союзничества и стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Абхазия.

Понятие социального пространства в правовой, да, пожалуй, и политической доктрине не получило должного исследования.

В основном, разработками в данной сфере занимаются ученые-социологи. Безусловно, одним из крупнейших исследователей социального пространства является французский ученый-социолог Пьер Бурдьё, который свою концепцию социального пространства изложил в труде «Социология социального пространства» [2, с. 50]. Его определение социального пространства («физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, в то время как социальное пространство — по взаимоисключению (или различению) позиций, которые его образуют, так сказать, как структура рядоположенности социальных позиций») [2, с. 50] старательно воспроизводится учеными-социологами во всех последних работах, посвященных проблемам создания и функционирования социального пространства.

Бурдьё отмечает, что «структура социального пространства проявляется... в самых разнообразных контекстах как пространственные оппозиции обитаемого (или присвоенного) пространства, функционирующего как некая спонтанная метафора социального пространства» [2, с. 50].

Содержание единого социального пространства раскрывается учеными-представителями разных наук по-разному. В основном в него включаются следующие элементы:

- равная защищенность прав человека;
- общее понимание истории;
- общие культурные ценности.

Вполне можно согласиться с К. М. Хоруженко в том, что «социальное пространство раскрывается в понятиях, отражающих процессы экономического развития, урбанизации, роста народонаселения, миграции как демографического явления, антропогенного воздействия человека на природу и др.» [10, с. 400–401].

В структуру социального пространства входят культурное, информационное и пр. подпространства. П. Бурдьё отмечает, что «социальное пространство — абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.)» [2, с. 54].

В системе социального пространства особая роль принадлежит социокультурному пространству. Оно конституирует, формирует и во многом определяет качественные характеристики пространства социального. Социокультурное пространство

рассматривается «не просто суммой социального и культурного» [9, с. 161]. М. Н. Ремизова обращает внимание на три аспекта социокультурного пространства: во-первых, «социокультурное пространство» — часть социального; во-вторых, «социокультурное пространство» может выступать частью культурного; в-третьих, «социокультурное пространство» имеет границы, очерченные ценностями и нормами, а также взаимодействиями многосвязанных групп, заключающих в себе социальные, культурные, личностные аспекты взаимодействующих участников [9, с. 161]. Построение единого социального пространства возможно лишь на базе единого социокультурного пространства.

Несмотря на то что в Договоре между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции от 18 марта 2015 г.¹ создание единого социального пространства прямо не указывается среди целей, тем не менее, именно данный договор наиболее явно выражает стремления договаривающихся государств к созданию такого пространства. В Договоре отмечается, что отношения между странами основаны на глубоких исторических и духовных связях, и они переходят на новый уровень межгосударственных отношений, союзничества и стратегического партнерства. Ведущее значение среди положений данного Договора, безусловно, имеют военные аспекты, а именно создание единого пространства обороны и безопасности. Однако (и данный тезис будет раскрываться далее) только военный союз не может полностью обеспечить безопасность субъектов. Создание общей системы безопасности приводит к необходимости формирования и реализации единых социальных программ, среди которых упрощение процедур приобретения гражданами Республики Южная Осетия гражданства Российской Федерации, возможность приобретения российского гражданства без соблюдения условия об отказе от имеющегося у него гражданства Республики Южная Осетия; повышение уровня пенсионного обеспечения граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Республики Южная Осетия, до уровня, сопоставимого со средним уровнем пенсионного обеспечения в Северо-Кавказском федеральном округе Российской Федерации; повышение средней заработной платы работников государственных и муниципальных учреждений до уровня, сопоставимого с уровнем оплаты труда соответствующих категорий работников в Северо-Кавказском федеральном округе Российской Федерации, а также иные меры в сфере здравоохранения, образования, культуры и пр.

Даже в таком развитом интеграционном объединении, как Европейский Союз создание единого социального пространства — довольно сложный процесс. Как отмечают исследователи, «если формирование единого экономического пространства на территории Европейского Союза успешно завершено, создан единый внутренний рынок, постоянно расширяется зона евро, то есть финансовое пространство, то при строительстве общего социального пространства Европейский Союз еще сталкивается с серьезными трудностями, несмотря на несомненные достижения в социальной сфере и высокий уровень жизни населения» [7, с. 100].

В толковом словаре обществоведческих терминов единое социальное пространство определено как «совокупность территорий ряда стран, в пределах которых проводится согласованная социальная политика, и функционируют унифицированные нормы социальной защиты граждан» [11].

Одним из примеров исторического социального пространства была Российская империя. В настоящее время социальная политика российских правителей оценивается в закавказских государствах неоднозначно. Крайне радикальным является

¹ Текст Договора между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции от 18 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4819> (дата обращения: 21.07.2016).

тезис о «колонизации» Кавказа Россией [3, с. 22–33]. Как справедливо отмечается учеными, такая точка зрения стала активно поддерживаться в современных Азербайджане и Грузии как результат смены историографических парадигм [4, с. 6]. Стоит согласиться с утверждением Э.Г. Вартаньяна: «В принципе, процесс смены историографических парадигм можно считать закономерным, но только при условии, что если ему в жертву не приносятся принципы историзма и объективности, а также, если новая интерпретация исторических событий действительно адекватна известным историческим фактам» [4, с. 6].

Э.Г. Вартаньян отмечает: «В армянской историографии факт присоединения Восточной Армении к России оценивается однозначно как важное событие в истории народа, избавившее его от угрозы физического уничтожения. Армянский народ благодаря вхождению в состав Российской империи получил большие возможности для политического, экономического и культурного развития» [4, с. 15]. Еще в 1718 г. гандзасарский католикос Есаи писал к Петру I: «мы и весь народ армянской просим и все под кров вашего величества от искренняго сердца, без премены, всею мыслию и чистою совестью по означенной нам воли вашей и обещанию, под державою вашего величества поклониться желаем» [1].

Вхождение Грузии в состав Российской империи проходило по просьбе грузинских царей и в результате заключения договора о вступлении Восточной Грузии под покровительство России (24 июля 1783 г., Георгиевская крепость). Просьба о покровительстве России была вызвана объективной необходимостью. Стало недостаточно военных союзов, которые заключала Грузия и Россия и раньше.

Примеры Грузии и Армении показывают, что военное сотрудничество является важным, но недостаточным элементом создания социального пространства. Военное сотрудничество, безусловно, один из важнейших факторов поддержания безопасности единого социокультурного пространства, однако, безопасность региона нельзя обеспечить только военным компонентом.

В СССР единое социальное пространство получило легитимацию и окончательно оформилось в законодательстве. Будучи добровольным объединением равноправных народом, являясь суверенными государствами (самостоятельными субъектами международного права и политики¹), имеющими правовое основание выхода из СССР², союзные республики развивались в едином пространстве на основе равенства всех народов, с общими правами, обязанностями и гарантиями, в том числе в социальной сфере. Равная социальная защищенность граждан СССР — один из постулатов советского государства.

Общая история, защита единого Отечества во время Великой Отечественной войны способствовали укреплению социальных связей народов России и Кавказа. Согласимся с мнением, что «социальное пространство представляет собой совокупность процессов отношений между людьми. Важным моментом здесь является наличие межиндивидуального взаимодействия»³. Такое взаимодействие наиболее эффективно при наличии единого языка, общего для определенного социального пространства.

¹ Закон от 1 февраля 1944 г. «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г / под ред. к. ю. н. Л.И. Мандельштам. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 29.

² См. п. 4 гл. 2 «О суверенных правах союзных республик и о союзном гражданстве» Конституции СССР 1924 г.

³ Щелоков Д. В. Институт государства в социальном пространстве [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/6_PNI_2014/Philosophia/2_158412.doc.htm (дата обращения: 21.07.2016).

Русский язык стал государственным языком великой страны, был воспринят всеми ее народами, выступил объединяющей базой социального и культурного пространства СССР. Советские граждане различных национальностей прекрасно владели своим родным языком, который развивался и не ущемлялся в Советском Союзе, а также знали русский язык. Великие произведения писателей и поэтов разных национальностей были написаны ими, в том числе и на русском языке.

И в настоящее время русский язык должен оставаться региональным языком межнационального общения, являясь одной из основ преобразующегося единого социального пространства на территории бывшего СССР, и способствуя возрождению взаимопонимания бывших братских народов. Примечательно, что свою популярность приобретает «Тотальный диктант по русскому языку», который уже неоднократно проводился в Грузии и Армении, а в 2016 г. впервые — в Азербайджане.

Стоит отметить, что важнейшими элементами общего социального пространства являются государства. Функционирование единого социального пространства возможно только на основе согласованной социальной политики, реализуемой субъектами, создающими такое пространство.

Разработка такой политики должна предшествовать социальной идее. Формирование общего социального пространства невозможно без осознания общих ценностей. Социальные ценности являются фундаментом, на котором строится социальное пространство.

На территории бывшего Советского Союза происходит строительство новых социальных государств. Стоит согласиться с теми учеными, которые делают вывод, что даже в Российской Федерации социальное государство лишь строится, его формирование «находится на самом раннем этапе: разработка концепции только начинается» [6, с. 207–208]. Ученые отмечают, что «государственное управление в большинстве случаев осуществляется без реальной опоры на юридическую доктрину, нормативная база — неполная, определены лишь некоторые конституционные обязанности Российского государства в области социальной политики по отношению к его гражданам. Практическая реализация концепции социального государства также вызывает ряд вопросов, так как отсутствуют концептуальный и нормативный элементы» [6, с. 209; 5]. В ряде государств-партнеров Российской Федерации на Южном Кавказе социальное государство находится еще в более неразвитом состоянии.

В настоящее время все государства бывшего СССР в своих основных правовых актах определили себя как социальные государства, однако создание единого социального пространства не есть просто грубая сумма пространств социальных государств.

Необходимо не только заявить о создании единого социального пространства, даже закрепив его в международно-правовых актах, необходимо «наполнить» его соответствующим содержанием.

Создание единого социального пространства потребует и создания социальной правовой базы. Это может быть как унификация в рамках международных соглашений, так и гармонизация национальных законодательств путем создания схожей модели правового регулирования.

Возрождение социокультурного пространства России и государств Южного Кавказа должно стать первой ступенью для создания единого социального пространства в закавказском регионе. Именно Российская Федерация может стать «скрепляющим звеном» в его формировании. Учитывая различные внешнеполитические векторы, на которые ориентируются государства Южного Кавказа, разные религиозные традиции, взаимные претензии друг к другу, вряд ли страны Закавказья

смогут сами создать единое социальное пространство. Без России создание единого социокультурного, а впоследствии, и социального пространства Закавказья невозможно.

Представляется, что Российской Федерации стоит строить вектор своей политики в направлении усиления интеграционного сотрудничества. Например, есть целесообразность в обозначении единого социокультурного проекта «Кавказское пространство и ЕАЭС».

Несмотря на то что между Российской Федерацией и Грузией пока не восстановлены дипломатические отношения, возможность интеграции Грузии в ЕАЭС вполне реальна. Российские эксперты и эксперты закавказских государств отмечают, что «популярность евразийской интеграции в грузинском обществе не столько «сохраняется», но даже и растет» [8]. Аналитики приводят следующие цифры: по данным Национального демократического института (США), 31% респондентов (было опрошено 4360 человек) в мае 2015 г. поддержали интеграцию с ЕАЭС [8]. Это объясняют как сохранившимися социокультурными связями, в том числе деятельность диаспоры, так и экономическими.

Создание единого социального пространства на базе основных партнеров России на Кавказе — это необходимый элемент укрепления системы региональной безопасности.

Безопасность включает в себя не только политические, военные, экономические аспекты. Создание подлинной системы безопасности без социального компонента невозможно. Действенной будет лишь такая система, которая понимается и принимается, в первую очередь, гражданами объединяющихся государств.

Из всех государств, которые претендуют на влияние в регионе Южного Кавказа, Россия является единственной страной, которая может, и, как показала история, осуществляла реальную политику мирного сосуществования народов.

19 июня 2009 г. в интервью собственному корреспонденту РИА Новости в Армении Гамлету Матевосяну премьер-министр республики (на момент 2009 г.) Тигран Саркисян на вопрос «что способствует прогрессу экономических связей России и Армении?» ответил: «Я бы выделил несколько основных факторов. Хотя уже не модно об этом говорить, но для меня одним из основных факторов все-таки является единое историческое прошлое наших народов, фактор единой судьбы. Для активного продвижения экономических взаимоотношений, прежде всего, необходимо единое социальное пространство»¹.

Генетическая память народов Кавказа и России до сих пор воспринимает свою историю как единое целое, что, в принципе, должно способствовать эффективно-му социальному строительству.

Литература

1. *Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века*. Т. II, ч. I. Ереван : АН АрмССР, 1964.
2. *Бурдые П.* Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетей, 2007.
3. *Вагабова Эсмira Рагим кызы.* Азербайджан и Россия: от колониальной политики к сотрудничеству // Современная научная мысль. 2013. № 1. С. 22–33.
4. *Вартаньян Э. Г.* Вхождение Закавказья и Северного Кавказа в состав России: проблемы историографии // Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2013. С. 5–18.

¹Саркисян: у Армении реальное стратегическое партнерство с Россией // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/interview/20090619/174851187.html> 14609105842644&message=resize&relto=logi&action=removeClass&value=registration (дата обращения: 21.07.2016).

5. Гончаров П. К. Социальное государство: сущность и принципы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2000. № 2.
6. Дашкевич В. В. Развитие идеи «социального государства» // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. С. 204–210.
7. Каргалова М. В., Егорова Е. Н. Социальное измерение европейской интеграции. М. : Аксиом, 2010. 288 с.
8. Минченко Е., Маркедонов С., Петров К. Оценка политических рисков в регионе Закавказья (Южного Кавказа). Доклад [Электронный ресурс]. URL: http://www.minchenko.ru/netcat_files/File/Political%20risks%20in%20the%20South%20Caucasus%20region.pdf (дата обращения: 21.07.2016).
9. Ремизова М. Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии // Грамота. 2012. № 10 (24): в 2 ч. Ч. I. С. 158–162.
10. Хоруженко К. М. Культурология: Энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону : Феникс, 1997.
11. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб. : Лань, 1999.

References

1. *Armenian-Russian relations in the first third of the 18th century* [Armyano-russkie otnosheniya v pervoi treti XVIII veka]. Vol. II, p. I. Yerevan : AS ArmSSR. 1964. (rus)
2. Bourdieu P. *Sociology of social space* [Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva]. M. : Institute of experimental sociology [Institut eksperimental'noi sotsiologii]; SPb. : Alethea, 2007. (rus)
3. Vagabova Esmira Ragim kyzi. *Azerbaijan and Russia: from colonial policy to a cooperation* [Azerbaidzhan i Rossiya: ot kolonial'noi politiki k sotrudnichestvu] // Modern scientific thought [Sovremennaya nauchnaya mysl']. 2013. N 1. P. 22–33. (rus)
4. Vartanyan E. G. *Inclusion of Transcaucasia and the North Caucasus in structure of Russia: historiography problems* [Vkhozhdenie Zakavkaz'ya i Severnogo Kavkaza v sostav Rossii: problemy istoriografii] // Policy of Russia in the Caucasus in the past and the present: documentary base, interpretations and counteraction of falsification of history [Politika Rossii na Kavkaze v proshlom i nastoyashchem: dokumental'naya baza, interpretatsii i protivodeistvie fal'sifikatsii istorii]: materials of Russian Scientific and practical conference. Krasnodar : Kuban State University [Kubanskii gos. un-t], 2013. P. 5–18. (rus)
5. Goncharov P. K. *Social state: essence and principles* [Sotsial'noe gosudarstvo: sushchnost' i printsipy] // Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Ser.: Political science [Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Politologiya]. 2000. N 2. (rus)
6. Dashkevich V. V. *Idea of «the social state» development* [Razvitie idei «sotsial'nogo gosudarstva»] // Humanitarian and social sciences [Gumanitarnye i sotsial'nye nauki]. 2010. N 4. P. 204–210. (rus)
7. Kargalova M. V., Egorova E. N. *Social measurement of the European integration* [Sotsial'noe izmerenie evropeiskoi integratsii]. M. : Axiom, 2010. (rus)
8. Minchenko E., Markedonov S., Petrov K. *Assessment of policy risks in the region of Transcaucasia (South Caucasus)* [Otsenka politicheskikh riskov v regione Zakavkaz'ya (Yuzhnogo Kavkaza)]. Report [An electronic resource]. URL: http://www.minchenko.ru/netcat_files/File/Political%20risks%20in%20the%20South%20Caucasus%20region.pdf (rus)
9. Remizova M. N. *Interpretation of the concept «sociocultural space» of classical sociology* [Interpretatsiya ponyatiya «sotsiokul'turnoe prostranstvo» v klassicheskoi sotsiologii] // Letter [Gramota]. 2012. N 10 (24): in 2 parts. P. I. P. 158–162. (rus)
10. Horuzhenko K. M. *Cultural science: Encyclopedic dictionary*. Rostov-on-Don : Phoenix, 1997. 640 p. (rus)
11. Yatsenko N. E. *Explanatory dictionary social science terms* [Tolkovyi slovar' obshchestvovedcheskikh terminov]. SPb. : Lan, 1999. (rus)

Аналитическая матрица характеристики жизненного цикла политико-административных элит

Колесников Владимир Николаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры государственного и муниципального управления
Доктор политических наук, профессор
kvgl@inbox.ru

Самусевич Андрей Владимирович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Студент факультета государственного и муниципального управления
timudgin11@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются вопросы циркуляции элит, описывается концепция жизненного цикла элиты, его содержание как инструмента политического анализа, определяются пространственно-временные рамки развития цикла. Основным результатом работы в аспекте предметного содержания категории «жизненный цикл политической элиты» является модель определения функционального состояния элиты в виде обобщенной матрицы переменных анализа жизненного цикла политической элиты. Статья является раскрытием тезисов выступления на Форуме молодых политологов VII Всероссийского конгресса политологов РАПН (Москва, 19–21 ноября 2015 г.) [9].

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политические элиты, жизненный цикл, анализ, критерии, переменные анализа

Kolesnikov V. N., Samusevich A. V.

Analytical Matrix of the Characteristic of Life Cycle of Political and Administrative Elite

Kolesnikov Vladimir Nicolaevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
kvgl@inbox.ru

Samusevich Andrey Vladimirovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Student of Faculty of Public Administration
timudgin11@gmail.com

ABSTRACT

The article deals with the circulation of elites, describes the concept of the life cycle of the elite, its content as a tool of political analysis, to determine the spatial and temporal scope of the development cycle. The main result in terms of substantive content of the category «life-cycle of the political elite» is a model for determining the functional state of the elite in the form of a generalized matrix variable life cycle analysis of the political elite.

This article is disclosure of performance's theses at the forum of Young Political Scientists VII Russian Congress of political scientists RAPS (Moscow, November, 19–21, 2015).

KEYWORDS

political elites, life cycle, analysis, criteria, variables of analysis

Формирование актуальной политической повестки и системы политических решений, выстраивание стратегий устойчивого социально-экономического развития страны, прогнозирование возможных исходов той или иной политической и экономической ситуации — все это относится к предмету деятельности политико-административных элит.

В контексте ныне существующих проблем в государственном управлении перво-степенное значение приобретает вопрос способности элит генерировать эффективные политические решения по выходу из конфликтной и кризисной ситуации различного толка.

В элитологии содержится множество подходов к характеристике политической элиты, в том числе к условиям ее циркуляции. Именно темпоральным основаниям циркуляции элит посвящена эта статья.

Качественное состояние элитарных групп, влияющее на характер и механизмы принятия управленческих решений, непосредственно связано с равновесием и стабильностью общественной системы в целом¹. С позиций механистической теории Парето, политическая элита есть совокупность индивидов с более высокой степенью самообладания и расчетливости, для которых основой принятия решения является аналитическое мышление, а не эмоциональное восприятие происходящего [8, с. 104; 12]. Циркуляция элитарных групп, благодаря включению в свой состав молодых активных граждан, обеспечивает постоянную включенность элиты в актуальную общественную повестку. Чем быстрее новые элементы будут заменять прежние, тем ниже вероятность отклонения общественной системы от точки равновесия. При замедленной циркуляции в элитарных слоях происходит концентрация элементов, неспособных отреагировать на вызовы внутренней и внешней среды; параллельно в неэлитарных слоях — концентрация индивидов, способных разрешить существующую проблему, то есть способных управлять. В итоге постоянно нарастающего дисбаланса политических сил происходит нарушение политического равновесия, что может привести к революционной смене общественной парадигмы [4].

Если схематично описывать циркуляцию элит, то в рамках данного подхода смена элиты происходит не в формате «система-система», а в формате «элемент-элемент». Одновременная смена всей элитарной группы происходит намного реже; чаще всего процесс циркуляции характеризуется именно как процесс обновления элитной группы в рамках эволюционной смены элит.

Однако стоит сказать, что данная модель дестабилизации политической системы, происходящей на основе снижения темпов циркуляции элит, не совсем точно описывает политические процессы и элитарные системы в реальной жизни.

Между большинством социальных потрясений и действиями политической элиты прослеживается прямая связь. Воля «центра притяжения» общества находит выражение во многих формах политического действия [3; 5], характер и направленность которого зависит от качественного состава, характера механизмов обновления элитарной группы и его интенсивности, рациональности и релевантности принятых политических решений.

Современные исследователи отмечают, что движение элитарных элементов, и вся динамика элиты как системы, в своей основе содержит так называемую *деградацию элит* — процесс утраты элитными группами своего статуса, связанный

¹ Речь идет о кибернетике и теории принятия решений как составляющих элементов общей теории систем согласно научным идеям Н. Виннера, Л. Фон Берталанфи, Т. Бира и других ученых-теоретиков теории организации и теории систем.

с глобальной социальной дисфункцией: элитная группа не может более господствовать прежними методами, а новых методов, устраивающих массы, предложить не способна. Скорость деградации может быть различной, а деградация может протекать как в эволюционной, так и в революционной форме. Однако общим остается одно: новая элитная группа до тех пор не придет к власти, пока старая не исчерпает себя функционально [8, с. 12].

С позиций устойчивого и стабильного общественного развития, временные рамки ротации выступают детерминирующим обстоятельством эффективного государственного управления. Для определения функционального состояния политической элиты и степени необходимости ее «оздоровления» как центра политической системы предлагается выделить следующую актуальную аналитическую категорию — *жизненный цикл политической элиты*.

Рассмотрим первоначальную *концептуальную* схему *содержания* данной формулы как совокупность возможных научно-исследовательских выгод от ее применения. Не вызывает сомнений, что в дальнейшем, при разработке данной категории, ее научно-инструментальное содержание будет дополняться. Таким образом, *жизненный цикл политической элиты* можно рассматривать как:

- *Аналитический инструмент «вскрытия пороков» элит*. Определение жизнеспособности и функциональности элитарной группы, на основе анализа ее политических решений, политических ценностей, механизмов обновления позволит судить о сильных и слабых сторонах элиты, указать на принципиальные ошибки и негативные стороны на разных этапах ее формирования и деятельности, не позволяющие решать задачи различного уровня, развивать общественную систему в целом.
- *Инструмент прогнозирования вектора социально-политического развития*. Изучение функциональности элиты поможет определить характер ее развития в пространственно-временных рамках, что в свою очередь позволит судить о тенденции развития элитарно-властной модели общества и тем самым уменьшить число возможных вариантов развития политической ситуации, выражающихся, в частности, в принятии тех или иных решений. Скорее всего, это не полностью убережет от неопределенности политического будущего, однако снизит риск наступления различного рода политических потрясений.
- *Инструмент определения уровня стабильности общественно-политической системы*. Интенсивность и характер развития элиты в пространстве-времени, качество и направленность политических решений и совершенных действий составляет весьма четкую картину уровня стабильности данной политической системы, а также дает шанс на определенной фазе жизненного цикла скорректировать политический курс и предотвратить возможную дестабилизацию. Тем самым открывается возможность пролонгировать время управления, завершить намеченный план политических преобразований и обеспечить необходимое время для «усвоения» обществом государственных преобразований.
- *Инструмент изучения качества общества*. Элита воздействует на ментальные ценности всего общества, путем «производства» и легитимации определенной системы социально-культурных ценностей, публичных отношений и публичного управления в том числе. Определение времени, характера и темпов воздействия на ценностные ориентации людей позволит определить уровень качества всего общества и сконструировать программу необходимых мер и действий по его повышению в соответствии с предполагаемым сценарием развития политической элиты — хода жизненного цикла.
- *Инструмент определения качества политической элиты*. Высокий уровень коррупции, малое число высококвалифицированных управленческих кадров, отсутствие экономического и социального развития регионов и страны в целом, кли-

ентелизм в политическом управлении и деформация политико-финансовых структур — эти и многие другие проблемы являются следствием низкого качества политической элиты. Данная интегрирующая проблема особенно характерна в условиях российской действительности. Очень важно понимать через какой механизм не только происходит рекрутирование элитных групп, но и какие требования к кандидатам выдвигает элита, и какие социально-политические институты готовят данных кандидатов. Грамотная работа с индивидами, способными вступить в элитарные круги позволит подготовить кластер качественной элиты, тем самым повлиять на динамичное развитие всех общественных систем.

Ключевым вопросом данного исследования является максимально точное описание структурных рамок и сущностного содержания данной категории.

В аспекте характера *пространственно-временного измерения границ существования и развития жизненного цикла элит* рассматривается три типа восприятия (измерения) времени: астрономическое, социальное, политическое.

Время астрономическое (физическое), являясь соотношением событий жизни людей с определенным моментом астрономического хода, не может описать политический процесс или отдельные его явления: они просто выходят за рамки строго определенного астрономического измерения. Будучи сложноструктурным и происходящим под воздействием всегда различных факторов, наступление политического события невозможно отождествить с конкретным положением секундной, минутной, часовой стрелки, а повторение аналогичного события в будущем очень редко приобретает систематический характер, становясь временной закономерностью: каждый год, раз в три года и пр. Отсюда затруднительно в рамках физической системы измерения времени прогнозирование развития политической ситуации и свершения каких-либо фактов.

Более широкие возможности предоставляет социальное время, определяющееся через ритм и скорость протекания событий в период существования индивида, социальной группы, общества. В зависимости от частоты и масштаба происходящих событий, социальное время может ускоряться или замедляться. Социальный факт, являясь основой измерения темпа хода социального времени, предопределяет его очень важное свойство: для социального времени необходима начальная точка отсчета, инициация начала измерения времени «социальной системой координат». Однако социальное измерение слишком обширно для четкого описания жизненного цикла политической элиты, здесь требуется конкретизация. Одним из видов социального времени называют *время политическое*, определяющее длительность существования политических институтов и других социально-политических субъектов. В связи с этим предлагается использовать инструментарий политического времени на основе исследований С.С. Андреева и А.Б. Венгерова [1; 2] как наиболее подходящий для определения длительности жизненного цикла.

Необходимо также иметь в виду политическое пространство, в котором функционирует элита. Подробное описание окружения политической системы в целом приводил Д. Истон, разделяя окружение на интрасоциетальную и экстрасоциетальную части. Первая включает в себя системы, отличные от политической, но выступающие источником множества влияний, определяющих условия действия политической системы. Вторая, экстрасоциетальная, содержит все системы, являющиеся внешними по отношению к обществу и выступающими как функциональный компонент международного сообщества, суперсистемы и т. д. [7]. Непосредственно для элиты как центра политической системы необходимо несколько адаптировать данное описание политического пространства.

В вопросе определения переменных анализа жизненного цикла рассмотрим ее политическое пространство как совокупность двух частей: внутрисистемное (элементы элиты, их взаимосвязи, внутренние процессы и т. д.) и внешнесистемное

пространство (окружающие системы различного толка: экономические, социальные, политические — и их влияние на политическую элиту).

Перед формулированием конкретного перечня переменных качественного/количественного анализа цикла элиты стоит заметить, что основной «продукт» деятельности элит есть не что иное, как политическое решение (далее — ПР)¹. Это предопределяет его статус, как ключевой категории анализа жизнеспособности элиты и определении стадии жизненного цикла, поскольку, рассмотрев его качественное и количественное содержание, можно судить об определенном положении элиты на «часовой стрелке политических часов».

Таким образом, представляется возможным составить *общую матрицу переменных анализа жизненного цикла политической элиты*.

Методология построения матрицы переменных основывается на системном подходе к анализу качественных и количественных показателей, рассматриваемых совместно и взаимосвязанно. Качественные критерии (как внутри-, так и внешне-системные) сформулированы с корреляцией на возможность перехода в количественное измерение, что позволит в будущем при применении данной модели показателей выработать интегративный показатель состояния (жизнеспособности) политической элиты (табл. 1).

Использование жизненного цикла элиты в качестве инструмента политического прогнозирования возможно только в том случае, если количественные показатели рассматриваются комплексно с качественными. Это подтверждает изучение и проработка критериев, связанных с анализом и оценкой политических решений: как показатель, определенный в количественном измерении, в отличие от экономических и социальных показателей, политическое решение не поддается планово-календарной систематизации, а соответственно и прогнозу, и требует качественной оценки времени принятия, среды, влияния внешних факторов.

Стоит отметить: количественные критерии, указанные в матрице, не являются конечными, но взяты за основу, поскольку позволяют без применения сложного математического аппарата применить данную модель непосредственно к практическому анализу.

Поясним, что показатели «Количество принятых ПР» и «Скорость принятия ПР» весьма репрезентативны и просты в вычислении при рассмотрении элиты с институциональной точки зрения. Таким образом, за политические решения мы принимаем законодательные акты и НПА высших органов исполнительной власти (Президент, Правительство); скорость принятия ПР в данном случае — закрепленный в регламентах срок принятия НПА высших органов государственного управления. Связующим показателем здесь может являться «Удельный вес принятых ПР», рассматриваемый как число принятых ПР за единицу времени.

Все внешнесистемные количественные критерии рассматриваются в динамике, как отношение показателей текущего (конечного) момента времени к исторически предыдущему (начальному).

Применение индексов социально-экономического развития, а также системных индексов демократизации Т. Ванханена [8, с. 9–10] полностью соответствует заявленным качественным критериям, однако, будут объективными и репрезентативными только в том случае, если будет осуществляться поправка на качественный показатель.

Подводя итоги, стоит сказать, что описание и изучение данной категории анализа политической элиты окончательно не завершено, и предоставляется возмож-

¹ Модели и механизмы принятия политических решений, анализ политико-управленческих циклов, специфика государственных решений подробно рассматриваются в трудах российских политологов А. А. Дегтярева [6] и А. И. Соловьева [10].

Общая матрица переменных анализа жизненного цикла политической элиты

Показатели	Внутрисистемные критерии		Внешнесистемные критерии	
Характеристика политического курса	<ul style="list-style-type: none"> Наличие четко сформулированной идеологии; В Конституции закреплён статус социального государства; Светское государство 		<ul style="list-style-type: none"> Доступ к энергетическим ресурсам (уголь, нефть, газ); Доступ к драгоценным металлам; Наличие выхода к мировым транспортным магистралям (морские, сухопутные, воздушные) 	
	<ul style="list-style-type: none"> Своевременность ПР; Рациональность ПР; Независимость ПР от внешних сил 		<ul style="list-style-type: none"> Государство входит в регион — геополитический центр; Государство входит в регион — геостратегический центр; Заинтересованность к ближайшему геополитическому/геостратегическому центру 	
Модель рекрутации элиты	<ul style="list-style-type: none"> Активная политическая борьба; Высокая роль государственных структур; Применение выборной системы и учет мнения граждан; Клиентелизм 		<ul style="list-style-type: none"> Приоритет сырьевой экономике; Ключевой сегмент экономики — тяжёлая промышленность; Наличие наукоемких производств 	
	<ul style="list-style-type: none"> Тоталитарный стиль; Авторитарный стиль; Демократический стиль 		<ul style="list-style-type: none"> Наличие современных систем передачи информации; Наличие общества потребления; Активное участие общества в политической жизни 	
Количественные	<ul style="list-style-type: none"> Частота сменяемости правительства; Численный состав элитарной группы; Количество принятых ПР; Скорость принятия ПР; Удельный вес принятых ПР 		<ul style="list-style-type: none"> Показатель ВВП (ППС) на душу населения; Показатель индекса ИРЧП; Показатель Индекса политической конкуренции (метод Т. Ванханена); Показатель Индекса электорального участия (метод Т. Ванханена) 	

ность для последующего теоретического развития данной темы. На сегодняшний день актуальной задачей является апробация данной модели и корректировка матрицы переменных анализа жизненного цикла политической элиты. В настоящее время ведется работа по выведению формулы интегрирующей количественные показатели.

Отметим, что в настоящее время наша политическая система вступает в стадию нового избирательного цикла, что, наряду с важнейшими (если не доминирующими) внешними, геополитическими факторами, будет влиять на активизацию циркуляционных процессов и движения элитных групп. Это подтверждает необходимость развития данной темы и проведения дальнейших исследований по усовершенствованию предложенной модели.

Литература

1. Андреев С. С. Политическое время и политическое пространство // Социально-политический журнал. 1993. № 6. С. 29.
2. Венгеров А. Б. Политическое пространство и политическое время (Опыт структурирования понятий) // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 49–63.
3. Гаман-Голутвина О. В. Метафизические измерения трансформаций российских элит. Ч. I // Вестник аналитики. 2013. № 3. С. 17–24.
4. Гаман-Голутвина О. В. Метафизические измерения трансформаций российских элит. Ч. III // Вестник аналитики. 2014. № 1. С. 34–42.
5. Гаман-Голутвина О. В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. С. 97–103.
6. Дегтярев А. А. Принятие политических решений. М. : КДУ, 2004.
7. Истон Д. Категории системного анализа политики / Д. Истон. Политология: Хрестоматия. М. : Гардарики, 2000. С. 319–331.
8. Мохов В. П. Циркуляция элит: проблема критериев процесса // Власть и элиты / под ред. А. В. Дука. Т. 1. СПб. : Интерсоцис, 2014. С. 8–18.
9. Самусевич А. В. Концепция жизненного цикла политических элит как инструмент политического анализа // Политическая наука перед вызовами современной политики. Материалы VII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 19–21 ноября 2015 г. / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 797–799.
10. Соловьев А. И. Принятие государственных решений. М. : КноРус, 2006.
11. Субочев А. Н. Измеряя демократию: агрегирование противоречивых рейтингов государств мира методами теории коллективного выбора // Международная лаборатория анализа и выбора решений (ЛАВР), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012.
12. Pareto V. Sociological writings / Sel. and introd. S. E. Finer. N. Y., 1966.

References

1. Andreev S. S. *Political time and political space* [Politicheskoe vremya i politicheskoe prostranstvo] // Social and Political Journal [Sotsial'no-politicheskii zhurnal]. 1993. N 6. P. 29. (rus)
2. Vengerov A. B. *Political space and political time (Experience of structuring concepts)* [Politicheskoe prostranstvo i politicheskoe vremya (Opyt strukturirovaniya ponyatii)] // Social sciences and present [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 1992. N 6. P. 49–63. (rus)
3. Gaman-Golutvina O. V. *Metaphysical measurements of transformations of the Russian elite. Part I* [Metafizicheskie izmereniya transformatsii rossiiskikh elit. Ch. I] // Messenger of analytics [Vestnik analitiki]. 2013. N 3. P. 17–24. (rus)
4. Gaman-Golutvina O. V. *Metaphysical measurements of transformations of the Russian elite. Part III* [Metafizicheskie izmereniya transformatsii rossiiskikh elit. Ch. III] // Messenger of analytics [Vestnik analitiki]. 2014. N 1. P. 34–42. (rus)
5. Gaman-Golutvina O. V. *Definition of the basic concepts of an elitology* [Opredelenie osnovnykh ponyatii elitologii] // Political researches [Polis]. 2000. N 3. P. 97–103. (rus)

6. Degtyarev A. A. *Making political decisions* [Prinyatie politicheskikh reshenii]. M. : KDU, 2004. 416 p. (rus)
7. Easton D. *Categories of the system analysis of policy* [Kategorii sistemnogo analiza politiki] / D. Easton. Political science: Anthology / Collection: prof. M. A. Vasilik, associate professor. M. S. Vershinin. M.: Gardariki, 2000. P. 319–331. (rus)
8. Mokhov V. P. *Circulation of elite: problem of criteria of process* [Tsirkulyatsiya elit: problema kriteriev protsessa] // Power and elite [Vlast' i elity] / Chief editor A. V. Duka. V. 1. SPb. : Intersocis, 2014. P. 8–18. (rus)
9. Samusevich A. V. *The concept of life cycle of political elite as the tool of the political analysis* [Kontseptsiya zhiznennogo tsikla politicheskikh elit kak instrument politicheskogo analiza] // Political science before calls of modern policy. Materials of the VII Russian congress of political scientists, Moscow, on November 19–21, 2015 [Politicheskaya nauka pered vyzovami sovremennoi politiki. Materialy VII Vserossiiskogo kongressa politologov, Moskva, 19–21 noyabrya 2015 g.] / Under a general edition of O. V. Gaman-Golutvina, L. V. Smorgunov, L. N. Timofeeva. Aspect Press publishing house, 2015. P. 797–799. (rus)
10. Solovyov A. I. *Adoption of the state decisions* [Prinyatie gosudarstvennykh reshenii]. M. : Knorus, 2006. 344 p. (rus)
11. Subochev A. N. *Measuring democracy: aggregation of contradictory ratings of the states of the world by methods of the theory of the collective choice* [Izmeriyaya demokratiyu: agregirovanie protivorechivyykh reitingov gosudarstv mira metodami teorii kollektivnogo vybora] // International laboratory of the analysis and choice of decisions, National research university “Higher School of Economics” [Mezhdunarodnaya laboratoriya analiza i vybora reshenii (LAVR), Natsional’nyi issledovatel’skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki»], 2012. (rus)
12. Pareto V. *Sociological writings* / Sel. and introd. S. E. Finer. N. Y., 1966.

Политическая обусловленность «разумно-необходимого» толкования международных норм в сфере обеспечения международной безопасности

Коростелев Станислав Валентинович

Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств-участников
Содружества Независимых Государств (Санкт-Петербург)
Заместитель начальника экспертно-аналитического управления
Кандидат юридических наук, доцент
ksv1@iacis.ru

РЕФЕРАТ

Статья обращается к проблеме политической обусловленности разумно-необходимого толкования международных норм в ситуациях изменившейся геополитической реальности. Вмешательство в конфликт на территории суверенного государства запрещено Уставом ООН, однако международные акторы заявляют о справедливости такого вмешательства ввиду нарушения общих интересов в сфере безопасности. В ходе противодействия применению химического оружия в гражданском конфликте на территории Сирии влиятельные международные акторы сформировали новую парадигму вмешательства, которая разрешает применение внешней силы для урегулирования внутренних конфликтов, поскольку применение химического оружия, где бы то ни было, представляет собой угрозу международному миру и безопасности. При видимой проблеме умолчания в нормативном регулировании, парадигма ООН, тем не менее, позволяет государствам легитимировать применение силы через *ad hoc* создание «нового» регулирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международная норма, Совет Безопасности ООН, применение силы, легитимность, химическое оружие, Сирия, вмешательство

Korostelev S. V.

Political Stipulation of «Reasonably Necessary» Interpretation of International Norms in the Sphere of International Security

Korostelev Stanislav Valentinovich

Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Deputy Head of Department of Analysis and Expertise
PhD in Jurisprudence, Associate Professor
ksv1@iacis.ru

ABSTRACT

This article addresses the issue of political conditionality reasonably necessary interpretation of international norms in situations of changing geopolitical realities. The intervention in the conflict on the territory of a sovereign state is prohibited by the UN Charter, but international actors argue about the validity of such prohibition of interference due to violations of their common security interests. In the course of countering the use of chemical weapons in the civil conflict in Syria influential international actors formed a new paradigm of intervention, which allows the use of external force to resolve internal conflicts, since the use of chemical weapons, wherever that may be, constitutes a threat to international peace and security. When the visible problem of silence in the regulatory paradigm of the UN Charter exists, however, it allows states to legitimize uses of force by means of the *ad hoc* creation of a «new» regulation.

KEYWORDS

international norm, United Nations Security Council, use of force, legitimacy, chemical weapons, Syria, intervention

Международное сообщество не гомогенно — оно состоит из акторов с несовпадающими интересами, обладающими разным весом и влиянием, ставящими перед собою различные цели. Также международное сообщество — это абстрактная категория и оно не может править как объект управления ввиду его анархичной природы; но оно обладает иерархичной структурой, в которой место государства определяется его совокупной национальной мощью. В борьбе за место в такой иерархии государства не могут не испытывать потребности в существовании механизмов легитимации своих действий, сущность которых состоит в обосновании и оправдании права на применение силы на пути движения к своим национальным целям.

В комплексе взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических/финансовых, информационных и иных мер, к которым прибегают государства для защиты своих национальных интересов, особая роль отводится политико-правовым средствам обоснования притязаний государств на признание акта применения силы справедливым. В связи с отношениями, складывающимися в международном сообществе в сфере оценки *ad hoc* акта применения силы, известные нормы международного права должны рассматриваться как «готовый» целостный инструмент, имеющийся в распоряжении органов государственного управления, и используемый лицами, принимающими решения, для обеспечения легитимации актов применения силы. В данном процессе сущность и закономерности развития используемых для обоснования норм, причины их возникновения, цели, особенности, эффективность действия, характер взаимосвязи с иными международными нормами и с внутригосударственным правом, как представляется, должны «оставляться» в стороне, поскольку все это является предметом науки международного права. Дело в том, что политическая легитимация действий органов государственного управления, по своей сущности, заключается в основном в обеспечении их международной правовой аргументацией для обоснования того, что государство справедливо применяет силу, а противник не имеет ни правовых, ни моральных оснований для ее применения; и этот процесс осуществляется через избегание обобщений, свойственных нормам права. Каждая из сторон конфликта стремится сформулировать такое узкое толкование нормы, чтобы оно могло быть применено для обоснования справедливого характера обращения государства к силе только в данной ситуации, и, ни в коем случае, не могло бы быть использовано уже для ее осуждения в иных сходных ситуациях [2].

Любое применение силы для защиты национальных интересов должно увязываться с возможностью наступления мира, т. е. желаемого для основных акторов состояния международных отношений в сфере безопасности. И только при достижении состояния мира можно сделать заявление, что действия велись в соответствии с международной нормой (*ad hoc* содержание которой было согласовано самими основными акторами), и, соответственно, что международное право может регулировать в данном случае международные отношения, т. е. норма проявила свойство авторитетности. В противном случае безусловное следование буквальному (ограничительному) толкованию права, равно как и неосторожное использование любого другого инструмента, находящегося в распоряжении акторов, может окончательно вывести систему международных отношений из равновесия, что собственно характерно для большинства современных конфликтных ситуаций.

В таком процессе политико-правовая аргументация органов государственного управления на различных этапах развития спора может неоднократно «переключо-

чаться» между двумя крайними взаимодополняющими воззрениями¹ на сущность регламентации международных взаимодействий в международной политике и институте международного права. Первый подход (определим его как «оборонительный») объявляет право, отражающее опыт и сложное устройство международной системы, конститутивной основой политики, которая наделяет ее инструментарием в виде юридической аргументации, обычаев и процедур. Второй подход (определим его как «атакующий») предполагает, что эпифеномен, который обыкновенно определяется как «международное право», выводится из событий политической деятельности и чаще всего является ориентированным на толкование ее результата, т. е. имеет ретроактивный характер, но практически никогда не предопределяет ее. В данном случае чаще всего делается заявление о *sui generis*, т. е. отсутствии достаточного набора правовых средств² для урегулирования конфликта ввиду уникальности ситуации, что является верным в отношении абсолютного большинства требующих немедленного регулирования проблем. Более того, поиск процедур разрешения конфликтов возлагается на сами государства (иногда в рамках межгосударственных институтов), либо спор передается в международные судебные органы для установления как непосредственно содержания права (которое, как казалось бы, должно *a priori* служить средством разрешения противоречий), так и для отыскания самих процедур.

Причина существования умолчаний очевидна: право в реальной международной жизни — не идеальная конструкция, которая могла бы быть вплетена в реальные политические отношения, если бы она не была связана с балансом сил и не была способна учитывать последствия своего применения.

Обращение к концепции *sui generis* не только поддерживает тезис об эпифеноменальности института международного права, но и является одной из уникальных и полезных особенностей современной системы обеспечения международной безопасности. Свидетельствуя об отсутствии в ней каких-либо четких органичных схем разрешения противоречий, она не только обязывает основных международных акторов создавать «новое» международное право, но также предоставляет им дополнительные возможности, например, временные, по политической мобилизации элементов национальной мощи, как своей, так и других участников международного общения, для такого изменения баланса сил³, который сможет обеспечить состояние мира.

В основу аргументации в защиту легитимности акта применения силы, при отсутствии очевидно простых и формально установленных методологических рамок, может быть положено предположение о том, что для большинства международных и формальных международных правовых норм, устанавливающих в общих интересах запреты на некоторые виды поведения, не определен порядок их исполнения и обеспечения, причем созданный и поддерживаемый намеренно. В некоторых ситуациях это как будто бы ставит международное сообщество в сложное положение, но в действительности облегчает разрешение конфликтов: во-первых, сохраняется возможность подключения к процессу урегулирования кризиса новых акторов; во-вторых — ресурсов.

Данный аспект обращения к международному праву, как к одному из средств урегулирования конфликтов, даже при наличии в нем умолчаний, может быть до-

¹ Об эпифеномене международного права и механизмах легитимации решений на применение силы в международных отношениях см.: [1; 3; 4].

² Международное право либо проявляет пассивность, либо не определяет механизмов разрешения конфликтов.

³ Согласно одному из постулатов теории политического реализма, «в случае отсутствия как общности интересов, так и баланса сил, международного права не существует». См.: [5, р. 296].

статочно ярко продемонстрирован реакцией международного сообщества в отношении практически всех этапов, как развития гражданского конфликта на территории Сирии, так и выхода из него, и особенно эпизода, когда было использовано химическое оружие¹.

Столкнувшись с тем, что международное право не предоставляет даже идеальных моделей (международное право в сфере обеспечения безопасности по своей сути является набором таких идеальных и достаточно утопичных правил) для легитимации действий государств, чьи интересы были затронуты конфликтом, международная система отреагировала созданием оформленного терминами права неправового механизма. Этот механизм основывается на ряде приемов заявления о необходимости обращения к силе в зависимости от положения государства в текущем распределении баланса сил.

Общеизвестно, что существование международной нормы не ставится под вопрос, если она подтверждается практикой. Так, с момента окончания Первой мировой войны применение химического оружия в межгосударственных вооруженных конфликтах считалось морально неприемлемым, а принятый *status quo* поддерживался практикой государств, а уже после Второй мировой войны обеспечивался принятием соответствующих конвенций и резолюций Совета Безопасности ООН (далее — СБ ООН).

Так, например, всеобщее негативная реакция на действия иракского верховного командования ходе ирано-иракского конфликта (1980–1988 гг.)², который явился классическим межгосударственным столкновением с применением военной силы и сопутствовавшим использованием запрещенных средств и методов ведения военных действий, т. е. случаем, когда контуры международной ответственности акторов явным образом определены международным правом, была обозначена в ходе дискуссий в СБ ООН: «Мы вновь являемся свидетелями применения химического оружия, запрещение которого, как нам представлялось, рассматривалось в качестве одного и самых великих и важных достижений нашей цивилизации, поскольку это оружие не применялось даже во Второй мировой войне»³, и нашла отражение в резолюциях СБ ООН 620 (1988)⁴ и 612 (1988)⁵.

Но что происходит, если химическое оружие используется во внутренних вооруженных конфликтах, т. е., если формальный запрет на использование химического оружия существует, но его реализация серьезно ограничивается запретом на вмешательство во внутренние дела государств даже для ООН, который установлен ст. 4 п. 7 ее Устава? В существующей парадигме при буквальном толковании нормы использование химического оружия во внутреннем конфликте может вообще не вызывать каких-либо последствий для государства, нарушающего обязательства по защите гражданского населения, поскольку те акторы, которые могли бы этому противодействовать, были бы заведомо обречены на нарушение этой нормы Устава ООН. Как соотносить обязанность следования положениям ст. 2 п. 7 Устава ООН с универсально признаваемым правом человека на жизнь? Очевидным образом

¹ В Гуте, пригороде Дамаска, было использовано отравляющее вещество «зарин». См.: Доклад Миссии Организации Объединенных Наций по расследованию сообщений о применении химического оружия в Сирийской Арабской Республике, касающийся предположительного применения химического оружия в районе Гуты в Дамаске 21 августа 2013 года. Документ ООН A/67/997-S/2013/553.

² Применение химического оружия было интенсивным и частым в нарушение обязательств, которые связывали данные государства по Женевскому Протоколу 1925 г. о запрещении на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств.

³ Выступление г-на Андреотти (Италия). Предварительный стенографический отчет о 2750-м заседании СБ ООН. Документ ООН S/PV.2750.

⁴ Документ ООН S/RES/620 (1988).

⁵ Документ ООН S/RES/612 (1988).

общественное сознание требует внесения необходимых изменений в существующий международный порядок¹.

Конечно же, желаемый для международного сообщества результат, например, прекращение потока беженцев из Сирии, в том числе из-за использования химического оружия против мирного населения, не может быть достигнут при строгом формальном следовании международному предписанию, которое запрещает применение внешней силы на территории суверенного государства.

Никто не подвергал сомнению тот факт, что, несмотря на нарушение базовых международных норм, Сирия обладала всеми каноническими признаками суверенного государства, контролирующего территорию и признаваемого основными международными акторами. Однако использование химического оружия в существенной степени подорвало его легитимность, и основные акторы изменили свое отношение к руководству государства. Использование запрещенных средств и методов ведения вооруженных действий подняло вопрос о необходимости применения внешней силы для устранения угрозы международному миру, но это вопросы, сами по себе, не определяли объект применения силы. Применение силы против режима, или его поддержка в борьбе с повстанцами? На чьей стороне правда? А реагирование на нарушение, обоснованное по цели регулирования и объектам, обязательно ведет к столкновению интересов акторов, притерживающихся различных точек зрения. И в этой ситуации становится очевидным, что правовая регламентация поведения акторов имеет определенный предел, и регулирование вынужденно переходит в политическую сферу, оперирующую, в том числе, категориями морали, и, главным образом, благоразумия.

Так, К. Андерсон приводит как пример реакцию государств на применение химического оружия на территории Сирии в 2013 г.²: норма международного права, защищающая абсолютный суверенитет Сирии, рассматривалась в контексте *общей* заинтересованности в поддержании абсолютного режима неприменения оружия массового уничтожения. В данном случае органы государственного управления великих держав обосновали свое вмешательство в конфликт на территории суверенного государства не необходимостью и чрезвычайными обстоятельствами, а обязанностью обеспечения соблюдения другой существующей международной нормы.

Такой ответ международного сообщества на использование химического оружия во внутреннем конфликте в Сирии продемонстрировал то, что может быть определено как «разумный» подход к использованию международного права, который может быть определен как «толкование с позиции основной идеи Устава ООН», и к которому, кстати говоря, чаще всего прибегают Постоянные члены СБ ООН: в случае обязанности³ разрешения наиболее опасных кризисных ситуаций, связанных,

¹ При отсутствии необходимых нормативных предписаний в современном сообществе предполагается руководствоваться так называемой «Оговоркой Мартенса», т. е. необходимостью уважать, за пределами четких договорных требований, «установившиеся обычаи, принципы гуманности и требования общественного сознания». См.: Сандоз Ив. Конвенция от 10 октября 1980 года о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Конвенция от 10 октября 1980 года) / United Nations Audiovisual Library of International Law [Электронный ресурс]. URL: http://legal.un.org/avl/pdf/ha/cprccc/cprccc_r.pdf (дата обращения: 25.05.2016).

² Anderson K. Five Fundamental International Law Approaches to the Legality of a Syria Intervention [Электронный ресурс]. URL: www.lawfareblog.com/2013/09/five-fundamental-international-law-approaches-to-the-legality-of-a-syria-intervention (дата обращения 12.02.2016).

³ В соответствии со ст. 24 Устава ООН «для обеспечения быстрых и эффективных действий Организации Объединенных Наций ее Члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности». Такая обязанность не предполагает возможность обращения СБ ООН к заявлению *non liquet*, к которому могут прибегать международные судебные органы.

например, с угрозой или непосредственным применением оружия массового уничтожения, нарушающим *общие интересы основных акторов*, последние могут обращаться к такому заявлению о содержании нормы, которое по своей сущности и форме является наиболее «удаленным» от буквального (формального) способа ее толкования.

Резолюция СБ ООН 2118 (2013) однозначно определила, что использование химического оружия «...где бы то ни было представляет собой угрозу международному миру и безопасности»¹. Такое постановление СБ ООН, сделанное впервые в его деятельности, позволяет ему действовать по аналогии уже автоматически для урегулирования конфликтов с использованием оружия массового уничтожения, которые возможны в будущем, а также подтвердило «основополагающую норму международных отношений, которая действует уже в течение 90 лет»² и создало своего рода «прорыв в нормативной области»³, очевидным образом необходимый для согласования интересов основных акторов.

Такое разумно-необходимое «ограничение» запрета на вмешательство во внутренние дела государств, содержащегося в ст. 2 п. 7 Устава ООН в отношении, помогает защитить парадигму Устава ООН от буквального толкования самого себя: в противном случае Устав ООН мог бы превратиться в идеально-утопичный набор предписаний, настолько расходящийся с реальной международной политикой, что он лишился бы свойства авторитетности, а следовательно, не мог служить институциональной основой для современной системы коллективной безопасности.

Разумно-необходимый подход естественным образом базируется на приемах формального толкования норм, но всегда предполагает учет последствий строгого следования формальному содержанию права: если они свидетельствуют о нарушении всеобщего интереса, следовательно, норма должна толковаться иначе. Иначе говоря, «да, государства создали норму в своих интересах, но строгое следование ее предписаниям в данных обстоятельствах может им повредить». Такой подход может свидетельствовать о том, что вес источников права, и методология обоснования их применения, и выводы из толкования могут не совпадать со строго формальным позитивистским подходом к пониманию сущности регулирования.

Насколько значительно поведение государств может отклоняться от установленного нормой идеала? Очевидным образом, незначительно, иначе это может привести к существенной эрозии политико-правового режима, оформляющего согласованные после окончания Второй мировой войны, процедуры оценки легитимности актов обращения к силе, да и другая сторона конфликта также может получить дополнительные аргументы в пользу заявления о неправомерности действий противника. Поэтому обоснование легитимности вмешательства в конфликты на территории другого государства предполагает увеличение роли дипломатических и информационных средств, нежели правовых, так как расширенное и частое *ad hoc* толкование права в пользу применяющего силу актора, расходящееся с идеальной моделью, воплощенной в Уставе ООН, может быть оценено как существование пробела (умолчания) в международном праве, т. е. как отсутствие в широком смысле авторитетных и регулирующих норм. А такая оценка недостаточности регулирования, в свою очередь, может порождать у акторов ложное ощущение отсутствия правовых оснований для присвоения им международной ответственности и тем самым развязывать им руки и приводить к эскалации конфликтов.

¹ Документ ООН S/RES/2118 (2013).

² Предварительный стенографический отчет о 7038-м заседании СБ ООН. Документ ООН S/PV.7038.

³ Там же. Выступление г-на Ассельборна (Люксембург).

При существующих расхождениях в понимании обеспечения необходимого состояния национальной безопасности великими державами, возможность использования умолчаний в международно-правовых средствах разрешения противоречий, тем не менее, является наиболее удобной и эффективной особенностью парадигмы Устава ООН. Это не недостаток конструкции принятия решения по обеспечению международного мира и безопасности, заложенной в него, а наоборот, его нетривиальность, позволяющая не допустить парализации системы международной безопасности, сохранить роль СБ ООН, избежать непосредственного и масштабного столкновения интересов Постоянных членов СБ ООН. В будущем, когда вследствие изменений в балансе сил новые великие державы, не входящие в СБ ООН, смогут продвигать свои интересы вне рамок обязательных дискуссий в СБ ООН, этот механизм не будет работать.

Литература

1. Коростелев С. В. Гуманитарная необходимость: проблема политической легитимации актов применения силы // Управленческое консультирование. 2015. № 3. С. 24–35.
2. Коростелев С. В. Действие метода стратегического легализма в международных отношениях / Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления. Сб. научных статей. Вып. 7 / под общ. ред. проф. В. В. Тумалева. СПб. : Институт бизнеса и права, 2009.
3. Коростелев С. В. Об эпифеноменальном характере международного права // Управленческое консультирование. 2013. № 12. С. 29–34.
4. Коростелев С. В. Проблемы обоснования актов применения силы во внешней политике государства // Управленческое консультирование. 2015. № 10. С. 15–20.
5. Morgenthau H. J. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. 6 Ed. New York : McGraw-Hill, 1985.

References

1. Korostelev S. V. *Humanitarian need: problem of political legitimation of acts of use of force* [Gumanitarnaya neobkhodimost': problema politicheskoi legitimatsii aktov primeneniya sily] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 3. P. 24–35. (rus)
2. Korostelev S. V. *Action of a method of strategic legalism in the international relations* [Deistvie metoda strategicheskogo legalizma v mezhdunarodnykh otnosheniyakh] / Global economic crisis: realities and ways of overcoming. The collection of scientific articles, Issue 7 [Global'nyi ekonomicheskii krizis: realii i puti preodoleniya. Sb. nauchnykh statei. Vyp. 7] / Under the general edition of the prof. V. V. Tumalyov. SPb. : Institute of Business and Law [Institut biznesa i prava], 2009. (rus)
3. Korostelev S. V. *About epiphenomenal character of international law* [Ob epifenomenal'nom kharaktere mezhdunarodnogo prava] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 12. P. 29–34. (rus)
4. Korostelev S. V. *Problems of justification of acts of use of force in foreign policy of the state* [Problemy obosnovaniya aktov primeneniya sily vo vneshnei politike gosudarstva] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 10. P. 15–20. (rus)
5. Morgenthau H. J. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. 6 Ed. New York : McGraw-Hill, 1985.

Участие Национальной гвардии России в обеспечении военной безопасности

Ковалев Андрей Андреевич

Военнослужащий (Санкт-Петербург)
Кандидат политических наук
senator23@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются место и роль Национальной гвардии, созданной указом Президента Российской Федерации в апреле 2016 г., в системе институтов обеспечения военной безопасности. Проблемы ее формирования и функционирования анализируются в контексте Стратегии национальной безопасности России, где отмечается, что повышение эффективности ее обеспечения возможно за счет совершенства структуры и деятельности федеральных органов исполнительной власти, а также комплексного развития правоохранительных органов и специальных служб. Рассматриваются также основные положения указа Президента РФ, посвященного созданию Национальной гвардии и ее войск, Федерального закона «О войсках Национальной гвардии Российской Федерации». Отмечается, что Национальная гвардия призвана повысить эффективность противодействия экстремизму и терроризму как на территории государства, так и за ее пределами, что особенно важно в условиях ведения «гибридных войн». Определяется значение подобных институтов, действующих в ряде других стран. Проводится анализ основных задач и полномочий вновь созданного института, в рамках которых возможно обеспечение военной безопасности России, в частности, в режиме военного положения и в других особых правовых режимах. Выделяется ряд проблем, связанных с созданием нового института: необходимость четкого разграничения полномочий и задач с другими силовыми структурами, внесения определенности в терминологию, связанную со сферой национальной безопасности. Делается вывод, что создание Национальной гвардии открывает новые возможности в сфере обеспечения военной безопасности страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Национальная гвардия, военная безопасность, национальная безопасность, экстремизм, терроризм, институт

Kovalev A. A.

Participation of National Guard of Russia in Ensuring Military Safety

Kovalev Andrey Andreevich

Military officer (Saint-Petersburg, Russian Federation)
PhD in Political Sciences
senator23@yandex.ru

ABSTRACT

The article examines the place and role of the National Guard established in April 2016 by the decree of the President of the Russian Federation a year, the system of military security institutions. The problems of its formation and functioning are analyzed in the context of Russia's National Security Strategy, which states that improving the efficiency of its maintenance is possible due to the perfection of the structure and activities of the federal bodies of executive power, as well as the integrated development of the law enforcement bodies and special services. We also consider the main provisions of the decree of the President of the Russian Federation, dedicated to the creation of the National Guard and its troops, the draft federal law «On the Russian Federation, National Guard troops». It is noted that the National Guard is designed to improve the efficiency of counteraction to extremism and terrorism, both within the state and outside it, which is especially important in the conduct of "hybrid warfare". It determines the value of such institutions operating in other countries. Reins analysis of the main tasks and responsibilities of the

newly created Institute, within which it is possible to ensure the military security of Russia, particularly in the martial law regime and other special legal regimes. It provided a number of problems associated with the creation of a new institution: the need for a clear division of powers and tasks with other law enforcement agencies, making certainty in the terminology related to the national security sphere. It is concluded that the creation of the National Guard opens new possibilities in the field of military security of the country.

KEYWORDS

National Guard, military security, national security, extremism, terrorism, Institute

Вопросы военной безопасности рассматриваются большинством государств мира как наиболее приоритетные и всегда — в явном или скрытом виде — находятся в политической повестке дня. В современном мире, в связи с появлением новых форм ведения военных действий (информационная, гибридная война) их значимость как никогда актуальна. Подтверждаются выводы многих российских политологов о том, что «процесс формирования новой системы международных отношений после окончания «холодной войны» приобрел затяжной и во многом неуправляемый характер. Создалась ситуация, несущая в себе большой кризисный потенциал и одновременно мало приспособленная к предотвращению и урегулированию глобальных проблем безопасности на коллективной основе» [2]. В этих условиях возрастает внимание российского государства и общества к обеспечению своей военной безопасности.

В этом процессе задействованы многие институты государства, но особую роль среди них играют те структуры, которые относят к «силовому блоку» и в функции которых входит непосредственное противодействие внутренним и внешним угрозам. Реформирование подобных структур, перераспределение их полномочий непосредственно влияет на эффективность обеспечения военной безопасности. Поэтому представляется необходимым рассмотреть изменения, происходящие в этой сфере сегодня в связи с созданием в России новой силовой структуры — Национальной гвардии.

5 апреля 2016 г. Президент России, Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации В.В. Путин сообщил, что принял решение о создании на базе внутренних войск МВД России Национальной гвардии. При этом В.В. Путин заявил: «Мы активно обсуждали вопросы, связанные с совершенствованием работы правоохранительных органов и силовой их составляющей, и рассуждали, думали о том, как нам улучшить работу по всем направлениям. Решения приняты. Мы создаем новый федеральный орган исполнительной власти на базе внутренних войск МВД — создаем Национальную гвардию...»¹.

Позже, в ходе «прямой линии» 14 апреля с.г., Президент подчеркнул, что немаловажным фактором для принятия такого решения стала необходимость снижения затрат на содержание различных служб за счет оптимизации структур, прежде всего управленческой и штабного назначения².

Созданию Национальной гвардии предшествовало обновление стратегии национальной безопасности. Так, 31 декабря 2015 г. в соответствии с федеральными законами «О безопасности»³ и «О стратегическом планировании в Российской

¹ Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51643> (дата обращения: 20.04.2016).

² Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51716> (дата обращения: 20.04.2016).

³ О безопасности: Федеральный закон Рос. Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ.

Федерации»¹ Президент России утвердил стратегию национальной безопасности², являющуюся базовым документом стратегического планирования, направленным на укрепление национальной безопасности РФ. В качестве предпосылок к созданию Национальной гвардии в стратегическом документе был указан ряд оснований. А именно: национальным приоритетом на долгосрочную перспективу названо укрепление обороны страны, государственной и территориальной целостности Российской Федерации. В документе говорится, что достижение стратегических целей обороны страны осуществляется в рамках реализации военной политики путем совершенствования военной организации государства, форм и способов применения Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований. Совершенствование военной организации государства осуществляется на основе сбалансированного развития компонентов военной организации, наращивания оборонного потенциала, оснащения Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований современным вооружением, военной и специальной техникой, инновационного развития оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. Помимо прочего, стратегия предусматривает, что обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется путем повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб. А это возможно за счет совершенствования структуры и деятельности федеральных органов исполнительной власти, а также комплексного развития правоохранительных органов и специальных служб, принятия на вооружение перспективных специальных средств и техники, развития системы профессиональной подготовки в области обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, назрели все необходимые основания для создания Национальной гвардии. В первую очередь это необходимость повышения эффективности использования имеющихся ресурсов внутренних войск МВД и ряда других подразделений в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом, территориальной обороны, охраны государственной границы. Во-вторых, подчинение новой структуры исполнительной власти непосредственно Верховному Главнокомандующему, что повышает оперативность реагирования на возникающие угрозы. В-третьих, передача внутренних войск в структуру Национальной гвардии затрагивает и те подразделения, которые до настоящего времени существовали де-факто в автономном режиме (например, некоторые силовые структуры на территории Республики Чечня).

Этим же днем вышел Указ Президента «Вопросы Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации»³. Специалисты отмечают, что идея создания подобной структуры обсуждалась в течение нескольких лет. Изначально предполагалось, что у Национальной гвардии будут прежде всего охранительные функции — предотвращение и ликвидация массовых беспорядков⁴. Но в итоге функции новой структуры значительно расширены.

Интересно сравнить их с функциями аналогичных служб в других странах. Например, национальная гвардия США рассматривается как резерв вооруженных сил и часто задействуется в военных операциях (за последние годы — в Афганистане и Ираке). Организационно подчиняясь командующему сухопутными силами армии

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.

² О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.

³ Вопросы Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 157 от 5 апреля 2016 г.

⁴ Армия Золотова: зачем и каким образом создается Национальная гвардия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/05/04/2016/5703ed1d9a794798356bbca1> (дата обращения: 20.04.2016).

США¹, она также выступает в роли силовой структуры при подавлении беспорядков, ликвидации последствий стихийных бедствий.

Можно провести определенные аналогии и с корпусом стражей исламской революции в Иране, который иногда называют «революционной гвардией». Формируется он в отличие от армейских структур этого государства на добровольной основе, но при этом имеет солидную материальную базу, большую численность личного состава и широкий спектр задач, связанных с распространением идеологии исламской революции и борьбы с внутренними и внешними противниками². В частности, подразделения КСИР активно участвуют в боевых действиях на территории Сирии³.

Существуют национальные гвардии и в ряде стран постсоветского пространства. Так, в Казахстане данная структура находится в подчинении МВД и выполняет функции, схожие с теми, что выполняли ранее существовавшие подразделения внутренних войск: охрана общественного порядка, сопровождение грузов, помощь пограничникам, участие в спецоперациях других силовых структур, конвоирование осужденных и т. д. Схожие функции выполняет национальная гвардия в некоторых других странах СНГ, например в Киргизии. А в таких государствах, как Азербайджан, Грузия, Таджикистан, нацгвардия в основном занята охраной глав государств и высших должностных лиц⁴.

Наконец, в Украине созданная в 2014 г. национальная гвардия появилась в результате слияния внутренних войск МВД и «сил самообороны Майдана». Призванная выполнять преимущественно функции обеспечения внутренней безопасности и правопорядка⁵, фактически она принимала активное участие в боевых действиях на востоке Украины.

Таким образом, национальные гвардии (или аналогичные формирования) тех стран, где они существуют, выполняют весьма разнообразные функции во внутренней и внешней политике. Сам термин «гвардия» указывает на стремление отобрать лучших представителей общества для решения поставленных задач и в то же время — на определенную обособленность от армейских структур. Но прямого аналога (по задачам и полномочиям) Национальной гвардии, создаваемой в РФ, в других странах нет.

Основной целью создания российской Нацгвардии является обеспечение государственной и общественной безопасности, защита прав и свобод человека и гражданина. Здесь стоит обратить внимание на один важный аспект. Согласно Указу Президента, была образована Федеральная служба войск Национальной гвардии Российской Федерации (сокращенное название — Росгвардия), т. е. по сути — федеральное министерство. А уже в структуре этого ведомства создаются войска Национальной гвардии.

Руководство войсками Национальной гвардии осуществляет Президент Российской Федерации, который определяет задачи органов управления, утверждает структуру и состав войск, штатную численность военнослужащих и гражданских служащих. Непосредственное управление войсками Национальной гвардии осу-

¹ Козичев Е., Малаев М., Шелковников Д. Что нужно знать про национальную гвардию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2956897> (дата обращения: 20.04.2016).

² Сумбатян Ю. Воины «мировой исламской революции» [Электронный ресурс]. URL: http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=7177 (дата обращения: 20.04.2016).

³ В Сирии погибли два иранских генерала [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2015/10/14/iranians/> (дата обращения: 20.04.2016).

⁴ Армия Золотова: зачем и каким образом создается Национальная гвардия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/05/04/2016/5703ed1d9a794798356bbca1> (дата обращения: 20.04.2016).

⁵ Верховная рада проголосовала за воссоздание Национальной гвардии Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/fnews.open/20140313141313.shtml> (дата обращения: 20.04.2016).

ществляет директор Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации — главнокомандующий войсками Национальной гвардии. По должности он становится постоянным членом Совета Безопасности России.

Стоит также отметить, что новая федеральная служба является правопреемником МВД России в отношении передаваемых ей органов управления, объединений, соединений, воинских частей, военных организаций высшего образования и иных организаций внутренних войск МВД России, в том числе по обязательствам, возникшим в результате исполнения судебных решений.

В связи с тем что работа по формированию войск Национальной гвардии только разворачивается, можно предположить, что в ближайшее время будут изданы дополнительные нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность войск Национальной гвардии. Как отмечалось ранее, данные войска созданы путем преобразования внутренних войск МВД России. То есть с 5 апреля 2016 г. внутренние войска стали именоваться войсками Национальной гвардии в структуре ФСВНГ России. Указом Президента в них дополнительно включены: специальные отряды быстрого реагирования и мобильные отряды особого назначения территориальных органов, Центр специального назначения сил оперативного реагирования и авиационные подразделения МВД России, а также подразделения в сфере оборота оружия, частной охранной деятельности и вневедомственной охраны.

Далее рассмотрим новый силовой институт федеральных органов исполнительной власти с точки зрения обеспечения военной безопасности.

Как известно, до сих пор вопросы обеспечения военной безопасности были возложены на подразделения Минобороны, ФСБ, ФСО, СВР, МВД, МЧС, ГУСП России [1]. На новый орган исполнительной власти также возлагается решение *основных задач*, касающихся обеспечения военной безопасности: участие в территориальной обороне Российской Федерации, оказание содействия пограничным органам ФСБ России в охране государственной границы. К *полномочиям* Национальной гвардии в области обеспечения военной безопасности относится участие в обеспечении режима военного положения и режима чрезвычайного положения, проведения мероприятий военного времени, гражданской обороны в условиях военного времени, а также участие в совместных действиях с Вооруженными Силами, воинскими формированиями и органами по обеспечению обороны Российской Федерации, деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности. Следует отметить, что задачи какой-либо структуры определяют основные направления ее деятельности, тогда как полномочия — возможности для реализации поставленных задач.

Рассмотрим некоторые моменты более детально. Под военной безопасностью мы понимаем особое состояние отношений между государствами (или их коалициями), обусловленное сочетанием политических, экономических, военных и других факторов, исключающих возможность начала войны (военных действий). Здесь важно понять, что военная безопасность — это состояние. И поддерживать это «*состояние не начала войны*» возможно при помощи ряда особых режимов (систем), применяемых как по отдельности, так и в комплексе. Эти режимы как раз и должны обеспечиваться силами Национальной гвардии Российской Федерации. К таким режимам относятся: *военное положение* — в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии¹; *чрезвычайное положение* — как временная мера для обеспечения безопасности граждан в случае вооруженного мятежа, деятельности незаконных вооруженных формирований²; *военное вре-*

¹ О военном положении: федер. конст. закон Рос. Федерации от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ.

² О чрезвычайном положении: федер. конст. закон Рос. Федерации от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ.

мя — начинается с момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий¹; *гражданская оборона* — как система мероприятий по защите населения от опасностей, возникающих при военных конфликтах²; *территориальная оборона* — как система охраны и обороны военных, важных государственных и специальных объектов, борьба с незаконными вооруженными формированиями³.

5 апреля 2016 г. в соответствии с пунктом «г» ст. 84 Конституции Российской Федерации Президент России внес в Государственную Думу проект Федерального закона «О войсках Национальной гвардии Российской Федерации»⁴. Законопроектом предусматривается определить задачи войск Национальной гвардии Российской Федерации, их состав, принципы деятельности и полномочия, урегулировать вопросы, связанные с руководством и управлением ими, комплектованием личным составом, обеспечением социальной защиты военнослужащих войск Национальной гвардии, а также с их финансовым и материально-техническим обеспечением. 22 июня 2016 г. законопроект был принят Государственной Думой, 29 июня 2016 г. одобрен Советом Федерации, и уже 3 июля 2016 г. Президент России подписал Федеральный закон «О войсках Национальной гвардии Российской Федерации»⁵.

В рамках данной статьи мы не имеем возможности полностью проанализировать указанный закон. Отметим главное, что войска Национальной гвардии Российской Федерации являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной безопасности.

11 апреля 2016 г. на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов размещен проект Указа Президента РФ «Положение о Федеральной службе войск Национальной гвардии Российской Федерации»⁶. В пояснительной записке сказано, что данный правовой акт определяет основные задачи, полномочия и организационную деятельность федеральной службы, а также ее структуру.

В связи с тем что в настоящее время с правовой точки зрения остаются открытыми многие вопросы, касающиеся войск Национальной гвардии, до вступления в силу ряда соответствующих законов, функционирование новой федеральной службы будет осуществляться в соответствии с положениями действующих федеральных законов, определяющих задачи, права и полномочия внутренних войск МВД России и полиции.

Итак, основной целью создания Национальной гвардии является обеспечение государственной и общественной безопасности. Однако действующее российское законодательство не содержит четкого определения понятия «государственная и общественная безопасность». В Конституции России имеется одиннадцать установок по различным вопросам безопасности⁷: это безопасность государства⁸, государственная безопасность⁹, общественная безопасность¹⁰, оборона и безопасность¹¹,

¹ Об обороне: федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ.

² О гражданской обороне: федер. закон Рос. Федерации от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ.

³ Об обороне: федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ.

⁴ Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=1037356-6&02> (дата обращения: 07.04.2016).

⁵ О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ.

⁶ Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. URL: <http://regulation.gov.ru/projects/npa=47818> (дата обращения: 12.04.2016).

⁷ Конституция Российской Федерации: официальный текст.

⁸ Там же, ч. 5 ст. 13; ч. 3 ст. 55; ч. 1 ст. 82.

⁹ Там же, п. «д» ч. 1 ст. 114.

¹⁰ Там же, п. «б» ч. 1 ст. 72.

¹¹ Там же, п. «м» ст. 71.

экологическая безопасность¹, безопасность граждан², безопасность людей³, а также безопасность труда⁴. Базовый закон «О безопасности» вообще не содержит никаких определений данного понятия. В этом законе указаны принципы, содержание, правовые основы, полномочия органов власти в области безопасности и т. д. Однако самого определения нет. Анализируя другие документы, мы выходим на концепцию общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденную Президентом РФ в 2013 г. Под общественной безопасностью понимается здесь состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера⁵. Но концепция — это лишь система взглядов. В свою очередь стратегия национальной безопасности⁶ трактует, что национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации — прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности. Таким образом, чтобы не возникало правовых коллизий, стоит указать, что целью создания Национальной гвардии является обеспечение именно национальной безопасности. Это снимет ряд дискуссионных вопросов. Желательно также на законодательном уровне закрепить понятие государственной безопасности, по примеру «военной безопасности» в Военной доктрине Российской Федерации.

Непосредственное влияние нового института на обеспечение военной безопасности, на наш взгляд, возможно в силу следующих обстоятельств:

- Национальная гвардия может выступать инструментом обеспечения антитеррористических операций широкого масштаба на территории РФ против организаций мирового терроризма;
- Национальная гвардия или ее отдельные подразделения могут быть использованы при проведении внешних операций, однако в настоящее время этот вопрос законодательно не урегулирован;
- в условиях распространения гибридных форм ведения военных действий Национальная гвардия может рассматриваться как структура, противодействующая враждебным акциям на территории РФ — попыткам бунтов, вооруженного сопротивления законным властям, разжигания масштабных межэтнических конфликтов и др.

Согласимся с профессором И. В. Радиковым, который подчеркивает, что «мы должны исходить из того, что потребности безопасности России существуют объективно. На каждом этапе ее исторического развития они не должны выходить за пределы неких границ при любой внутривнутриполитической структуре. Но высшим критерием этих потребностей, национальных интересов в демократическом обществе должны быть потребности каждого человека, ибо только их гарантия способна дать государству и обществу подлинную стабильность и безопасность... Защита конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности, установление политической, экономической и социальной стабильности, безусловное исполнение законов и поддержание правопорядка, развитие международного сотрудничества

¹ Там же, п. «д» ч. 1 ст. 72.

² Там же, ч. 1 ст. 56.

³ Там же, ч. 2 ст. 74; ч. 1 ст. 98.

⁴ Там же, ч. 3 ст. 37.

⁵ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685

⁶ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.

в сущности своей являются с позиции конкретного человека способами обеспечения главного, жизненно важного, значимого интереса государства — всестороннего развития личности» [2].

Таким образом, рассмотрев вопросы начального этапа функционирования нового силового института власти, можно в заключение выделить ряд дискуссионных аспектов, которые заслуживают дальнейшего рассмотрения.

1. Вероятно, создание Национальной гвардии положительно скажется на обеспечении национальной безопасности в ее силовом аспекте. Создается новый силовой институт, который должен стать важным элементом большого механизма обеспечения безопасности государства, противодействия внутренним и внешним экстремистским силам.
2. Возникает ряд вопросов, касающихся задач и полномочий в сфере обеспечения военной безопасности. Не совсем понятны вопросы практического взаимодействия Нацгвардии с другими силовыми институтами власти (МВД, ФСБ), очевидны дублирующие функции этих структур. Необходимо дальнейшее развитие нормативной составляющей функционирования нового института и ее имплементация на практике.
3. Возникает дискуссионный вопрос относительно незакрепленного в правовых актах понятия «государственная безопасность», которое широко использовалось в советский период, а затем было вытеснено из законодательства понятием «национальная безопасность». В случае его возвращения в политический и правовой дискурс необходимо четко определить содержательное наполнение, границы данного понятия, соотношение с другими видами безопасности.

В целом необходимо отметить, что создание Национальной гвардии РФ открывает новые возможности в сфере обеспечения военной безопасности, в частности, при использовании особых правовых режимов, проведении антитеррористических и анти-экстремистских операций. Но механизмы и пределы реализации этих возможностей могут быть оценены только исходя из ее реальной деятельности.

Литература

1. Ковалев А. А. Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015.
2. Радиков И. В. Национальная безопасность как главный национальный проект России: типичные проблемы реализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2007. Т. 3. № 1. С. 64–82.
3. Радиков И. В. Безопасность человека: реальность или фикция? // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 5–11.

References

1. Kovalev A. A. *Power mechanisms of ensuring military safety of the Russian Federation* [Vlastnye mekhanizmy obespecheniya voennoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii]: dissertation. SPb., 2015. (rus)
2. Radikov I. V. *National security as main national project of Russia: typical problems of realization* [Natsional'naya bezopasnost' kak glavnyi natsional'nyi proekt Rossii: tipichnye problemy realizatsii] // Political expertise : POLITEX [Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS]. 2007. V. 3. N 1. P. 64–82. (rus)
3. Radikov I. V. *Safety of the person: reality or fiction?* [Bezopasnost' cheloveka: real'nost' ili fiktsiya?] // Bulletin of the Moscow University. Series 12: Political sciences [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskies nauki]. 2010. N 4. P. 5–11. (rus)

Избирательные стандарты Содружества Независимых Государств

Алёхина Ирина Сергеевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры конституционного и административного права
Кандидат юридических наук
Действительный государственный советник Санкт-Петербурга 3 класса
i.s.alehina@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются избирательные стандарты Содружества Независимых Государств, установленные Конвенцией о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств; отмечается взаимосвязь принципов избирательного права и правовых избирательных стандартов; представлены правовые избирательные стандарты, обеспечивающие единообразное понимание и применение принципов всеобщего, равного, прямого избирательного права, а также принципов обязательности и периодичности выборов. Рассмотрены особенности правового регулирования принципа всеобщего избирательного права в конституциях государств-участников Содружества Независимых Государств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

принципы избирательного права, международные избирательные стандарты; избирательные стандарты; правовые избирательные стандарты; Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств; конституции государств-участников Содружества Независимых Государств

Alekhina I. S.

The Electoral Standards of the Commonwealth of Independent States

Alekhina Irina Sergeevna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Constitutional Law
PhD in Jurisprudence
State Counsellor 3rd Class of the Saint-Petersburg
alehina@sziu.ru

ABSTRACT

The article deals with electoral standards of the Commonwealth of Independent States, established by the Convention on the Standards of Democratic Elections, Electoral Rights and Freedoms in the states — members of the Commonwealth of Independent States; It noted the relationship of the principles of electoral law and legal election standards; presented legal electoral standards, ensuring a uniform understanding and application of the principles of universal, equal and direct suffrage, as well as the principles of obligation and periodicity of elections. The peculiarities of the legal regulation of the principle of universal suffrage in the constitutions of states — participants of the Commonwealth of Independent States.

KEYWORDS

the principles of suffrage; international electoral standards; electoral standards; legal election standards; Convention on Standards of Democratic Elections, Electoral Rights and Freedoms in the states — members of the Commonwealth of Independent States; Constitution states — participants of the Commonwealth of Independent States

Уверенно можно констатировать, что основные принципы избирательного права нашли свое закрепление не только в международных документах, но и в конституциях и законах государств-участников Содружества Независимых Государств. В научной литературе кроме понятия «принцип избирательного права» часто встречаются понятия «международный стандарт», «международно-правовой стандарт», «международный избирательный стандарт», «стандарты «правовой избирательный стандарт», «избирательный стандарт».

Совпадает ли содержание понятий «принцип избирательного права» и «правовой избирательный стандарт»? Если совпадает, то для чего такое терминологическое многообразие? На наш взгляд, это безусловно различные по содержанию и назначению категории. Например, международно-правовой стандарт, в том числе в сфере избирательного права, можно рассматривать как форму конкретизации принципов, руководящие положения по их пониманию и применению (тесная неразрывная взаимосвязь принципов и стандартов может быть хорошо проиллюстрирована нормами международно-правовых актов), а правовые избирательные стандарты обеспечивают единообразное понимание и применение принципов и норм избирательного законодательства.

А можно ли говорить о закреплении правовых избирательных стандартов в конституциях стран-участников СНГ? Какими правовыми избирательными стандартами обеспечивается единообразное понимание и применение принципов избирательного права?

Перед тем, как ответить на данные вопросы, в преддверии 15-летия принятия «Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств», кратко напомним, как принималась данная Конвенция и какие документы были приняты на основе Конвенции.

Целесообразность принятия Конвенции была обусловлена тем, что в рамках Содружества Независимых Государств, важной задачей которого, как межгосударственного образования, является обеспечение прав и основных свобод человека в государствах Содружества в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, положениями Устава Содружества Независимых Государств, не существовало единого (консолидированного) международного правового документа, закрепляющего стандарты демократических выборов, гарантии избирательных прав и свобод граждан, участия политических партий, общественных объединений в избирательном процессе, информационного и финансового обеспечения выборов, проведения предвыборной агитации, прозрачности процесса определения итогов голосования, установления результатов выборов и их опубликования, а также проведения национального (общественного) и международного наблюдения за голосованием и выборами в целом. Немаловажным фактором являлась и необходимость учета национальных демократических особенностей организации избирательного процесса в целях пополнения на их основе общепризнанных правовых начал организации свободных выборов, гарантий избирательных прав и свобод всех участников избирательного процесса [4, с. 773].

Таким образом, уникальность разработки и принятия Конвенции, проект которой «был подготовлен на основе обобщения и содержательного развития общепризнанных принципов и норм международного права, относящихся к организации избирательного процесса, в том числе международных обязательств государств-участников СНГ...» [2, с. 673], заключается в том, что впервые в мировой практике проведена кодификация стандартов демократических выборов в рамках межгосударственного образования — Содружества Независимых Государств и их закрепление в формате международно-правового акта — конвен-

ции, носящей обязательный характер¹. Это особенно важно для государств, формирующих избирательные системы и правоприменительную практику на основе концепции и модели правового регулирования демократических прав и свобод человека и гражданина.

Конвенция послужила исходной правовой базой для подготовки ряда документов Содружества Независимых Государств, которые стали дополнительными международно-правовыми инструментами обеспечения соблюдения стандартов демократических выборов, избирательных прав и свобод граждан, иных участников выборов, осуществления международного наблюдения за выборами в государствах-участниках Конвенции. На основе Конвенции в дальнейшем были приняты и одобрены такие важные документы, как: Положение о Миссии наблюдателей от СНГ на президентских и парламентских выборах, а также референдумах в государствах-участниках Содружества Независимых Государств² и Декларация Межпарламентской Ассамблеи государств и участников СНГ «О принципах международного наблюдения за выборами и референдумами в государствах-участниках СНГ»³. Кроме того, можно отметить международно-правовые документы, носящие рекомендательный характер и являющиеся вспомогательными методическими документами, в частности для организации и проведения международного наблюдения за выборами международными наблюдателями Содружества⁴. В рамках МПА СНГ продолжается работа по созданию комплексной базы модельного и рекомендательного регулирования избирательных процессов в государствах-участниках СНГ [3, с. 62–69].

В рамках Конвенции объединены (кодифицированы) и содержательно развиты международно-правовые нормы в области организации избирательного процесса

¹ Разработка проекта Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (вступила в силу в ноябре 2003 г.), проекта Рекомендаций для международных наблюдателей Содружества Независимых Государств по наблюдению за выборами (вступили в силу в декабре 2002 г.), проекта Положения о Межгосударственном избирательном совете Содружества Независимых Государств (одобрен в апреле 2004 г. на 23-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ и направлен на рассмотрение Совета глав государств-участников Содружества) были включены в Перспективный план модельного законодательства в Содружестве Независимых Государств на период до 2005 г. Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств по инициативе Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и разработаны Временным творческим коллективом под руководством В. И. Лысенко, члена Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктора юридических наук (Институт государства и права РАН).

² Одобрено решением Совета глав государств-участников Содружества Независимых Государств от 30 мая 2003 г. и в марте 2004 г. утверждено на заседании Совета министров иностранных дел СНГ.

³ Принята на 31-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление № 31-5 от 25 ноября 2008 г.).

⁴ Рекомендации для международных наблюдателей от Содружества Независимых Государств по наблюдению за выборами и референдумами, принятые в новой редакции постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 36-14 от 16 мая 2011 г.; Рекомендации по совершенствованию законодательства государств-участников МПА СНГ в соответствии с международными избирательными стандартами, принятые постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 36-13 от 16 мая 2011 г.; Рекомендации об общих принципах организации и проведения муниципальных (местных) выборов, местных референдумов и голосований / Приложение к постановлению МПА СНГ от 18.04.2014 г. № 40-11; Рекомендации по совершенствованию законодательства о выборах глав государств в странах СНГ / Приложение к постановлению МПА СНГ от 18.04.2014 г. № 40-12. На основе системы международно-правовых актов Содружества были разработаны и приняты модельные законы: «О национальном референдуме» (2012), «О статусе выборного лица местного самоуправления» (2014), в которых нашел свое отражение богатый национальный опыт государств Содружества.

посредством обобщения таких стандартов организации современного избирательного процесса, как демократические, периодические, обязательные, свободные, подлинные, справедливые, конкурентные, открытые и гласные выборы, проводимые на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, обеспечение судебной защиты избирательных прав и свобод всех участников выборов, осуществление общественного и международного наблюдения за выборами, гарантии их реализации. В Конвенции впервые даны (с учетом политико-правовых реалий) развернутые определения вышеназванных стандартов (с учетом их законодательного оформления в национальном избирательном законодательстве государств-участников СНГ) и механизмы их реализации [4, с. 775].

Далее, рассматривая соотношение международных принципов и международных стандартов избирательного права, можно констатировать тесную и неразрывную взаимосвязь названных категорий. Принцип есть категория универсального порядка. С позиции теории права принципы права — это основные, исходные начала, положения, идеи, выражающие закономерности и сущность права как специфического социального регулятора, наиболее общие правила поведения, которые либо прямо сформулированы в законе, либо выводятся из его смысла. В международном праве принципы — это «...руководящие правила поведения субъектов, возникающие как результат общественной практики, юридически закрепленные начала международного права...». Принцип являет собой наиболее общее выражение установившейся практики международных отношений. В избирательном праве, принцип — это основополагающие, руководящие начала, идеи, положенные в основу формирования выборных органов государственной власти и местного самоуправления. Международно-правовой стандарт, в том числе в сфере избирательного права, мы рассматриваем как форму конкретизации принципов, руководящие положения по их пониманию и применению. В этом отношении можно согласиться с уже имеющимся в научной литературе пониманием международных избирательных стандартов как международных правовых обязательств государства, конкретизирующих и развивающих основополагающий принцип международного права — уважение прав человека в сфере осуществления народовластия — выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления, порядок их проведения и подготовку соответствующей документации.

На наш взгляд, международно-правовой стандарт, в том числе в сфере избирательного права, можно рассматривать как форму конкретизации принципов, руководящие положения по их пониманию и применению. Тесная неразрывная взаимосвязь принципов и стандартов может быть хорошо проиллюстрирована нормами международно-правовых актов.

Однако в данном случае речь идет о специальных механизмах обеспечения надлежащего действия норм избирательного законодательства и защиты субъективных избирательных прав. Очевидно, что это несколько иной аспект проблематики совершенствования и обеспечения эффективности избирательного законодательства.

Правовой избирательный стандарт можно рассматривать как совокупность признанных на международном и внутригосударственном уровне правовых норм и нормативных требований, обобщающих накопленный опыт правового регулирования общественных отношений в сфере организации и проведения выборов в органы государственной власти, направленных на обеспечение единообразного понимания и применения принципов и норм избирательного законодательства. Правовые избирательные стандарты объединяют правовые нормы материального и процессуального характера, правоприменительную практику. Критерием такого объединения рассматривается назначение стандарта, его особая роль в правоприменении. Правовые избирательные стандарты выступают в качестве норма-

тивной основы и одновременно как одно из правовых средств процесса реализации норм избирательного законодательства [1].

Назначением стандарта, как уже подчеркивалось, является обеспечение единообразного понимания и применения принципов и норм избирательного законодательства с целью эффективной реализации норм избирательного законодательства в определенной области на пользу и при участии всех заинтересованных сторон. Правовые избирательные стандарты выступают в качестве нормативной основы и одновременно как одно из правовых средств процесса реализации норм избирательного законодательства.

Таким образом, еще раз подчеркнув, что разработка, совершенствование и дальнейшее исследование избирательных стандартов является актуальной, можно представить правовые избирательные стандарты, обеспечивающими единообразное понимание и применение принципов всеобщего, равного, прямого избирательного права, а также принципов обязательности и периодичности выборов. Несомненно, указанный перечень принципов не полный.

Правовыми избирательными стандартами, обеспечивающими единообразное понимание и применение принципа всеобщего избирательного права, являются: стандарт введения избирательных цензов; стандарт дополнительных условий реализации пассивного избирательного права граждан; стандарт, допускающий ограничения активного и пассивного избирательного права, связанные с нахождением места жительства гражданина; стандарт, предусматривающий возможность для гражданина принять участие в голосовании в случае, если гражданин во время голосования не имеет возможность прибыть на избирательный участок по месту его основной регистрации, а также для граждан, проживающих за пределами избирательного округа; стандарт, предусматривающий участие в выборах (в голосовании), находящихся в день голосования на территории иностранных государств; стандарт, допускающий участие в выборах иностранных граждан; стандарт, ограничивающий статус депутата и выборного должностного лица; стандарт, предусматривающий особые условия реализации избирательного права военнослужащими.

Правовыми избирательными стандартами, обеспечивающими единообразное понимание и применение принципа равного избирательного права, являются: равные условия выдвижения для кандидатов; кандидаты обладают равными правами и несут равные обязанности (гарантии деятельности зарегистрированного кандидата); стандарт, ограничивающий свободу кандидатов, связанный с их должностным или служебным положением; стандарт территориальной основы выборов; отклонение от территориальной основы выборов для обеспечения представительства коренных и малочисленных народов.

Правовыми избирательными стандартами, обеспечивающими единообразное понимание и применение принципа прямого избирательного права, являются: голосование за или против кандидата (списков кандидатов); состязательность выборов; альтернативность выборов; стандарт представительности.

Правовыми избирательными стандартами, обеспечивающими единообразное понимание и применение принципа периодичности и обязательности проведения выборов, являются: сроки проведения голосования; голосование должно быть проведено в определенно установленный день; стандарт, устанавливающий субъекты назначения выборов; стандарт совмещения выборов.

В связи с ограниченным объемом статьи далее будут рассмотрены правовые избирательные стандарты, обеспечивающие единообразное понимание и применение принципа всеобщего избирательного права, закрепленные в конституциях государств-участников Содружества Независимых Государств.

Проанализировав конституции государств-участников Содружества Независимых Государств, можно сделать вывод, что основными законами этих государств пред-

усмотрено введение избирательных цензов (стандарт ограничения активного и пассивного избирательного права), который по своему характеру не является дискриминационным и не противоречит международным обязательствам некоторых государств¹, в частности предоставление пассивного избирательного права гражданам по достижении определенного возраста. При этом следует отметить, что при указании возраста используются различные формулировки. Например, в отношении глав государств конституции республик Азербайджана², Армении³, Беларуси⁴, Казахстана⁵, Кыргызстана⁶, России⁷ устанавливаются, что Президент «может быть избран»; согласно конституциям республик Молдова⁸, Таджикистана⁹ и Украины¹⁰ Президент «избирается».

Следует отметить, что слова «голосование» и «выборы» не являются синонимами. Синонимом выборов является избирательная кампания. А голосование — лишь один из самых важных завершающих этапов кампании. Тем не менее, в законах

¹ Меры, которые не должны считаться дискриминационными — ст. 18 Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (Кишинев, 7 октября 2002 г.)

² Конституция Республики Азербайджан, № 00 12 ноября 1995 г. Опубликована в «Собрании законодательства Азербайджанской Республики» (31 июля 1997 г., № 1) («VneshExpertService») [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.president.az/azerbaijan/constitution> (дата обращения: 21.07.2016).

³ Конституция Республики Армения (Принята референдумом Республики Армения 5 июля 1995 г. Конституционные изменения внесены референдумом РА 27 ноября 2005 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus> (дата обращения: 21.07.2016).

⁴ Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/print.aspx?guid=6351> (дата обращения: 21.07.2016).

⁵ Конституция Республики Казахстан (принята на референдуме 30 августа 1995 г.; вступила в силу 5 сентября 1995 г.; внесены изменения и дополнения 7 октября 1998 г., 21 мая 2007 г., 2 февраля 2011 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.kz> (дата обращения: 21.07.2016).

⁶ Конституция Кыргызской Республики (Введена в действие Законом Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.president.kg/ru/konstitutsija/print> (дата обращения: 21.07.2016).

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 21.07.2016).

⁸ Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 г. (В редакции Законов Республики Молдова от 19.07.1996 г. № 957-XIII, 05.07.2000 г. № 1115-XIV, 12.07.2001 г. № 351-XV, 21.11.2002 г. № 1469-XV, 21.11.2002 г. № 1470-XV, 21.11.2002 г. № 1471-XV, 25.07.2003 г. № 344-XV, 29.06.2006 г. № 185-XVI) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presedinte.md/rus/constitution> (дата обращения: 21.07.2016).

⁹ Конституция Республики Таджикистан была принята 6 ноября 1994 г. путем всенародного референдума. Таким же путем в нее были внесены изменения и дополнения 26 сентября 1999 и 22 июня 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/112> (дата обращения: 21.07.2016).

¹⁰ Конституция Украины (Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР Украины), 1996, № 30, ст. 141) {Текст Конституции Украины соответствует тексту, существовавшему до внесения изменений Законом Украины № 2222-IV от 08.12.2004. Закон Украины № 2222-IV от 08.12.2004 признан не соответствующим Конституции Украины (является неконституционным) в связи с нарушением конституционной процедуры его рассмотрения и принятия. См. Решение Конституционного Суда Украины № 20-рп/2010 от 30.09.2010} [Электронный ресурс]. URL: <http://rada.gov.ua/uploads/documents/27396.pdf> (дата обращения: 21.07.2016). В Конституцию Украины вносились изменения (отсутствует текст на русском языке).

о выборах вместо термина «день голосования» часто используется термин «день выборов». В связи с этим представляется, что формулировка «достигший на день голосования возраста...» является наиболее правильно сформулированной, так как в ином случае возникает вопрос: «В какой день кандидату в депутаты законодательного органа должен исполниться 21 год? На момент выдвижения, на момент регистрации или на день голосования?»

Конституциями установлены дополнительные условия реализации пассивного избирательного права, связанные с достижением определенного возраста. В результате проведенного анализа конституций государств-участников Содружества Независимых Государств можно сделать вывод, что в Азербайджане, Армении, Беларуси, Киргизии, России, Таджикистане конституциями установлена формулировка «не моложе» 35 лет, в Казахстане «не моложе 40 лет», «достигшее 35 лет» в Армении и Украине, «достигшее 40-летнего возраста» в Молдове. Указание на допустимость установления максимального возраста установлено только конституцией Кыргызской республики «не старше 70 лет».

Правовым избирательным стандартом дополнительных условий реализации пассивного избирательного права установлено также, что законодательно могут устанавливаться дополнительные условия реализации гражданином пассивного избирательного права, не позволяющие одному и тому же лицу занимать одну и ту же выборную должность более установленного количества сроков подряд.

В конституциях государств-участников Содружества Независимых Государств эта норма применима к должности Президента страны, так в Армении, «одно и то же лицо не может быть избрано на должность Президента более чем два раза подряд»; «одно и то же лицо не может быть избрано Президентом дважды» (Киргизия); «одно и то же лицо не может занимать должность Президента более двух сроков подряд» (Молдова, Россия); «одно и то же лицо не может быть Президентом более двух сроков подряд» (Таджикистан, Украина). Таким образом, в Беларуси и Казахстане не установлено ограничений, не позволяющих одному и тому же лицу занимать одну и ту же выборную должность более установленного количества сроков подряд.

Срок полномочий Президента составляет 4 года в Молдове, 5 лет в Азербайджане, Армении, Беларуси, Казахстане, Украине, 6 лет в России и 7 лет в Таджикистане.

Следует отдельно отметить, что согласно конституции Азербайджанской Республики допускается ограничение пассивного избирательного права для избрания Президента при наличии в отношении гражданина судимости за тяжкое преступление, не имеющий обязательств перед другими государствами, не имеющий двойного гражданства. В конституциях других государств нормы, ограничивающие избирательные права граждан, установлены в «общих» статьях.

Правовой избирательный стандарт, допускающий ограничения активного и пассивного избирательного права, связанные с нахождением места жительства гражданина. В России, ограничения пассивного избирательного права, связанные с нахождением места жительства гражданина на определенной территории Российской Федерации, включая требования к продолжительности и сроку проживания гражданина на данной территории, устанавливаются только Конституцией Российской Федерации для Президента Российской Федерации. Так, согласно ст. 81 Конституции Президентом Российской Федерации может быть избран гражданин <...> постоянно проживающий в Российской Федерации не менее 10 лет. Таким образом, гражданин Российской Федерации может реализовать свое пассивное избирательное право в любом субъекте Российской Федерации независимо от места его фактического проживания.

В конституциях государств-участников Содружества Независимых Государств устанавливаются следующие ограничения для кандидатов на пост главы государства, связанные с проживанием на территории государства. Например «постоянно

проживающий свыше 10 лет» в Азербайджане, «постоянно проживающий последние 10 лет» и «последние 10 лет являющийся гражданином» в Армении, «постоянно проживающий не менее 10 лет непосредственно перед выборами» и являться «гражданином по рождению» в Беларуси, «проживающий последние 15 лет» и являться «гражданином по рождению» в Казахстане, «проживающий в совокупности не менее 15 лет» в Кыргызстане, «проживавший или проживающий на территории Республики Молдова не менее 10 лет», «постоянно проживающий не менее 10 лет» в России, «постоянно проживающий не менее 10 последних лет» в Таджикистане, «проживающий в течение 10 последних перед днем выборов лет» в Украине.

Еще раз отметим, что в Беларуси и Казахстане Президент должен был быть гражданином республики по рождению.

Отдельно следует отметить, что согласно ст. 30 конституции Армении «законом может устанавливаться право на участие в выборах органов местного самоуправления и местных референдумах лиц, не имеющих гражданство Республики Армения».

Знание государственного языка требуется согласно конституциям: Казахстана (свободное владение), Киргизии, Молдовы, Таджикистана, Украины.

Требование к наличию высшего образования установлено в конституции Азербайджана.

Правовой избирательный стандарт, ограничивающий право участвовать в выборах определенный круг лиц, предусмотрен конституциями в некоторых странах. Согласно конституции Азербайджана право участвовать в выборах военнослужащих, судей, государственных служащих, религиозных деятелей, лиц, лишенных свободы по вступившему в законную силу приговору суда, других лиц, указанных в настоящей конституции и законе, может ограничиваться законом.

В республике Молдова право избирать имеют граждане, достигшие на день выборов 18-летнего возраста, за исключением лиц, лишенных этого права в порядке, установленном законом.

Законом может устанавливаться право на участие в выборах органов местного самоуправления и местных референдумах лиц, не имеющих гражданство Республики Армения.

Правовой избирательный стандарт, предусматривающий особые условия реализации избирательного права военнослужащими предусмотрен ст. 56 конституции Азербайджана, где сказано, что право участвовать в выборах военнослужащих может ограничиваться законом.

Значение законодательного и, в первую очередь, конституционного закрепления принципов избирательной системы трудно переоценить. Рассматривая избирательную систему как политико-правовой институт, нам представляется важным подчеркнуть необходимость закрепления как ее принципов, так и стандартов, обеспечивающих единообразное понимание и применение принципов именно на конституционном уровне. Принципы, на которых зиждется конституционная регламентация, не только определяют параметры всего законодательного регулирования, но и призваны служить критерием оценки принимаемого и действующего законодательства. К сожалению, в современных условиях, закрепляя и гарантируя право граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления, конституции государств зачастую умалчивают об основных принципах его реализации, обязательных и универсальных для всех проводимых в стране выборов.

Литература

1. *Алехина И. С.* Понятие стандарта в избирательном праве // Северо-Западная академия государственной службы. Ежегодник, 2006 : сб. науч. ст. / под общ. ред. А. С. Горшкова. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2006. С. 99–107.

2. *Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: учебник для вузов* / отв. ред. к.ю.н. А. А. Вешняков. М. : НОРМА, 2003.
3. *Лысенко В. И.* Международные избирательные стандарты, демократические выборы в Европе и СНГ: практика и перспективы // Развитие избирательного законодательства в странах СНГ: пути развития и практика применения: Материалы международного семинара (Баку, 16–17 декабря 2013 г.) / под общ. ред. А. И. Сергеева, А. В. Баранова. СПб. : Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 2014.
4. *Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»* / отв. ред. А. А. Вешняков; науч. ред. В. И. Лысенко. М. : НОРМА, 2003.

References

1. Alekhina I. S. *Concept of the standard of the electoral law* [Ponyatie standarta v izbiratel'nom prave] // North-West academy of public Administration. Annual, 2006: collection of the scientific articles [Severo-Zapadnaya akademiya gosudarstvennoi sluzhby. Ezhegodnik, 2006 : sb. nauch. st.] / under a general edition of A. S. Gorshkov. SPb. : SZAGS publishing house [Izd-vo SZAGS], 2006. P. 99–107. (rus)
2. *Electoral law and the electoral process in the Russian Federation* [Izбирatel'noe pravo i izбирatel'nyi protsess v Rossiiskoi Federatsii]. The textbook for higher education institutions. Ex. ed. PhD in Law A. A. Veshnyakov. M. : NORMA, 2003. (rus)
3. *Lysenko V. I. The international selective standards, democratic elections in Europe and the CIS: practice and prospect* [Mezhdunarodnye izbiratel'nye standarty, demokraticheskie vybory v Evrope i SNG: praktika i perspektivy] // Development of the electoral laws in the CIS countries: ways of development and practice of application: Materials of the international seminar (Baku, on December 16–17, 2013) [Razvitie izbiratel'nogo zakonodatel'stva v stranakh SNG: puti razvitiya i praktika primeneniya: Materialy mezhdunarodnogo seminar (Baku, 16–17 dekabrja 2013 goda)] / under gen. ed. of A. I. Sergeev, A. V. Baranov. SPb. : Secretariat of Council of Interparliamentary Assembly of the CIS States [Sekretariat Soveta Mezhparyamentskoi Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG], 2014. (rus)
4. *The scientific and practical comment to the Federal law on basic guarantees of the electoral rights and the right in participation in a referendum of citizens of the Russian Federation* [Nauchno-prakticheskii kommentarii k Federal'nomu zakonu Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossiiskoi Federatsii] / Ex. ed. A. A. Veshnyakov; scient. ed. V. I. Lysenko. M. : NORMA, 2003. (rus)

Гибридная индексная модель многофакторного анализа оборотных средств организации*

Цацулин Александр Николаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Профессор кафедры финансового менеджмента
 Доктор экономических наук, профессор
 Почетный работник высшего профессионального образования РФ
 Действительный член Национальной академии туризма России
 vash_64@mail.ru

РЕФЕРАТ

В продолжение статьи рассматриваются принципы и методы построения гибридной модели многофакторного индексного анализа обращения материальных активов на примере розничного торгового предприятия. Анализ времени и скорости движения оборотных средств проведен в отношении товарных запасов текущего хранения по однородным позициям группового ассортимента обувного отдела экономического субъекта. Отдельно были построены модель времени и модель скорости оборачиваемости изучаемых активов. А на заключительном этапе, применяя процедуру так называемого индексного кроссинга, была сконструирована $v|t$ -модель, которая содержит пять самостоятельных признаков-факторов. За каждым из учтенных признаков-факторов скрывается свой стандартный статистический показатель, по которому традиционно осуществляется экономический анализ в зависимости от сформулированных целей и задач, как на предприятиях, так и для специальных прикладных исследований. Эти же показатели служат индикаторами финансового состояния любого экономического субъекта, служат сравнительными характеристиками при оценке конкурентоспособности субъекта на товарных рынках и могут быть использованы при оценках рыночной стоимости бизнеса. Полученная модель верифицирована, по ней проведены достоверные расчеты. Модель открывает новые горизонты проведения финансово-экономического анализа движения материальных активов предприятия, позволяет воедино и комплексно изучать параметры скорости и времени товарного обращения. Последнее осложнено, а, подчас, бывает и вовсе невозможно, в эконометрических многофакторных моделях в связи с явлением мультиколлинеарности признаков-факторов. Отмеченное обстоятельство делает перспективной построенную впервые подобную гибридную модель для решения задач краткосрочного прогнозирования и в целях оперативного планирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

простой индекс, аналитический индекс, индексный кроссинг, индексный микст-анализ, гибридная модель факторного анализа, первичный и вторичный признак, средства обращения, оборотные активы

Tsatsulin A. N.

The Hybrid Model of Multivariate Index Analysis of Current Assets

Tsatsulin Alexander Nickolaevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Professor of the Chair of Financial Management
 Doctor of Sciences (Economy), Professor
 Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation
 Full member of National Academy of Tourism of Russia
 vash_64@mail.ru

ABSTRACT

The continuation of the article discusses the principles and methods of constructing hybrid model multivariate index analysis treatment of tangible assets on the example of retail trade enterprises.

* *Продолжение.* Начало см.: *Управленческое консультирование.* 2016. № 8. С. 44–57.

Analysis of the time and speed of the current assets held in respect of the current inventory storage for uniform positions of the group range shoe department of the economic entity. Separately were built time model and the turnover rate. And the final stage, the crossing using the index procedure was constructed $v|t$ -model, which comprises five separate signs factors. For each of Rounds signs factors hides its standard statistical measure, which is traditionally carried out by an economic analysis based on defined goals and objectives, both in enterprises and for special applied research. These indicators serve as indicators of the financial condition of any economic subject, are comparative characteristics in assessing the competitiveness of the subject in the commodity markets and can be used to assess the market value of the business. The resulting model is verified, it held on reliable calculations. The model opens up new horizons of financial and economic analysis of movement of material assets of the enterprise, and allows you to put together a comprehensive study the parameters of speed and time of commodity circulation. The latter is complicated, and it is sometimes even impossible, in multivariate econometric models in connection with the phenomenon of multicollinearity signs factors. This circumstance makes it promising for the first time built a similar hybrid model for solving the problems of short-term forecasting, and for the purpose of operational planning of material circulating assets.

KEYWORDS

simple index, analytical index, index crossing, mixed-index analysis, hybrid model of factor analysis, primary and secondary feature, working capital, current assets

Слухи о медлительности крокодилов распускают сами крокодилы.

Из наблюдений любителя природы

Введение

Исследование вопросов оборачиваемости материальных активов в сфере промышленного производства, а также в оптовом и розничном звеньях торговли представляет собой самостоятельное и важное направление анализа финансового состояния любого экономического субъекта. Эффективность управления такими активами немедленно находит свое отражение в показателях платежеспособности и устойчивости предприятия. Имеется значительная отечественная и зарубежная библиография, посвященная изучению времени и скорости движения отдельных видов материальных активов. Данная статья и статья в предыдущем номере журнала связаны с построением принципиально новой гибридной $v|t$ -модели многофакторного анализа активов на примере динамики товарных запасов конкретного трейдера.

Методы исследования

Для построения означенной модели были использованы индексные методы анализа динамики товарных запасов однородного ассортимента с привлечением Первой (I ИС) и Второй индексной системы (II ИС). И если I ИС позволяет проводить факторный анализ с элементами разложения результивного признака в отношении изменения структуры и состава активов, то II ИС нацеливает аналитика на исследования прямых характеристик статистической связи факторов и их составляющих.

В подтверждение изложенного в статье из предыдущего номера журнала еще раз вернемся к Первой индексной системе (I ИС), точнее, к ее результивному признаку $W^{(k)}$, и применим к системе известный аналитический прием *замены элементов второстепенной диагонали*. То есть над выражением (13) производятся известные преобразования, естественно, не меняющие существа самого этого равенства

$$\mathfrak{I}_{v(v, \mathfrak{Z})}_{\%} = \frac{\sum_{k=1}^s v_1^{(k)} \mathfrak{Z}_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s \mathfrak{Z}_1^{(k)}} \cdot \frac{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} \mathfrak{Z}_0^{(k)}}{\sum_{k=1}^s \mathfrak{Z}_0^{(k)}} = \frac{\sum_{k=1}^s v_1^{(k)} \mathfrak{Z}_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} \mathfrak{Z}_0^{(k)}} \cdot \frac{\sum_{k=1}^s \mathfrak{Z}_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s \mathfrak{Z}_0^{(k)}} = \mathfrak{I}_{W(v, \mathfrak{Z})}_{\%} \cdot \mathfrak{I}_{\mathfrak{Z}}_{\%} \quad (23)$$

$v_0 \Rightarrow v_1$
 $\mathfrak{Z}_0 \Rightarrow \mathfrak{Z}_1$

Индекс переменного состава из Первой индексной системы свелся, как показано в выражении (23), к отношению двух простых *индексов динамики* товарооборота и товарных запасов текущего хранения. Но полученное таким образом отношение оказывается полезным для целей дальнейшего углубления факторного анализа, и здесь вполне допустимо использовать аналитический прием, позволяющий за счет различий в двух индексных системах осуществлять своеобразные факторные дополнения [8]. Такой прием вполне может быть назван либо *индексным кроссингом*, либо *индексным микст-анализом*.

Так, с одной стороны, согласно выражению (20) индекс переменного состава $\mathfrak{I}_{v(v^{(k)}, \mathfrak{Z}^{(k)})}_{\%}$ равен произведению двух факторных индексов

$$\mathfrak{I}_{v(d_3, v)}_{\%} = \mathfrak{I}_{v(d_3)}_{\%} \times \mathfrak{I}_{v(v)}_{\%}, \quad (24)$$

а с другой стороны, этот же индекс $\mathfrak{I}_{v(d_3, v)}_{\%}$ согласно выражению (23) совпадает со следующим выражением

$$\mathfrak{I}_{v(d_3, v)}_{\%} = \mathfrak{I}_{W(v, \mathfrak{Z})}_{\%} \cdot \mathfrak{I}_{\mathfrak{Z}}_{\%}. \quad (25)$$

Рассматривая две последние записи (24) и (25) в виде системы двух уравнений с одинаковыми левыми частями, решим их относительно индекса $\mathfrak{I}_{W(v, \mathfrak{Z})}_{\%}$ как неизвестной величины, разместив индексы правой части мультипликатора в строго осмысленной последовательности с целью круговой увязки этих индексов в систему, показанной схемой из выражения (26).

Таким образом, в ходе преобразований получена трехфакторная индексная модель объема товарооборота, зависящего от изменения среднего товарного запаса, изменения его структуры и изменения средней скорости его товарооборачиваемости. Эту модель можно назвать *трехфакторной моделью* анализа товарооборота, зависящего от состояния и динамики товарных запасов. В содержательном плане модель должна быть «упорядочена» как обозначено в схеме логической и количественной увязки, расположенной непосредственно под выражением (27).

$$\begin{array}{ccccccc} \mathfrak{I}_{W(v, \mathfrak{Z})}_{\%} & = & \mathfrak{I}_{v(v)}_{\%} & \times & \mathfrak{I}_{v(d_3)}_{\%} & \times & \mathfrak{I}_{\mathfrak{Z}}_{\%} & (26) \\ 1,252 & & 1,222 & & 0,972 & & 1,054 & \\ & & & & \mathfrak{I}_{v(v^{(k)}, \mathfrak{Z}^{(k)})}_{\%} = 1,188 & & & \\ & & & & \mathfrak{I}_{W(v, \mathfrak{Z})}_{\%} = 1,252 & & & \end{array}$$

Анализ времени обращения (t-модель) материальных активов в виде товарных запасов. Аналогично проведенному выше анализу скорости оборачиваемости

можно проанализировать время обращения товарного запаса по схеме I ИС, пригодной для гомогенного ассортимента. Правда, здесь пара учетных и зависящих друг от друга факторов ($t^{(k)}$, $W(1)^{(k)}$) в виде мультипликатора определяет средний размер запаса текущего хранения ($\bar{Z}^{(k)}$). Излишне напоминать, что расчеты факторного влияния аналогичны расчетам по анализу скорости оборачиваемости актива.

В частности, индекс переменного состава из I ИС в ее модифицированной форме имеет привычный для визуального обзора и удобный для целей факторного анализа времени вид

$$\bar{Z}_{t(t_1^{(k)}, t_0^{(k)})} = \overline{t_1^{(k)}}_{W(1)_1} : \overline{t_0^{(k)}}_{W(1)_0}, \quad (27)$$

где $\overline{t_1^{(k)}}_{W(1)_1}$ — среднее время обращения товарного запаса текущего хранения в отчетном периоде, которое рассчитывается как средняя арифметическая взвешенная величина, и в качестве признака-веса в таком расчете выступает значение однодневного товарооборота в отчетном периоде — $W(1)_1^{(k)}$:

$$\overline{t_1^{(k)}}_{W(1)_1} = \frac{\sum_{k=1}^s t_1^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)}} = \frac{26\,620,0}{806,0} = 33,027 \text{ дня}; \quad (28)$$

а $\overline{t_0^{(k)}}_{W(1)_0}$ — среднее время обращения товарного запаса текущего хранения в базисном периоде, и оно оценивается в том же установленном порядке, при этом в качестве признака-веса выступает однодневный оборот базисного периода — $W(1)_0^{(k)}$:

$$\overline{t_0^{(k)}}_{W(1)_0} = \frac{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_0^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_0^{(k)}} = \frac{25\,260,0}{641,0} = 39,407 \text{ дня}. \quad (29)$$

Наконец, сам индекс динамики среднего времени обращения товарного запаса в соответствии с выражением (27), оказался равным

$$\bar{Z}_{t(t_1^{(k)}, t_0^{(k)})} = \overline{t_1^{(k)}}_{W(1)_1} : \overline{t_0^{(k)}}_{W(1)_0} = 33,027 : 39,407 = 0,8381 \sim 83,81\%. \quad (30)$$

Таким образом, за счет одновременного и совместного воздействия обоих учетных факторов среднее время обращения товарного запаса сократилось на 16,19% в отчетном квартале по сравнению с базисным кварталом. Это означает, что если в 2014 г. среднего товарного запаса текущего хранения хватало без перебоев в торговле на 39,4 дня, то в 2015 г. — только на 33,0 дня, т. е. наблюдается различие практически в одну неделю.

Другими словами, этот средний товарный запас в минувшем году превращался в реализованный товарооборот темпами примерно на 6,4 дней, или на 153,6 ч, соответственно, быстрее. Это произошло в результате сокращения собственно времени обращения товарных запасов по отдельным товарным группам и позициям и изменения структуры однодневных продаж обуви по группам. Изменения

были отмечены в отчетном квартале по сравнению с базисным кварталом в соответствующих годах (см. графы 21 и 19–20 в табл. 2).

Первое обстоятельство (изменение времени обращения) количественно нашло свое отражение в специально построенном для такого случая индексе постоянно-го состава следующего вида

$$\mathfrak{I}_{i(t)}\% = \frac{t_1^{(k)}}{W(1)_1} : \frac{t_0^{(k)}}{W(1)_0} = \frac{\sum_{k=1}^s t_1^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)}} : \frac{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_0^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_0^{(k)}} =$$

$t_0^{(k)} \rightarrow t_1^{(k)}$
$W(1)_0^{(k)} = \text{const}$

$$= 33,027 : \frac{25,79 \times 331,0 + 42,62 \times 340,0 + 61,43 \times 135,0}{806,0} =$$

$$= 33,027 : \frac{31\,320,34}{806,00} = 33,027 : 38,859 = 0,8499 \sim 84,99\% .$$
(31)

Второе обстоятельство, а именно произошедшие структурные изменения, в свою очередь может быть количественно оценено путем построения индекса изменения структуры дневных продаж

$$\mathfrak{I}_{i(W(1))}\% = \frac{t_0^{(k)}}{W(1)_0} : \frac{t_1^{(k)}}{W(1)_1} = \frac{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_0^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_0^{(k)}} : \frac{\sum_{k=1}^s t_1^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)}} =$$

$t_0^{(k)} = \text{const}$
$W(1)_0^{(k)} \rightarrow W(1)_1^{(k)}$

$$= 38,859 : 39,407 = 0,9861 \sim 98,61\% .$$
(32)

Индекс указывает на снижение среднего времени обращения товарного запаса за счет улучшения структуры однодневных продаж: в частности, заметно снизилась доля третьей товарной позиции (с 20,65% до 16,75% — см. графы 16 и 17 табл. 2), по которой наблюдалось самое значительное время обращения (см. графу 19 в той же табл. 2. «Управленческое консультирование». 2016. № 8. С. 52–53).

Естественно, что все построенные индексы в выражениях (30)–(33) увязываются между собой в *Первую индексную систему* через мультипликатор аналитических индексов

$$\mathfrak{I}_{i(t, W(1))}\% = \mathfrak{I}_{i(t)}\% \times \mathfrak{I}_{i(W(1))}\% =$$

$t_0^{(k)} \Rightarrow t_1^{(k)}$
$W(1)_0^{(k)} \Rightarrow W(1)_1^{(k)}$

$t_0^{(k)} \Rightarrow t_1^{(k)}$
$W(1)_1^{(k)} = \text{const}$

$t_0^{(k)} = \text{const}$
$W(1)_0^{(k)} \Rightarrow W(1)_1^{(k)}$

$$= 0,8499 \times 0,9861 = 0,8381 \sim 83,81\% .$$
(33)

Контрольная проверка в выражении (33), разумеется, и в данном случае дает численную увязку предварительно правильно рассчитанных индексов в условиях замкнутой факторной индексной системы.

Построенная система индексов позволяет также определить в соответствии с обозначенным выше направлением анализа использования оборотных активов абсолютную сумму высвободившихся оборотных средств в режиме, например, иммобилизации активов, за счет уменьшения времени их обращения. Эта сумма

оценивается с помощью разностной формы аналитического индекса постоянного состава из выражения (32)

$$\overline{\mathfrak{Z}(t)}_{1/0} = \sum_{k=1}^s \overline{\mathfrak{Z}(t_1^{(k)})}_1 - \sum_{k=1}^s \overline{\mathfrak{Z}(t_0^{(k)})}_1 = \sum_{k=1}^s t_1^{(k)} W(1)_1^{(k)} - \sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_1^{(k)} =$$

$$= 26\,620,00 - 31\,320,34 = -4\,700,34 \text{ тыс. руб.} \quad (34)$$

По своему экономическому содержанию уменьшаемое в выражении (34) представляет собой величину средних товарных запасов, используемых в отчетном периоде, превращение которых в дневной розничный товарооборот происходило с фактически затраченным временем на один оборот запаса в соответствующем квартале отчетного года. Вычитаемое же является некоей условной суммой оборотных средств, указывающей на то, сколько оборотных средств понадобилось бы в 2015 г., если бы время обращения было бы таким же значительным, как и первоначально, т. е. год тому назад, как это показано в выражении (34).

Полученная же сумма «экономии» (по своему арифметическому знаку «минус») в размере более чем 4,7 млн руб. указывает на условную стоимость иммобилизованных активов. Другими словами, осуществлено оценивание объема высвобожденных оборотных средств в результате уменьшения времени их обращения в каналах товародвижения изучаемой торговой сети.

По завершению этого среза анализа оборотных активов можно получить еще одну интересную производную зависимость анализируемых показателей. Для этого следует повторить все необходимые алгебраические преобразования с используемыми выражениями, составляющими I ИС. А именно: с индексом переменного состава среднего времени обращения товарного запаса в зависимости от изменений собственно времени оборота и объема однодневного товарооборота.

Здесь уместен к применению знакомый уже аналитический прием «замены элементов второстепенной диагонали» как агрегатных величин отношения двух средних взвешенных величин времени обращения, подсчитанных за разноименные периоды времени

$$\mathfrak{I}_{\overline{t}(t, W(1))_{1/0}} = \frac{\sum_{k=1}^s t_1^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)}} : \frac{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_0^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_0^{(k)}} = \frac{\sum_{k=1}^s t_1^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)}} : \frac{\sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_0^{(k)}} =$$

$t_0^{(k)} \Rightarrow t_1^{(k)}$
$W(1)_0^{(k)} \Rightarrow W(1)_1^{(k)}$

$$= \mathfrak{I}_{\overline{t}(t, W(1))_{1/0}} : \mathfrak{I}_{W(1)_{1/0}}. \quad (35)$$

Таким образом, индекс переменного состава анализа среднего времени обращения товарного запаса текущего хранения из I ИС в выражении (27) свелся, как показано в выражении (35), к отношению двух простых индексов динамики средних товарных запасов текущего хранения и однодневного товарооборота.

Но полученное отношение, безусловно, не является конечной целью проделанных преобразований, а служит лишь промежуточной конструкцией для целей более детального исследования состояния и динамики оборотных активов с привлечением дополнительно других из рассмотренных аналогичных систем анализа. Здесь также допустим уже использованный прием *индексного кроссирования*, который и позволит за счет различий анализируемых признаков в индексных системах осуществить своеобразное факторное дополнение.

Так, с одной стороны, согласно выражению (36), индекс переменного состава $\mathfrak{I}_{i(t, W(1))\%}$ равен произведению двух факторных индексов времени обращения и однодневного товарооборота

$$\mathfrak{I}_{i(t, W(1))\%} = \mathfrak{I}_{i(t)\%} \times \mathfrak{I}_{i(t, W(1))\%}. \quad (36)$$

А с другой стороны, этот же индекс $\mathfrak{I}_{i(t, W(1))\%}$ в соответствии с выражением (35) совпадает с выражением

$$\mathfrak{I}_{i(t, W(1))\%} = \mathfrak{I}_{\bar{3}(t, W(1))\%} : \mathfrak{I}_{W(1)\%}. \quad (37)$$

Рассматривая две последние записи в выражениях (36) и (37) как систему двух уравнений с одинаковыми левыми частями, решаем эту систему уравнений относительно индекса $\mathfrak{I}_{i(t, W(1))\%}$, принимаемого за неизвестную переменную величину.

Далее разместим все имеющиеся (предварительно построенные) индексы в правой части факторного мультипликатора в строго осмысленной последовательности для целей увязки этих индексов в систему.

В обновленном таким способом причинно-следственном механизме статистических связей резульативным фактором и в данном случае первичным признаком на этот раз выступает индекс динамики средних товарных запасов текущего хранения отчетного периода по сравнению с базисным периодом.

$$\begin{array}{c} \mathfrak{I}_{\bar{3}(t, d_{W(1)}, W(1))\%} \\ 1,0542 \end{array} = \begin{array}{c} \mathfrak{I}_{i(t)\%} \\ 0,8499 \end{array} \times \begin{array}{c} \mathfrak{I}_{i(d_{W(1)})\%} \\ 0,9907 \end{array} \times \begin{array}{c} \mathfrak{I}_{W(1)\%} \\ 1,2517 \end{array}, \quad (38)$$

В результате проведенных преобразований получена трехфакторная индексная модель средних товарных запасов, зависящих от изменения величины среднего времени обращения товарного запаса (t), изменения структуры однодневного товарооборота ($d_{W(1)}$) и динамики однодневных продаж ($W(1)$).

Эта модель из выражения (38) можно условно назвать *трехфакторной t-моделью* анализа средних товарных запасов, зависящих от изменения среднего времени обращения активов, изменения структуры однодневных продаж и динамики однодневного товарооборота. В содержательном и организационном плане означенная модель среднего размера товарного запаса текущего хранения также должна быть «упорядочена», или «увязана» тем способом, что уже применялся выше, и так как показано в схеме, расположенной непосредственно под мультипликатором из выражения (38).

Такое упорядочение механизма причинно-следственных связей анализируемого явления позволяет эксперту-аналитику квалифицированно выполнить, помимо анализа влияния учтенных факторов в относительном виде, также анализ влияния всех учтенных признаков-факторов на средний размер товарного запаса текущего хранения и в абсолютном выражении, что бывает крайне важно в оперативной работе специалистов предприятия.

Данные рассматриваемого примера из табл. 2 позволяют провести такой анализ влияния учетных факторов в абсолютном выражении на примере той же обувной группы товаров. Для этого необходимо расположить признаки-факторы в схеме выражения (38), начиная с *более первичного* признака, которым оказывается однодневный товарооборот $W(1)$, и далее, в порядке содержательной их увязки в систему индексного мультипликатора среднего товарного запаса ($\bar{3}$), как это показано в схеме выражения (39).

Затем следует перейти к абсолютным уровням признаков-факторов с учетом уже рассчитанных показателей и произвести вычисления по разностным формам индексов, применяя метод цепных подстановок.

$$\begin{array}{c} \bar{3}_{(W(1), d_{W(1)}, t)}_{1/0} = \bar{3}_{W(1)}_{1/0} \times \bar{3}_{d_{W(1)}(t_0)}_{1/0} \times \bar{3}_{t(t)}_{1/0} \\ 1,0542 \qquad \qquad \qquad \uparrow \qquad \qquad \qquad \uparrow \qquad \qquad \qquad \uparrow \\ 1,2517 \qquad 0,9907 \qquad 0,8499 \\ \bar{3}_{(d_{W(1)}, W(1))}_{1/0} = 1,2453 \\ \bar{3}_{(W(1), d_{W(1)}, t)}_{1/0} = 1,0542 \end{array} \quad (39)$$

Из расчетов по схеме в выражении (39) следует, что благодаря изменению структуры однодневных продаж (-0,93%) величина среднего товарного запаса выросла на 24,53%. Но в связи с сокращением времени обращения этого запаса на 15,01% прирост необходимого среднего запаса товаров в отчетном периоде ограничился лишь величиной в 5,42% по сравнению с базисным уровнем.

Оценим эти изменения в абсолютных выражениях за счет влияния каждого из трех учетных признаков-факторов. Общее отклонение товарного запаса за счет совокупного влияния всех факторов составит:

$$\begin{aligned} \Delta \sum_{k=1}^s \bar{3}(W(1), d_{W(1)}, \bar{t})_{1/0} &= \sum_{k=1}^s \bar{3}(W(1), d_{W(1)}, \bar{t})_1 - \sum_{k=1}^s \bar{3}(W(1), d_{W(1)}, \bar{t})_0 = \\ &= 26\,620,0 - 25\,260,0 = 1\,360,0 \text{ тыс. руб.} \end{aligned} \quad (40)$$

Влияние однодневных продаж на величину товарных запасов оказалось равным

$$\begin{aligned} \Delta \sum_{k=1}^s \bar{3}(W(1))_{1/0} &= \sum_{k=1}^s \Delta W(1)_{1/0}^{(k)} \times d_{W(1)0}^{(k)} \times \bar{t}_0^{-k} = \\ &= (806,0 - 641,0) \times [0,4255 \times 25,79 + 0,3680 \times 42,62 + 0,2065 \times 61,43] = \\ &= 165,0 \times [10,974 + 15,685 + 12,685] = 165,0 \times 39,343 = 6491,6 \text{ тыс. руб.} \end{aligned} \quad (41)$$

Влияние структуры однодневных продаж на величину товарных запасов в абсолютном выражении оценивается следующим образом:

$$\begin{aligned} \Delta \sum_{k=1}^s \bar{3}(d_{W(1)})_{1/0} &= \sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)} \times \Delta d_{W(1)1/0}^{(k)} \times \bar{t}_0^{(k)} = \\ &= 806,0 \times [(0,4107 - 0,4255) \times 25,79 + (0,4218 - 0,3680) \times 42,62 + \\ &+ (0,1675 - 0,2065) \times 61,43] = 806,0 \times [-0,3817 + 2,2930 - 2,3958] = \\ &= 806,0 \times (-0,4845) = -390,51 \text{ тыс. руб.} \end{aligned} \quad (42)$$

Влияние изменения времени обращения товарного запаса на величину товарных запасов в абсолютном выражении оценивается так:

$$\begin{aligned} \Delta \sum_{k=1}^s \bar{\mathfrak{Z}}(t)_{1/0} &= \sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)} \times d_{W(1)1}^{(k)} \times \Delta \bar{t}^{(k)}_{1/0} = \\ &= 806,0 \times [0,4107 \times (18,52 - 25,79) + 0,4218 \times (36,29 - 42,62) + \\ &+ 0,1675 \times (60,37 - 61,43)] = \\ &= 806,0 \times (-2,9858 - 2,6700 - 0,1776) = -4\,701,72 \text{ тыс. руб.} \end{aligned} \quad (43)$$

Контрольная счетная проверка баланса пофакторных влияний (приращений) на изменение размера товарного запаса в отчетном периоде по сравнению с базисным периодом дает в сумме величину общего приращения из выражения (40) с оговоркой на возможные допустимые ошибки округления. Все частные, пофакторные приращения могут быть при необходимости, в целях наглядности сведены в единую стандартную аналитическую таблицу.

Результаты исследования

В данной статье результаты представлены авторской концептуальной гибридной *v|t-моделью* многофакторного анализа (скорости-времени), позволяющей значительно детальнее и гораздо полнее исследовать явление оборачиваемости материальных активов экономического субъекта.

Используя индексные схемы из выражений (25) и (38), можно без особых трудностей получить аналитические соотношения, которые позволят комплексно увязать в единую индексную схему оба индекса переменного состава и три простых индекса динамики товарооборота, динамики средних товарных запасов и динамики однодневных продаж. Результативным признаком, с учетом линейной зависимости (прямой характеристики статистической связи) всех индексов в форме мультипликатора, окажется индекс динамики розничного товарооборота как зависящего от учтенных в проведенном относительном анализе признаков-факторов согласно регламенту нижеследующей *пятифакторной модели*

$$\begin{array}{c} \mathfrak{I}_{W_{1/0}} = \mathfrak{I}_{v(v_{1/0})} \times \mathfrak{I}_{v(3)_{1/0}} \times \mathfrak{I}_{t(t)_{1/0}} \times \mathfrak{I}_{t(dw(1))_{1/0}} \times \mathfrak{I}_{W(1)_{1/0}} \\ 1,258 \quad \uparrow \quad 1,222 \quad 0,972 \quad 0,850 \quad 0,991 \quad 1,257 \\ \mathfrak{I}_{v(v,3)_{1/0}} = 1,188 \quad \uparrow \\ \mathfrak{I}_{W(h,3)_{1/0}} : \mathfrak{I}_{3_{1/0}} = 1,0096 \quad \uparrow \\ \mathfrak{I}_{W_{1/0}} : \mathfrak{I}_{W(1)_{1/0}} = 1,0005 \quad \uparrow \\ \mathfrak{I}_{W_{1/0}} = 1,258 \end{array} \quad (44)$$

Если *количественная увязка* всех индексов в систему прямой характеристики связи технических затруднений не вызывает, то содержательно экономическая

стыковка каждого шага с результативным признаком (изменение розничного товарооборота) не всегда очевидна. И здесь эксперту-аналитику следует проявить терпение в построении причинно-следственной цепочки взаимосвязанных признаков, в поиске необходимых звеньев этой цепи с закрепленными за ними реальными показателями. И наконец, осуществить обстоятельную интерпретацию полученных последовательно результатов. Это чрезвычайно важно и связано, в первую очередь, с тем, что включаемые в гибридную модель факторы являются управляемыми, их можно прогнозировать и планировать в режиме ориентации на конечные экономические результаты.

Имея в виду анализ абсолютного влияния учтенных факторов на результативный признак (в данном случае — размер розничного товарооборота), исходным индексом цепи в формуле из выражения (44) должен стать сводный индекс единственного первичного по своей статистической природе признака-фактора в правой части мультипликатора. Им является простой индекс динамики однодневных продаж — $\mathfrak{I}_{W(1)}\%$.

Следующим элементом связующей цепи «напрашивается» быть индекс, содержащий, по крайней мере, в числителе или знаменателе агрегированную характеристику объемов однодневных продаж по всему обувному ассортименту. Таким индексом оказывается индекс структуры однодневных продаж — $\mathfrak{I}_{\bar{t}(d_{w(1)})}\%$. Следовательно, тщательно выверяя содержательную и экономическую сторону метода цепных подстановок, можно построить искомую аналитическую цепочку индексов в строго заданной последовательности, записанной ниже схемой из выражения (45).

$$\begin{array}{c}
 \mathfrak{I}_{W(W(1), \bar{t}(d_{w(1)}, t(t), \bar{v}(d_3), \bar{v}(v))}\%)} = \mathfrak{I}_{W(1)}\% \times \mathfrak{I}_{\bar{t}(d_{w(1)})}\% \times \mathfrak{I}_{\bar{t}(t)}\% \times \mathfrak{I}_{\bar{v}(d_3)}\% \times \mathfrak{I}_{\bar{v}(v)}\%. \\
 1,258 \qquad \qquad \qquad 1,257 \qquad 1,222 \qquad 0,972 \qquad 0,850 \qquad 0,991 \\
 \begin{array}{l}
 \mathfrak{I}_{\bar{t}(d_{w(1)})}\% = 1,536 \\
 \mathfrak{I}_{\bar{t}(t)}\% = 1,493 \\
 \mathfrak{I}_{W(d_3)}\% = 1,269 \\
 \mathfrak{I}_{W(W(1), \bar{t}(d_{w(1)}, t(t), \bar{v}(d_3), \bar{v}(v))}\%)} = 1,258
 \end{array}
 \end{array} \tag{45}$$

В качестве контрольной алгебраической проверки необходимо осуществить последовательную содержательную увязку каждого построенного индекса в гибридную $v|t$ -модель скорости-времени оборачиваемости материальных активов, представленную формулой из выражения (45) поочередно, двигаясь по фазам этой схемы в направлении *слева направо*.

Осуществим увязку второго факторного аналитического индекса из выражения (45) в схему индексного мультипликатора модели. Вторым по счету является индекс влияния структуры дневных продаж на среднее время обращения товарных

запасов текущего хранения — $\mathfrak{I}_{i(d_{w(1)})\%}$. Произведение первой пары индексов дает следующую интересную и понятную аналитическую зависимость

$$\mathfrak{I}_{W(1)\%} \times \mathfrak{I}_{i(d_{w(1)})\%} = \frac{\sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_0^{(k)}} \times \left[\frac{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)}} \cdot \frac{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_0^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_0^{(k)}} \right] =$$

$W(1)_0 \Rightarrow W(1)_1$	$d_{W(1)_0} \Rightarrow d_{W(1)_1}$
	$t_0 = \text{const}$

$$= \frac{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_0^{(k)}} = \mathfrak{I}_{\bar{3}(d_{w(1)})\%} \cdot$$

$d_{W(1)_0} \Rightarrow d_{W(1)_1}$
$t_0 = \text{const}$

(46)

В результате преобразований в выражении (46) получен аналитический индекс товарного запаса, зависящего от изменения структуры однодневных продаж $\mathfrak{I}_{\bar{3}(d_{w(1)})\%}$. Следующим (третьим по счету) факторным аналитическим индексом в формуле выражения (45), который подлежит увязке в схему мультипликатора, оказывается индекс постоянного состава среднего времени оборота товарного запаса — $\mathfrak{I}_{t(t)\%}$, естественно, влияющий на размер средних запасов текущего хранения. Покажем ниже необходимые преобразования

$$\mathfrak{I}_{\bar{3}(d_{w(1)})\%} \times \mathfrak{I}_{t(t)\%} = \frac{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_0^{(k)}} \times \frac{\sum_{k=1}^s t_1^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_1^{(k)}} = \frac{\sum_{k=1}^s t_1^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_0^{(k)}} =$$

$$= \mathfrak{I}_{\bar{3}(d_{w(1)}, t)\%} = \mathfrak{I}_{\bar{3}_{i_0}}.$$
(47)

Далее необходимо пофакторно осуществить увязку в схему мультипликатора четвертой по счету компоненты — индекса изменения средней скорости оборачиваемости материальных активов за счет структурного сдвига в составе товарных запасов. Здесь предыдущий результат увязки $\mathfrak{I}_{\bar{3}\%}$, т. е. простой индекс из выражения (47) должен быть домножен на аналитический индекс $\mathfrak{I}_{v(d_3)\%}$. К процедуре круговой увязки индексов в систему следует всякий раз подходить внимательно, руководствуясь регламентом построения индексной схемы, экономическим содержанием технико-экономических показателей и тщательно проводя необходимые преобразования в агрегатных частях сопряженных факторных аналитических индексов. Реализуем эти рекомендации применительно к следующей схеме:

$$\mathfrak{I}_{\bar{3}\%} \times \mathfrak{I}_{v(d_3)\%} = \frac{\sum_{k=1}^s t_1^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_0^{(k)}} \times \left[\frac{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} \mathfrak{I}_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s \mathfrak{I}_1^{(k)}} \cdot \frac{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} \mathfrak{I}_0^{(k)}}{\sum_{k=1}^s \mathfrak{I}_0^{(k)}} \right] =$$

$$= \frac{\sum_{k=1}^s \bar{\mathfrak{I}}_1^{(k)} v_0^{(k)}}{\sum_{k=1}^s \bar{\mathfrak{I}}_0^{(k)} v_0^{(k)}} = \mathfrak{I}_{W(\bar{3})\%}.$$
(48)

Полученный в выражении (48) аналитический индекс динамики розничного товарооборота зависит уже от изменения структуры товарного запаса по ассортиментным позициям. И наконец последний, пятый фактор влияния на размер товарного запаса, который также подлежит увязыванию в индексную схему мультипликатора относительного влияния на объем розничного товарооборота обувной группы. Это аналитический индекс постоянного состава скорости обращения товарного запаса — $\mathfrak{I}_{v(v)\%}$. Его следует «согласовать» с предыдущим результатом в виде индекса изменения товарооборота, зависящего от изменения величины товарного запаса текущего хранения — $\mathfrak{I}_{W(\bar{3})\%}$.

$$\begin{aligned} \mathfrak{I}_{W(\bar{3})\%} \times \mathfrak{I}_{v(v)\%} &= \frac{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} \mathfrak{I}_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} \mathfrak{I}_0^{(k)}} \times \frac{\sum_{k=1}^s v_1^{(k)} \mathfrak{I}_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} \mathfrak{I}_1^{(k)}} = \frac{\sum_{k=1}^s v_1^{(k)} \mathfrak{I}_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} \mathfrak{I}_0^{(k)}} = \\ &= \frac{\sum_{k=1}^s W_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W_0^{(k)}} = \mathfrak{I}_{W(\bar{3},v)\%}. \end{aligned} \tag{49}$$

Обращает на себя внимание факт «как бы» автоматизированного уточнения местоположения первичных и вторичных признаков-факторов ($W(1)^{(k)}$, $d_W^{(k)}$, $t^{(k)}$, $d_3^{(k)}$, $v(k)$) в соответствующих промежуточных звеньях цепи гибридной $v|t$ -модели вплоть до результативного признака-фактора — W из выражения (49). Однако такая внешне естественная простота закладывается аналитиком заранее, при предварительном подборе учтенных факторов и выстраивании в осмысленные цепочки взаимосвязанных показателей.

Выводы

В итоге предметного исследования построена гибридная индексная модель анализа стоимостного объема квартального товарооборота, зависящего от величины товарного запаса текущего хранения и от объема суточных продаж. Достаточно прозрачный для читателя экономический смысл конечного результата преобразований из выражения (49) позволяет и менеджерам по логистическим и сбытовым бизнес-процессам производственно-торговых, оптово-розничных и торгово-розничных предприятий обоснованно устанавливать нормативы товарных запасов текущего хранения.

При таком подходе можно также своевременно вносить в эти нормативы требуемые временем коррективы как с учетом интенсивности суточных продаж, так и с учетом точно оцененного фактора сезонности покупок-продаж. Таким образом, даже взятые отдельно и вразнобой, но подряд, в паре аналитические индексы дают в ходе увязки экономически понятные и прозрачные результаты при условии, что сама факторная схема в мультипликаторе прямой характеристики статистической связи является предварительно достаточно выверенной.

Смысловую схему анализа, представленную отдельными выражениями (47) и (49), можно интересно интерпретировать как построенную группу аналитических индексов, оценивающих «двойной структурный сдвиг», который произошел, во-первых, в составе товарного запаса, обеспечивающего товарооборот отчетного периода,

за счет изменения структуры ежедневных продаж обуви торгового предприятия. И этот, как оказалось, неблагоприятный структурный сдвиг явился причиной уже другого сдвига, случившегося уже как следствие в ассортименте продаж за анализируемый период. Это второе обстоятельство, в итоге, привело к незначительному, едва заметному, но приросту розничного товарооборота в отчетном периоде по сравнению с базисным лишь на 0,96% (сравни с предыдущим показателем прироста +18,8%) в расчетах по аналитической цепочке.

По существу первый структурный сдвиг в оценке одного существенного признака вызвал (как причина) второй структурный сдвиг другого, не менее существенного признака по вполне уместной аналогии с движением геологических плит или пластов при тектонических явлениях природы. Предложенная автором модель позволяет одновременно и совместно исследовать и скорость, и время оборачиваемости материальных активов в отношении типовых основных отчетных показателей и стандартных индикаторов хозяйственной деятельности экономического субъекта.

Гибридная модель обеспечивает надежную оценку пофакторных влияний на результативный признак и, соответственно, круговую балансовую увязку пофакторных приращений не только в относительном виде, но и в абсолютном выражении, т. е. по стоимости, применяя способ первых разностей как частный случай метода цепных подстановок в отношении и динамики, и планового задания, и уровня плана.

Заключение

Разумеется, предложенная выше схема факторного анализа на базе гибридной индексной модели не является единственно возможной. Существуют и другие, не менее интересные схемы проведения экономического анализа состояния и динамики оборотных материальных активов с иным набором факторов, которые характеризуют уровень товарных запасов под иными углами зрения и в иных аспектах, и с применением не обязательно индексного метода, но и методов корреляционно-регрессионного анализа, а также других аналитических приемов, усложненных за счет более серьезного математического аппарата, скажем, с применением матричных методов исследований [1] и пр.

Направление дальнейших исследований

Тем не менее, в связи с изложенными в двухчастной статье соображениями, представляется весьма перспективным использование именно гибридной $v|t$ -модели в агрегированных системах комплексного анализа финансово-экономического состояния хозяйствующего субъекта наряду, скажем, с коэффициентным анализом и многофакторными моделями прогнозирования банкротства субъекта. Особый интерес вызывают несомненные возможности предлагаемой автором модели быть полезной в целях корректировки государственной бухгалтерской (финансовой) отчетности предприятия при принятии его менеджментом обоснованных управленческих решений в организации, при оценке рыночной стоимости бизнеса, а также в обеспечение техники оперативного и перспективного планирования [2].

Литература

1. *Максименко Е. И.* Математические методы контроллинга // Государство и бизнес: современные проблемы экономики : материалы VIII международной науч.-практ. конференции. Т. 4. СПб. : СЗИУ, 2016. С. 65–70.

2. Цацулин А. Н. Экономический анализ : учебник для вузов. СПб. : Изд-во СЗИУ РАНХиГС, 2012.

References

1. Maksimenko E. I. *Mathematical methods of controlling* [Matematicheskie metody kontrollinga] // State and business: modern problems of economy. Materials of the VIII international scientific and practical conference [Gosudarstvo i biznes: sovremennyye problemy ekonomiki. Materialy VIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii]. V. 4. SPb. : NWIM [SZIU], 2016. P. 65–70. (rus)
2. Tsatsulin A. N. *Economic analysis* [Ekonomicheskii analiz]. The textbook for higher education institutions. SPb. : NWIM of RANEPА publishing house [Izd-vo SZIU RANKhiGS], 2012. (rus)

Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Родионова Е. С., Сауренко Т. Н.

Стохастическая модель для оценки эффективности управления таможенными рисками

Анисимов Владимир Георгиевич

Санкт-Петербургский государственный технический университет
Профессор кафедры информационных систем в экономике и менеджменте
Доктор технических наук, профессор
an-33@yandex.ru

Анисимов Евгений Георгиевич

Военный институт управления национальной обороной ВАГШ ВС РФ (Москва)
Начальник лаборатории
Доктор технических наук, доктор военных наук, профессор
an-33@rambler.ru

Родионова Евгения Сергеевна

Санкт-Петербургский им. В. Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии
Доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета
Кандидат экономических наук
wart1983@mail.ru

Сауренко Татьяна Николаевна

Российский университет дружбы народов (Москва)
Заведующий кафедрой таможенного дела
Доктор экономических наук
Tanya@saurenko.ru

РЕФЕРАТ

В статье предложена математическая модель для количественной оценки эффективности управления таможенными рисками. Особенность модели состоит в комплексном учете непосредственного и латентного эффектов функционирования системы управления таможенными рисками (СУР). Модель опирается на теоретико-вероятностное представление процесса возможного нарушения таможенного законодательства участниками внешнеэкономической деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

таможенные риски, система управления рисками, математическая модель, оценивание эффективности

Anisimov V. G., Anisimov E. G., Rodionova E. S., Saurenko T. N.

Stochastic Model for Assessment of Effective Management of Customs Risks

Anisimov Vladimir Georgievich

Saint-Petersburg State Technical University (Russian Federation)
Professor of the Chair of Information systems in economy and management
Doctor of Science (Engineering), Professor
an-33@yandex.ru

Anisimov Evgeny Georgiyevich

Military Institute of National Defense Management of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia (Moscow, Russian Federation)
Chief of laboratory
Doctor of Science (Engineering, Military Sciences), Professor
an-33@rambler.ru

Rodionova Evgenia Sergeyevna

Saint-Petersburg named by V.B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy (Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of International economic relations
PhD in Economics
wart1983@mail.ru

Saurenko Tatyana Nikolaevna

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)
Head of the Chair of Customs affairs
Doctor of Science (Economics)
Tanya@saurenko.ru

ABSTRACT

In article the mathematical model for a quantitative assessment of effective management of customs risks is offered. Feature of model consists in the complex accounting of direct and latent effects of functioning of a control system of customs risks (RMS). The model relies on probability-theoretic representation of process of possible violation of the customs legislation by participants of foreign economic activity.

KEYWORDS

customs risks, control system of risks, mathematical model, efficiency estimation

В обеспечении экономической безопасности РФ важная роль отводится управлению таможенными рисками [21; 25]. Управление ими в ФТС России возлагается на систему управления рисками (СУР). Сложность управления рисками и ограниченность необходимых временных и материальных ресурсов СУР порождают проблему эффективного использования ее ресурсов для предотвращения нарушений законодательства, контроль исполнения которого возложен на таможенные органы. Попытки ее решения на основе предыдущего опыта и интуиции могут приводить к грубым ошибкам, что в условиях существенного влияния таможенного контроля на экономическую и в целом национальную безопасность государства недопустимо. Поэтому, решение указанной проблемы должно опираться не только на опыт и интуицию, но и на объективные научные обоснования.

Инструментом для таких обоснований, в частности, являются соответствующие математические модели оценивания эффективности функционирования СУР. Вместе с тем в настоящее время такие модели отсутствуют [9; 10; 12]. Построение возможного варианта модели, позволяющей достаточно адекватно оценивать эффективность функционирования СУР таможенных органов, составляет цель настоящей статьи.

Эффективность ее функционирования характеризуется степенью реализации возможностей СУР для снижения ущерба государству, обусловленного нарушениями участниками внешнеэкономической деятельности таможенного законодательства при перемещении товаров через таможенную границу [23]. Количественная мера степени его снижения в результате функционирования СУР формально представляется в виде показателя, принимающего значения из некоторой шкалы эффективности [3; 5; 14; 17; 26]. В качестве такой шкалы наиболее часто используют подмножества множества действительных чисел (абсолютную шкалу), а для стохастических процессов — ее разновидность — вероятностную шкалу. Это объясняется удобством числовых шкал, а также их универсальностью, поскольку любая шкала может быть взаимно однозначно преобразована в числовую [6; 24].

Особенность нарушений таможенного законодательства и обусловленного ими ущерба государству состоит в том, что они скрыты от непосредственного наблюдения и могут быть в полной мере выявлены только в результате тотального контроля перемещаемых через таможенную границу товарных партий. Вследствие

невозможности такого контроля ущерб государству при перемещении товаров через таможенную границу целесообразно рассматривать как случайный процесс в той или иной степени регулируемый СУР. Поэтому оценка эффективности ее функционирования должна осуществляться в вероятностной шкале [4; 10; 20].

Конструктивное представление показателя эффективности функционирования СУР прежде всего связано с четким определением целей ее функционирования. В самом общем виде эта цель состоит в максимальном при имеющихся возможностях таможенных органов снижении ущерба государству вследствие нарушения участниками внешнеэкономической деятельности таможенного законодательства.

Возможности СУР определяются [23]: системой профилей риска; возможностями уполномоченных должностных лиц по реализации мер минимизации риска; техническими средствами, используемыми при реализации этих мер и их ресурсами; временными и количественными ограничениями на проведение таможенного контроля, установленными таможенным законодательством и нормативными правовыми актами.

При этом их реализация подчинена принципу «слабого звена». Он заключается в том, что общие возможности СУР ограничиваются наиболее слабыми в сложившейся ситуации возможностями. Практика применения СУР показывает, что в настоящее время таким звеном является система профилей риска. Она представляет собой нематериальный неисчерпаемый ресурс СУР. Поэтому обобщенный показатель эффективности функционирования СУР можно представить в виде [16]:

$$E(T) = \frac{\bar{Q}(T)}{\bar{Q}(T) + \bar{U}(T)}, \quad (1)$$

где $\bar{Q}(T)$ — математическое ожидание предотвращенного за период времени $[t, t + T]$ в результате функционирования СУР ущерба $Q(T)$ государству, обусловленного нарушениями законодательства при перемещении товаров через таможенную границу; $\bar{U}(T)$ — математическое ожидание ущерба $U(T)$ государству в результате не вскрытых нарушений таможенного законодательства при перемещении товаров через таможенную границу в период времени $[t, t + T]$.

Снижение ущерба $Q(T)$ государству за счет реализации возможностей СУР включает две составляющие [23]:

- 1) непосредственное снижение ущерба $Q_1(T)$ государству в процессе углубленного таможенного контроля, обусловленного функционированием СУР;
- 2) латентное снижение ущерба $L(T)$ вследствие обусловленного функционированием СУР снижения склонности участников внешнеэкономической деятельности к нарушению таможенного законодательства при перемещении товаров через таможенную границу.

Следовательно величина $Q(T)$ может быть представлена соотношением:

$$Q(T) = Q_1(T) + L(T). \quad (2)$$

В части непосредственного снижения ущерба государству в процессе таможенного контроля цель функционирования СУР достигается рациональным выбором объектов для углубленного таможенного контроля, установлением и проведением необходимой совокупности мероприятий углубленного контроля. Этот выбор обеспечивается действующей системой профилей рисков и ограничивается возможностями уполномоченных должностных лиц по реализации мер минимизации риска, возможностями технических средств, используемых при реализации этих мер, а также временными и количественными ограничениями на проведение таможенного контроля, установленными таможенным законодательством и нормативными правовыми актами. Величина $Q_1(T)$ непосредственного снижения ущерба опреде-

ляется по результатам углубленного таможенного контроля и является детерминированной.

В части латентного эффекта указанная цель достигается уменьшением ущерба вследствие обусловленного эффективным функционированием СУР снижения склонности участников внешнеэкономической деятельности к нарушению таможенного законодательства. При этом, чем более эффективно функционирует СУР, тем ниже склонность участников внешнеэкономической деятельности к нарушениям таможенного законодательства и наоборот, при снижении эффективности СУР их склонность к нарушениям возрастает. Величина $L(T)$ латентного эффекта функционирования СУР является случайной. Она может быть получена только путем сопоставления возможных ущербов государству при сохранении в период времени $[t, t + T]$ склонности участников внешнеэкономической деятельности к нарушению таможенного законодательства на уровне, характерном для предшествующего периода $[t_0, t]$ ($U(t)$) и при изменении этой склонности в оцениваемый период $[t, t + T]$ ($U(t)$):

$$L(T) = U(t) - U(T). \quad (3)$$

Математическое ожидание $\bar{L}(T)$ случайной величины $L(T)$, латентного эффекта функционирования СУР определяется соотношением:

$$\bar{L}(T) = \bar{U}(t) - \bar{U}(T), \quad (4)$$

где $\bar{U}(t)$ — математическое ожидание возможного ущерба $U(t)$ государству за период времени $[t, t + T]$ при сохранении в этот период склонности участников внешнеэкономической деятельности к нарушению таможенного законодательства на уровне, характерном для предшествующего периода $[t_0, t]$.

С учетом (4) математическое ожидание $\bar{Q}(T)$ величины $Q(T)$ предотвращенного за период времени $[t, t + T]$ в результате функционирования СУР ущерба государству определяется соотношением:

$$\bar{Q}(T) = Q_1(T) + \bar{U}(t) - \bar{U}(T). \quad (5)$$

С учетом (5) соотношение (1) принимает вид:

$$E(T) = \frac{Q_1(T) + \bar{U}(t) - \bar{U}(T)}{Q_1(T) + \bar{U}(t)}. \quad (6)$$

Соотношение (6) является обобщенным показателем эффективности, отражающим как непосредственный, так и латентный эффект функционирования СУР. Из соотношения (6) следует, что конструктивное представление модели для оценивания эффективности функционирования СУР заключается в определении на основе имеющейся информации величин $Q_1(T)$, $\bar{U}(t)$, $\bar{U}(T)$ [8].

Исходную информацию для определения этих величин составляют данные контроля товарных партий, подвергнутых углубленному таможенному контролю на основании обычных и «случайного» профилей риска [23]. Введем обозначения:

$W_1(T)$ — множество товарных партий, перемещенных через таможенную границу за период времени $[t, t + T]$;

$N_1(T)$ — мощность (количество элементов) множества $W_1(T)$;

$W_2(T)$ — множество товарных партий из $W_1(T)$, подвергнутых за период времени $[t, t + T]$ углубленному таможенному контролю на основании «обычных» профилей рисков;

$N_2(T)$ — мощность множества $W_2(T)$;

$W_3(T)$ — множество товарных партий из $W_1(T)$, подвергнутых за период времени $[t, t + T]$ углубленному таможенному контролю на основании «случайного» профиля рисков;

$N_3(T)$ — мощность множества $W_3(T)$;

$u_n(T)$ — снижение ущерба государству, вследствие мероприятий углубленного таможенного контроля в отношении n -й товарной партии из множества $W_3(T)$;

$W_3(t)$ — множество товарных партий, подвергнутых за период времени $[t_0, t]$ углубленному таможенному контролю на основании «случайного» профиля рисков;

$N_3(t)$ — мощность множества $W_3(t)$;

$u_n(t)$ — снижение ущерба государству вследствие мероприятий углубленного таможенного контроля в отношении n -й товарной партии из множества $W_3(t)$.

С учетом принятых обозначений, множество товарных партий из $W_1(t)$, подвергнутых за период времени $[t, t + T]$ углубленному таможенному контролю, определяется соотношением:

$$W(T) = W_2(T) \cup W_3(T). \quad (7)$$

Мощность этого множества равна:

$$N(T) = N_2(T) + N_3(T). \quad (8)$$

Множество товарных партий, перемещенных через таможенную границу без проведения углубленного таможенного контроля, определяется соотношением

$$W_4(T) = W_1(T) - W(T). \quad (9)$$

Его мощность равна

$$N_4(T) = N_1(T) - N(T). \quad (10)$$

Исходная информация для оценивания эффективности функционирования СУР исчерпывается знанием множеств $W_1(T)$, $W_2(T)$, $W_3(T)$, $W_3(t)$, $W_4(T)$, $W(T)$ и величин

$$u_n(T): n \in W(T), \quad (11)$$

$$u_n(t): n \in W(t). \quad (12)$$

Положим, что величины $u_n(T)$, $u_n(t)$ отражают стоимость предотвращенного ущерба (например, объем доначисленных по результатам углубленного таможенного контроля таможенных платежей). Тогда непосредственный эффект функционирования СУР за период времени $[t, t + T]$ определяется соотношением:

$$Q_1(T) = \sum_{n \in W(T)} u_n(T), \quad (13)$$

где $\sum_{n \in W(T)} u_n(T)$ — непосредственное снижение за период времени $[t, t + T]$ ущерба государству вследствие выявленных в результате функционирования СУР нарушений таможенного законодательства.

Для определения $U(t)$ и $U(T)$ введем в рассмотрение случайные величины ξ_m , ξ_m^* , $m \in W_4(T)$, отражающие ущерб государству при перемещении m -й товарной партии для случаев: сохранения (ξ_m) и изменения (ξ_m^*) склонности участников внешнеэкономической деятельности к нарушению таможенного законодательства.

Тогда

$$U(t) = \sum_{m \in W_4(T)} \xi_m, \tag{14}$$

$$U(T) = \sum_{m \in W_4(T)} \xi_m^*. \tag{15}$$

Наиболее полно величины $U(t)$, $U(T)$ характеризуются функциями плотности распределения их вероятностей [1; 7; 15]. Обозначим через $q(x)$ функцию плотности вероятностей величины $U(t)$, а через $q^*(x)$ — функцию плотности вероятностей величины $U(T)$. В соответствии с (14), (15) эти функции представляют собой комбинации функций распределения для величин ξ_m , ξ_m^* соответственно.

Будем полагать, что величины ξ_m , $m \in W_4(T)$ независимы и имеют функцию плотности распределения $f(x)$, а величины ξ_m^* , $m \in W_4(T)$ также независимы и их функция плотности распределения $f^*(x)$. Тогда конструктивное представление функций $q(x)$ и $q^*(x)$ может быть осуществлено в два этапа. На первом строятся функции $f(x)$ и $f^*(x)$ плотности распределения случайных величин ξ_m , $m \in W_4(T)$ и ξ_m^* , $m \in W_4(T)$, а на втором — функции $q(x)$ и $q^*(x)$ плотности распределения случайных величин $U(t)$ и $U(T)$. При этом вследствие существования определенного количества перемещаемых через таможенную границу товарных партий, для решения задачи второго этапа целесообразно применять математический аппарат характеристических функций [19; 22].

Характеристическая функция $\phi(r)$; случайной величины представляет собой преобразование Фурье-Стилтьеса функции $f(x)$ плотности ее распределения:

$$\phi(r) = \int_{-\infty}^{\infty} e^{irx} f(x) dx. \tag{16}$$

Целесообразность применения этого аппарата в интересах построения функций $q(x)$ и $q^*(x)$ обусловлена:

- 1) мультипликативным свойством характеристических функций, состоящим в том, что характеристическая функция $\mathfrak{G}(r)$ суммы независимых случайных величин (например, (14) или (15)) равна произведению характеристических функций слагаемых;
- 2) свойством единственности, состоящим в том, что характеристическая функция (16) однозначно определяет функцию $f(x)$ плотности распределения случайной величины:

$$f(x) = \frac{1}{2\pi} \int_{-\infty}^{\infty} e^{-irx} \phi(r) dr. \tag{17}$$

Исходную информацию для определения функций $f(x)$ и $f^*(x)$ плотностей распределения вероятностей случайных величин ξ_m , $m \in W_4(T)$ и ξ_m^* , $m \in W_4(T)$ содержат сведения о результатах проведения мероприятий углубленного таможенного контроля для товарных партий из множеств $W_3(t)$ и $W_3(T)$, соответственно. Выбор методов построения функций $f(x)$ и $f^*(x)$ зависит от мощностей множеств $W_3(t)$ и $W_3(T)$. При этом возможны две ситуации:

- 1) мощности множеств $W_3(t)$ и $W_3(T)$ достаточны для построения эмпирических приближений функций $f(x)$ и $f^*(x)$;
- 2) мощности множеств $W_3(t)$ и $W_3(T)$ не достаточны для построения эмпирических приближений этих функций.

В рамках настоящей статьи мы будем полагать, что мощности множеств $W_3(t)$ и $W_3(T)$ недостаточны для построения указанных эмпирических приближений. Целесообразность такого предположения вытекает из реализуемого в настоящее

время принципа содействия внешнеторговой деятельности и сокращения в связи с его реализацией количества товарных партий, подвергаемых углубленному таможенному контролю [23].

В рассматриваемой ситуации для построения функций $f(x)$ и $f^*(x)$ целесообразно воспользоваться принципом минимизации домыслов (принципом максимума энтропии) [2; 13; 18]. Он постулирует, что наименее сомнительным представлением вероятностей является то, которое максимизирует неопределенность (минимизирует домыслы) при учете всей имеющейся информации.

Предположим, что в рассматриваемой информационной ситуации для построения функций $f(x)$ и $f^*(x)$ можно определить такие параметры, как средние значения $\bar{u}(t)$, $\bar{u}(T)$ и выборочные дисперсии $D(t)$, $D(T)$ ущербов государству в результате не вскрытых нарушений таможенного законодательства при перемещении через таможенную границу товарных партий из множеств $W_3(t)$ и $W_3(T)$.

Величины $\bar{u}(t)$, $\bar{u}(T)$ определяются соотношениями:

$$\bar{u}(t) = \frac{1}{N_3(t)} \sum_{n \in W_3(t)} u_n(t), \quad (18)$$

$$\bar{u}(T) = \frac{1}{N_3(T)} \sum_{n \in W_3(T)} u_n(T). \quad (19)$$

Величины $D(t)$, $D(T)$ определяются соотношениями

$$D(t) = \frac{\sum_{n \in W_3(t)} [u_n(t) - \bar{u}(t)]^2}{N_3(t)}, \quad (20)$$

$$D(T) = \frac{\sum_{m \in W_3(T)} [u_n(T) - \bar{u}(T)]^2}{N_3(T)}. \quad (21)$$

Следовательно, информационная ситуация для построения функций $f(x)$ и $f^*(x)$ исчерпывается знанием выборочного среднего и выборочной дисперсии. Максимум энтропии в форме Шеннона

$$H = - \int_{-\infty}^{\infty} f(x) \ln f(x) dx \xrightarrow{f(x)} \max \quad (22)$$

при заданном математическом ожидании $m(t)$ и заданной дисперсии $\sigma_2(t)$ случайных величин ξ_m , $m \in W_4(T)$ достигается при нормальном распределении:

$$f(x) = \frac{1}{\sigma(t)\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{[m(t)-x]^2}{2\sigma(t)^2}}. \quad (23)$$

Приближенными оценками математического ожидания и дисперсии являются их выборочные значения (18) и (20), т. е.:

$$m(t) \approx \bar{u}(t), \quad \sigma^2(t) \approx D(t). \quad (24)$$

Аналогично определяется и функция $f^*(x)$. Она равна

$$f^*(x) = \frac{1}{\sigma(T)\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{[m(T)-x]^2}{2\sigma(T)^2}}, \quad (25)$$

где

$$m(T) \approx \bar{u}(T), \quad \sigma^2(T) \approx D(T) \quad (26)$$

Характеристическая функция $\phi(r)$ для $f(x)$, определяемая соотношением (23), имеет вид:

$$\phi(r) = \int_{-\infty}^{\infty} e^{irx} f(x) dx = \int_{-\infty}^{\infty} e^{irx} \frac{1}{\sigma(t)\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{[m(t)-x]^2}{2\sigma(t)^2}} dx = e^{im(t)r - \frac{\sigma(t)^2 r^2}{2}} \quad (27)$$

С учетом (27), на основании свойства мультипликативности характеристических функций, характеристическая функция $\mathfrak{Y}(r)$ для случайной величины (14) принимает вид:

$$\mathfrak{Y}(r) = \left[e^{im(t)r - \frac{\sigma(t)^2 r^2}{2}} \right]^{N_4(T)} = e^{N_4(T)m(t)r - \frac{\sigma(t)^2 r^2}{2} N_4(T)} \quad (28)$$

Из (28) на основе свойства единственности характеристических функций получаем функцию $q(x)$ плотности распределения случайной величины (14)

$$q(x) = \frac{1}{2\pi} \int_{-\infty}^{\infty} e^{-irx} e^{N_4(T)m(t)r - \frac{\sigma(t)^2 r^2}{2} N_4(T)} = \frac{1}{\sigma(t)\sqrt{2\pi N_4(T)}} e^{-\frac{[N_4(T)m(t)-x]^2}{2N_4(T)\sigma(t)^2}} \quad (29)$$

Аналогично, функция $q^*(x)$ плотности распределения случайной величины (15) имеет вид

$$q^*(x) = \frac{1}{\sigma(T)\sqrt{2\pi N_4(T)}} e^{-\frac{[N_4(T)m(T)-x]^2}{2N_4(T)\sigma(T)^2}} \quad (30)$$

Из (29) и (30) следует, что

$$\bar{U}(t) = N_4(T)m(t) \quad (31)$$

$$\bar{U}(T) = N_4(T)m(T) \quad (32)$$

Таким образом, определены все величины, входящие в соотношение (6), отражающее эффективность функционирования СУР.

В целом полученные соотношения (1)–(32) составляют модель для оценивания эффективности функционирования СУР таможенных органов Российской Федерации. Они, наряду с обобщенным показателем эффективности (6), позволяют оценивать и другие, частные показатели:

$Q_1(T)$ — непосредственное снижение за период времени $[t, t + T]$ ущерба государству вследствие выявленных в результате функционирования СУР нарушений таможенного законодательства;

$U(t)$ — возможный ущерб государству за период времени $[t, t + T]$ при сохранении в этот период склонности участников внешнеэкономической деятельности к нарушению таможенного законодательства на уровне, характерном для предшествующего периода $[t_0, t]$;

$U(T)$ — возможный ущерб государству в результате не вскрытых нарушений таможенного законодательства при перемещении товаров через таможенную границу в период времени $[t, t + T]$;

$L(T)$ — латентный эффект функционирования СУР в период времени $[t, t + T]$.

При этом в зависимости от состава множеств $W_1(T)$, $W_2(T)$, $W_3(T)$, $W_3(t)$, $W_4(T)$, $W(T)$ они позволяют оценивать указанные показатели функционирования СУР как на уровне Федеральной таможенной службы в целом, так и на уровне отдельных таможенных органов.

Литература

1. Авдеев М. М. и др. Информационно-статистические методы в управлении микроэкономическими системами. Международная академия информатизации. СПб.; Тула, 2001.
2. Алексеев О. Г., Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г. Марковские модели боя. Москва, Министерство обороны СССР, 1985.
3. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г. Математические модели и методы в управлении развитием сложных технических систем. СПб. : Политехника, 2004.
4. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Герцев В. Н. Оценка эффективности системы ракетно-артиллерийского вооружения ракетных войск и артиллерии // Военная мысль. 2001. № 4. С. 39–46.
5. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Капитоненко В. В. Экономико-математические методы и модели в мирохозяйственных связях: учебник. М. : Изд. Российской таможенной академии, 2011.
6. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Кежаев В. А. и др. Методы и модели стандартизации и унификации в управлении развитием военно-технических систем. М. : Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, 2004.
7. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Коханова Н. М. и др. Выбор структуры производственных функций на основе синтеза безальтернативных статистических гипотез // Вестник Российской таможенной академии. 2008. № 4. С. 74–79.
8. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Мартыщенко Л. А., Шатохин Д. В. Методы оперативного статистического анализа результатов выборочного контроля качества промышленной продукции. Международная академия информатизации. СПб. : Тула, 2001.
9. Анисимов Е. Г., Арсланов Р. Ф., Арсланова А. П. и др. Теоретические основы применения системы управления рисками в таможенной службе Российской Федерации: Научно-методическое пособие / Перевод Сборника по управлению рисками WTO/WCO Customs Risk Management Compendium — Е. М. Богоева, С. В. Мозер. М. : Изд-во Российской таможенной академии, 2015.
10. Богоева Е. М. и др. Формализация процедуры риск-ориентированного подхода при выполнении государственными органами контрольных функций // Вестник Российской таможенной академии. 2014. № 4. С. 96–102.
11. Гарькушев А. Ю. и др. Методологические основы построения показателей эффективности контрольной деятельности органов государственной власти // Вопросы оборонной техники. Сер. 16. Технические средства противодействия терроризму. 2015. № 3–4. С. 17–20.
12. Гарькушев А. Ю. и др. Основы построения моделей интеллектуализации в системах безопасности // Вопросы оборонной техники. Серия 16: технические средства противодействия терроризму. 2014. № 9–10. С. 22–27.
13. Изотов А. В., Ростова О. В. Оценка инвестиционной привлекательности регионов с использованием статистических методов // Современные технологии управления — 2014: сб. материалов международной научной конференции. Киров, 2014. С. 967–978.
14. Ильин И. В., Суомалайнен Ю. С. Разработка методики оценки инвестиционных проектов на основе метода реальных опционов и теории нечетких множеств // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2009. № 6–2 (90). С. 114–119.
15. Ильин И. В., Широкова С. В., Ильяшенко О. Ю. и др. ИТ-поддержка управления запасами с применением математических моделей // Неделя науки СПбПУ. Сб. докладов научного форума с международным участием. СПб., 2014. С. 152–158.

16. Липатова Н. Г. и др. Методика расчета латентного эффекта применения системы управления рисками // Вестник Российской таможенной академии. 2015. № 2 (31). С. 115–123.
17. Лобас Е. В. и др. Метод оценивания обоснованности управленческих решений // Вестник Российской таможенной академии. 2008. № 2. С. 103–106.
18. Маслаков М. Д., Черных А. К. Об одном подходе к оценке эффективности математических моделей // Проблемы управления рисками в техносфере. 2013. № 3 (27). С. 67–73.
19. Самоленков В. А. и др. Введение в теорию эффективности боевых действий ракетных войск и артиллерии. М. : Изд-во Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, 2008.
20. Сауренко Т. Н. и др. Методологические основы формирования системы показателей эффективности управления рисками при таможенном контроле // Теория и практика применения риск-ориентированного подхода при выполнении контрольных (надзорных) функций государственных органов: сборник материалов Межведомственной научно-практической конференции Российской таможенной академии. М. : Изд-во Российской таможенной академии. 2014. С. 25–30.
21. Сауренко Т. Н. и др. Таможенная политика в системе национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Российской таможенной академии. 2015. № 1 (30). С. 14–19.
22. Силкина Г. Ю., Юрьев В. Н. Экономико-математическое моделирование в принятии инновационных решений // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 3. С. 43–53.
23. Тебекин А. В. и др. Экономический и таможенный риск-менеджмент: монография. М. : РИО Российской таможенной академии, 2015.
24. Черныш А. Я. и др. Анализ и оценивание эффективности инвестиционных проектов в условиях неопределенности. Москва: Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации. 2006.
25. Черныш А. Я., Анисимов Е. Г. Концепция построения теории таможенного дела // Вестник Российской таможенной академии. 2009. № 3. С. 5–11.
26. Черныш А. Я. и др. Модели и методы решения задач управления инновационными проектами. М. : Изд-во Российской таможенной академии, 2009.

References

1. Avdeev M. M., etc. *Information and statistical methods in management of microeconomic systems* [Informatsionno-statisticheskie metody v upravlenii mikroekonomicheskimi sistemami]. International academy of informatization [Mezhdunarodnaya akademiya informatizatsii]. St. Petersburg; Tula. 2001. 139 p. (rus)
2. Alekseev O. G., Anisimov V. G., Anisimov E. G. *Markov models of fight* [Markovskie modeli boya]. Moscow : Ministry of Defence of the USSR [Ministerstvo oborony SSSR], 1985. 86 p. (rus)
3. Anisimov V. G., Anisimov E. G. *Mathematical models and methods in management of development of difficult technical systems* [Matematicheskie modeli i metody v upravlenii razvitiem slozhnykh tekhnicheskikh system]. SPb. : Polytechnic [Politehnika]. 2004. 280 p. (rus)
4. Anisimov V. G., Anisimov E. G., Gertsev V. N. *Estimation of system effectiveness of rocket and artillery arms of rocket troops and artillery* [Otsenivanie effektivnosti sistema raketno-artilleriiskogo vooruzheniya raketnykh voisk i artillerii] // Military thought [Voennaya mysl']. 2001. N 4. P. 39–46. (rus)
5. Anisimov V. G., Anisimov E. G., Kapitonenko V. V. *Economic-mathematical methods and models in world economic communications* [Ekonomiko-matematicheskie metody i modeli v mirokhozyaistvennykh svyazyakh]: textbook. Moscow : publishing house of the Russian customs academy [Izd. Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2011. 179 p. (rus)
6. Anisimov V. G., Anisimov E. G., Kezhayev V. A., Svertilov N. I., Shatokhin D. V. *Methods and models of standardization and unification in management of military and technical systems* [Metody i modeli standartizatsii i unifikatsii v upravlenii razvitiem voenno-tekhnicheskikh system]. Moscow : Military academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation [Voennaya akademiya General'nogo shtaba Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii], 2004. 279 p. (rus)
7. Anisimov V. G., Anisimov E. G., Kokhanova N. M., Malkova A. L. *The choice of structure of production functions based on synthesis of uncontested statistical hypotheses* [Vybor struktury proizvodstvennykh funktsii na osnove sinteza bezal'ternativnykh statisticheskikh gipotez] // Bulletin of the Russian customs academy [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2008. N 4. P. 74–79. (rus)

8. Anisimov V.G., Anisimov E.G., Martyshchenko L.A., Shatokhin D.V. *Methods of the operational statistical analysis of results of selective quality control of industrial output* [Metody operativnogo statisticheskogo analiza rezul'tatov vyborochnogo kontrolya kachestva promyshlennoi produktsii]. International Academy of informatization [Mezhdunarodnaya akademiya informatizatsii]. St. Petersburg : Tula, 2001. 72 p. (rus)
9. Anisimov E. G., Arslanov R. F., Arslanova A. P., Afonin P. N., Kozhukhanov N. M., Lipatova N. G., Popov V. V., Somov Yu. I. *Theoretical bases of application of a control system of risks in customs service of the Russian Federation* [Teoreticheskie osnovy primeneniya sistemy upravleniya riskami v tamozhennoi sluzhbe Rossiiskoi Federatsii]. A scientific and methodical grant / Translation of the Collection of works on risk management of the WTO/WCO of Customs Risk Management Compendium — E. M. Bogoeva, S. W. Mozer. M.: Publishing house of the Russian Customs Academy [Izd-vo Rossiiskoi tamozhennoi akademii], 2015. 282 p. (rus)
10. Bogoeva E. M., etc. *Formalization of the procedure of risk - focused approach at performance of control functions by public authorities* [Formalizatsiya protsedury risk-orientirovannogo podkhoda pri vypolnenii gosudarstvennymi organami kontrol'nykh funktsii] / Bulletin of the Russian Customs Academy [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2014. N 4. P. 96–102. (rus)
11. Garkushev A. Yu., etc. *Methodological bases of creation of indicators of efficiency of control activity of public authorities* [Metodologicheskie osnovy postroeniya pokazatelei effektivnosti kontrol'noi deyatel'nosti organov gosudarstvennoi vlasti] // Questions of the defensive equipment. Series 16: Technical means of counteraction to terrorism [Voprosy oboronnoi tekhniki. Ser. 16. Tekhnicheskie sredstva protivodeistviya terrorizmu]. 2015. № 3–4. P. 17–20. (rus)
12. Garkushev A. Yu., etc. *Bases of creation of models of intellectualization in security systems* [Osnovy postroeniya modelei intellektualizatsii v sistemakh bezopasnosti] // Questions of the defensive equipment. Series 16: Technical means of counteraction to terrorism [Voprosy oboronnoi tekhniki. Ser. 16. Tekhnicheskie sredstva protivodeistviya terrorizmu]. 2014. N 9–10. P. 22–27. (rus)
13. Izotov A.V., Rostov O.V. *Assessment of investment appeal of regions with use of statistical methods* [Otsenka investitsionnoi privlekatel'nosti regionov s ispol'zovaniem statisticheskikh metodov] // Modern technologies of management-2014: collection of materials of the international scientific conference [Sovremennye tekhnologii upravleniya — 2014: sb. materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii]. Kirov, 2014. P. 967–978. (rus)
14. Ilyin I.V., Suomalaynen Yu. S. *Development of a technique of assessment of investment projects based on a method of real options and the theory of indistinct sets* [Razrabotka metodiki otsenki investitsionnykh proektov na osnove metoda real'nykh optsiionov i teorii nechetkikh mnozhestv] // Scientific and technical sheets of the St. Petersburg State Polytechnical University. Economic sciences [Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki]. 2009. N 6–2 (90). P. 114–119. (rus)
15. Ilyin I.V., Shirokova S.V., Ilyashenko O. Yu., Levina A.I., Dubgorn A.S. *IT support of stockpile management with application of mathematical models* [IT-podderzhka upravleniya zapasami s primeneniem matematicheskikh modelei] // Week of science SPbSPU. The collection of reports of a scientific forum with the international participation [Nedelya nauki SPbPU. Sb. dokladov nauchnogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem]. St. Petersburg, 2014. P. 152–158. (rus)
16. Lipatova N. G., etc. *Method of calculation of latent effect of application of a control system of risks* [Metodika rascheta latentnogo effekta primeneniya sistemy upravleniya riskami] // Bulletin of the Russian Customs Academy [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2015. N 2 (31). P. 115–123. (rus)
17. Lobas E. V., etc. *Method of estimation of validity of administrative decisions* [Metod otsenivaniya obosnovannosti upravlencheskikh reshenii] // Bulletin of the Russian Customs Academy [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2008. N 2. P. 103–106. (rus)
18. Maslakov M. D., Chernykh A. K. *About one approach to assessment of efficiency of mathematical models* [Ob odnom podkhode k otsenke effektivnosti matematicheskikh modelei] // Problems of risk management in a technical sphere [Problemy upravleniya riskami v tekhnno sfere]. 2013. N 3 (27). P. 67–73. (rus)
19. Samolenkov V.A., etc. *Introduction to the theory of efficiency of fighting of rocket troops and artilleries* [Vvedenie v teoriyu effektivnosti boevykh deistvii raketnykh voisk i artillerii]. M. : Publishing house of Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation [Izd-vo Voennoi akademii General'nogo shtaba Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii], 2008. 180 p. (rus)

20. Saurenko T.N., etc. *Methodological bases of formation of system of indicators of effective management of risks at customs control* [Metodologicheskie osnovy formirovaniya sistemy pokazatelei effektivnosti upravleniya riskami pri tamozhennom kontrole] // Theory and practice of application risk-focused approach when performing control (supervising) functions of public authorities: collection of materials of the Interdepartmental scientific and practical conference of the Russian Customs Academy [Teoriya i praktika primeneniya risk-orientirovannogo podkhoda pri vypolnenii kontrol'nykh (nadzornykh) funktsii gosudarstvennykh organov: sbornik materialov Mezhdvdomstvennoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. M. : Publishing house of the Russian Customs Academy [Izd-vo Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2014. P. 25–30. (rus)
21. Saurenko T.N., etc. *Customs policy in system of national security of the Russian Federation* [Tamozhennaya politika v sisteme natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii] // Bulletin of the Russian Customs Academy [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2015. N 1 (30). P. 14–19. (rus)
22. Silkina G. Yu., Yuryev V.N. *Economic and mathematical modeling in adoption of innovative solutions* [Ekonomiko-matematicheskoe modelirovanie v prinyatii innovatsionnykh reshenii] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2014. N 3. P. 43–53. (rus)
23. Tebekin A.V., etc. *Economic and customs risk-management* [Ekonomicheskii i tamozhennyi risk-menenedzhment]: monograph. M. : Publishing Department of the Russian Customs Academy [RIO Rossiiskoi tamozhennoi akademii], 2015. 180 p. (rus)
24. Chernysh A. Ya., etc. *The analysis and estimation of efficiency of investment projects in the conditions of uncertainty* [Analiz i otsenivanie effektivnosti investitsionnykh proektov v usloviyakh neopredelennosti]. Moscow : Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation [Voennaya akademiya General'nogo shtaba Vooruzhennykh sil Rossiiskoi Federatsii]. 2006. 288 p. (rus)
25. Chernysh A. Ya., Anisimov E.G. *Concept of creation of the theory of customs affairs* [Kontseptsiya postroeniya teorii tamozhennogo dela] // Bulletin of the Russian Customs Academy [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2009. N 3. P. 5–11. (rus)
26. Chernysh A. Ya., etc. *Models and methods of the solution of tasks of management of innovative projects* [Modeli i metody resheniya zadach upravleniya innovatsionnymi proektami]. M. : Publishing house of the Russian Customs Academy [Izd-vo Rossiiskoi tamozhennoi akademii], 2009. 92 p. (rus)

Динамическая модель развития торгового предприятия на основе роста стоимости

Пирогова Оксана Евгеньевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Институт «Торгово-экономический университет»
Доцент кафедры экономической безопасности и финансового консалтинга в сфере услуг
Кандидат экономических наук, доцент
kafedra17@rambler.ru

РЕФЕРАТ

В статье предложена модель роста стоимости торговых предприятий, которая позволяет количественно оценивать уровень роста, его изменчивость и стабильность, а также совершенствовать процедуры выбора и обоснования мероприятий по повышению уровня роста стоимости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

динамическая сопоставимость, динамическая соподчиненность, рост стоимости, темп роста, метод динамических нормативов, показатели хозяйственной деятельности

Pirogova O. E.

Dynamic Model of Development of Trade Enterprise on the Basis of Growth of Cost

Pirogova Oksana Evgenyevna

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Russian Federation)
Institute "Trade and Economic University"
Associate Professor of the Chair of Economic Security and Financial Consulting in a Services Sector
PhD in Economics, Associate Professor
kafedra17@rambler.ru

ABSTRACT

In the article the model of growth of trade enterprises cost is offered. It allows to estimate quantitatively growth level, its variability and stability, and also to improve procedures of the choice and justification of actions for increase in level of growth of cost.

KEYWORDS

dynamic comparability, dynamic hierarchy, growth of cost, growth rate, method of dynamic standards, indicators of economic activity

В настоящее время достаточно активно идет обсуждение вопросов, связанных с использованием показателей стоимости предприятия в управлении его деятельностью и развитием. Новое направление, получившее в литературе ряд названий: «Управление на основе стоимости» — «Value Based Management», «Ценностно-ориентированное управление» и т. д., все шире внедряется в практику деятельности организаций [2; 4; 12; 16; 18 и мн. др.]. На пути практического применения указанных концепций лежит ряд проблем, в числе которых следует отметить неготовность менеджмента отечественных предприятий использовать показатели стоимости как основу при принятии стратегических, оперативных и тактических решений.

Анализ работ отечественных и зарубежных авторов показал, что в целях управления развитием торгового предприятия необходимо использовать наиболее емкое и сложное понятие, отражающее потенциальные возможности роста и развития торгового предприятия в будущем — фундаментальную стоимость. Понятие фундаментальной стоимости рассматривалось в работах Дамодарана [1], Т. В. Тепло-

вой [13], О. В. Чернозуба [16], М. В. Кудиной [4], В. Г. Когденко [2], О. А. Николаевской [5], А. С. Кокина и О. Р. Чепьюка [3]. Обобщая предложенные ими подходы к определению фундаментальной стоимости, можно сформулировать следующие основные признаки фундаментальной стоимости, как стоимости, используемой для формирования системы управления развитием торгового предприятия:

- фундаментальная стоимость должна применяться, прежде всего, в деятельности предприятий (компаний), в которых осуществляется действительное создание добавочной стоимости (реальный сектор) [8; 9];
- оценка фундаментальной стоимости должна проводиться для предприятия как действующего, продажа предприятия в ближайшей и среднесрочной перспективе не предполагается (в случае продажи предприятия должны применяться другие виды стоимости);
- фундаментальная стоимость должна отражать текущее состояние активов предприятия, способность его генерировать доход не ниже средневзвешенной стоимости капитала;
- фундаментальная стоимость должна отражать состояние ресурсного потенциала предприятия, как его способности развиваться в альтернативных направлениях;
- фундаментальная стоимость должна отражать интересы собственника предприятия (получение доходности на вложенный капитал не ниже рыночного для вложений с аналогичным риском);
- фундаментальная оценка стоимости должна выполняться с учетом соблюдения интересов основных финансовых стейкхолдеров (кредиторов, инвесторов), а также нефинансовых стейкхолдеров.

При разработке системы управления развитием на основе стоимости одной из ключевых проблем является проблема статичности системы показателей. Дело в том, что предлагаемые многими авторами системы, представляющие упорядоченный иерархический набор показателей, часто нацеленных на один интегральный показатель — стоимость, но при этом имеют статический констатационный характер, т. е. позволяют оценить, как изменилась стоимость предприятия за отчетный период [2]. Вместе с тем, на важнейший вопрос — что же необходимо сделать дальше — результаты анализа не позволяют ответить. Это обусловлено несколькими причинами.

Одной из главных причин, не позволяющих эффективно управлять стоимостью, выступает динамизм внешней среды. Это накладывает серьезные ограничения на спектр возможных решений при обосновании траектории движения предприятия к намеченной цели. Для того чтобы компенсировать изменения условий деятельности предприятия, сохраняя при этом направленность на выполнение заданных целевых результатов, необходимо систему факторов стоимости сделать динамичной, т. е. придать ей динамику.

Традиционно в экономике динамика экономических систем описывается с применением абсолютных и относительных изменений показателей за отчетный период. Разработка динамической системы развития на основе динамики абсолютных финансовых и нефинансовых показателей затруднена в силу разнородности показателей, а также трудности их интеграции в единую систему. Вместе с тем еще в работах И. М. Сыроежина [11] было показано, что переход от абсолютных показателей экономической динамики к относительным позволяет, используя свойство динамической соподчиненности и динамической сопоставимости, преодолеть трудности сопоставления и анализа частных показателей. В работах [14; 15] показано, что несопоставимые в статике показатели становятся сопоставимыми в динамике при использовании их темповых характеристик. В динамике темповые характеристики предприятия имеют некоторый естественный порядок, могут быть проранжированы и соподчинены относительно друг друга.

Предлагаемая в нашей работе динамическая модель развития торгового предприятия на основе стоимости базируется на «золотом правиле экономики», которое устанавливает соподчиненность темпов роста ресурсов $T(PC)$, результатов $T(PЗ)$ и экономического эффекта (эффективности) $T(\text{ЭФ})$. С математической точки зрения не имеет значения, что рассматривать — темпы роста показателей (как отношение значения показателя в отчетном периоде к значению показателя в базисном периоде) или темпы прироста, как отношение изменения значения показателя за отчетный период к значению показателя в базисном периоде. Традиционная система упорядоченного положения темпов роста показателей в соответствии с «золотым правилом экономики» имеет вид:

$$T(\text{ЭФ}) > T(PЗ) > T(PC) > 1. \quad (1)$$

Аналогичным образом выражение (1) можно записать через темпы прироста (в этом случае мы фактически получаем индекс изменения параметра):

$$I(\text{ЭФ}) > I(PЗ) > I(PC) > 1. \quad (2)$$

Более широкий подход к анализу и структурированию экономической динамики систем был предложен Л. М. Чистовым [17]. Он при рассмотрении динамики изменения темпов роста ресурсов, затрат и эффективности, устанавливает несколько вариантов развития социально-экономических систем, при этом рассматриваются три базовых показателя: индекс используемых ресурсов $I(PC)$; индекс валовых результатов $I(PЗ)$; индекс эффективности (конечного результата) $I(\text{ЭФ})$.

Использование показателей темпов прироста позволяет увязать в одной системе разнородные по экономическому смыслу и размерности показатели, которые в экономической модели предприятия занимают строго определенное место. В зависимости от соотношения между индексами, можно оценивать качество развития системы. Ниже представлена предлагаемая Л. М. Чистовым классификация вариантов развития систем, модифицированная автором для случая темпов прироста базовых показателей деятельности предприятия:

1. Сугубо интенсивный вариант:	$I(PC) < 0, I(\text{ЭФ}) > I(PЗ) > 0;$
2. Интенсивный вариант:	$I(PC) = 0, I(\text{ЭФ}) > 0, I(PЗ) > 0;$
3. Преимущественно интенсивный вариант:	$I(PC) > 0, I(PЗ) > 0, I(\text{ЭФ}) > 0;$
4. Равно экстенсивно-интенсивный:	$I(PC) = I(\text{ЭФ}) > 0, I(PЗ) > 0;$
5. Преимущественно экстенсивный вариант:	$I(PC) > I(\text{ЭФ}) > 0, I(PЗ) > 0;$
6. Экстенсивный вариант:	$I(PC) > 0, I(\text{ЭФ}) = 0, I(PЗ) > 0;$
7. Сугубо экстенсивный вариант:	$I(PC) > 0, I(\text{ЭФ}) < 0, I(PЗ) < 0.$

Варианты 1–5 относятся к вариантам развития системы. Вариант 6 — стагнация, а вариант 7 — деградация системы, с такими результатами система рано или поздно будет разрушена.

В работах Соломатина [10], связанных с построением системы комплексной оценки деятельности торгового предприятия, предполагается, что одним из важнейших элементов системы оценки деятельности торгового предприятия должны быть затраты, поэтому система показателей динамики должна включать в себя также показатели динамики затрат. В рамках реализации концепции стоимостного управления, по нашему мнению, в затраты, кроме всего прочего, необходимо включать затраты на привлечение собственного капитала. Таким образом, предлагаемая система показателей должна включать в себя показатели затрат. В этом случае система будет включать уже 4 базовых показателя: индекс используемых

ресурсов $I(PC)$; индекс валовых результатов $I(PЗ)$; индекс затрат $I(ЗТ)$; индекс эффективности (конечного результата) $I(ЭФ)$.

Учитывая, что в общем случае экономическая эффективность (эффект деятельности) определяется как разность результатов и затрат:

$$\text{ЭФ} = PЗ - ЗТ, \quad (3)$$

где ЭФ — эффективность деятельности системы; $PЗ$ — валовый результат деятельности системы; $ЗТ$ — затраты на деятельность системы.

Предложенная Л. М. Чистовым классификация не претерпит существенных изменений и будет расширена лишь дополнительными градациями базовых вариантов развития. Преимущественно интенсивный вариант с учетом темпа роста затрат может быть представлен, например, в следующем виде:

$$I(PC) > 0, I(PЗ) > 0, I(ЗТ) > 0 \text{ и } I(ЭФ) > 0, \quad (4)$$

где $I(ЗТ)$ — индекс роста затрат.

В ряде работ предполагается, что соотношение показателей должно находиться в строго определенных соотношениях, в этом случае достигается идеальная динамика развития предприятия. Однако в общем случае порядки темпов не обязаны быть линейными, они могут быть также частичными и полными.

Универсальность системы относительных показателей позволяет применить ее не только для построения относительно простых моделей роста предприятия, но и достаточно сложных, учитывающих различные аспекты деятельности предприятия моделей, например предложенных в [14; 15]. На наш взгляд, данный подход целесообразно использовать и для построения динамической модели развития торгового предприятия на основе роста стоимости. Используя принципы динамической сопоставимости и динамической соподчиненности, можно сопоставить результаты (показатели) хозяйственной деятельности анализируемого предприятия [15]:

- а) с общепринятыми нормами и стандартами для оценки эффективности корпоративного управления;
- б) с аналогичными данными за предыдущие годы для изучения тенденций улучшения или ухудшения экономического состояния предприятия;
- в) с аналогичными данными других предприятий, что позволяет выявить его возможности;
- г) с различными, неоднородными показателями анализируемого предприятия внутри того же временного интервала.

В соответствии с предлагаемым подходом развитие торгового предприятия может быть описано динамической моделью, в которой различные частные характеристики должны находиться в определенной соподчиненности. Поэтому задача сводится к построению системы показателей, характеризующих рост стоимости торгового предприятия, взаимоупорядоченных относительно друг друга по темпам роста. Таким образом, построение модели развития торгового предприятия базируется на модели роста стоимости торгового предприятия и предполагает расчет и динамическое сопоставление темпов роста различных показателей, которые входят в систему оценки фундаментальной стоимости торгового предприятия.

Понятие и структура фундаментальной стоимости торгового предприятия $V_{\Phi}(t)$ сформулированы автором в работах [6; 7], где показано, что она должна иметь четырехуровневую структуру и включать в себя балансовую, операционную, инвестиционную составляющие и составляющую стоимости динамической гибкости предприятия:

$$V_{\Phi}(t) = V_B + V_O + V_{II} + V_{ДГ}, \quad (5)$$

где V_B — балансовая составляющая фундаментальной стоимости торгового предприятия; V_O — операционная составляющая фундаментальной стоимости торгового

го предприятия; $V_{И}$ — инвестиционная составляющая фундаментальной стоимости торгового предприятия; $V_{ДГ}$ — составляющая динамической гибкости (потенциала) фундаментальной стоимости торгового предприятия.

Очевидно, что изменение фундаментальной стоимости будет определяться изменениями, достигнутыми по каждой составляющей стоимости:

$$\Delta V_{\Phi} = \Delta V_{Б} + \Delta V_{О} + \Delta V_{И} + \Delta V_{ДГ}, \quad (6)$$

Следовательно, темпы прироста фундаментальной стоимости будут определяться темпами прироста ее отдельных составляющих:

$$I(V_{\Phi}) = I(V_{Б})k_{ВБ} + I(V_{О})k_{ВО} + I(V_{И})k_{ВИ} + I(V_{ДГ})k_{ВДГ}, \quad (7)$$

где $I(V_{\Phi})$ — темп прироста фундаментальной стоимости предприятия; $I(V_{Б})$, $I(V_{О})$, $I(V_{И})$, $I(V_{ДГ})$ — темпы прироста i -й составляющей фундаментальной стоимости предприятия; $k_{ВБ}$, $k_{ВО}$, $k_{ВИ}$, $k_{ВДГ}$ — доля i -й составляющей в фундаментальной стоимости предприятия.

При анализе развития предприятия необходимо принимать во внимание, что темпы прироста различных составляющих стоимости должны зависеть от этапа жизненного цикла предприятия, что может являться отдельным направлением исследования. Анализируя возможные варианты роста стоимости торгового предприятия, представляется важным проанализировать динамику отдельных составляющих стоимости и провести их упорядочение с целью выстраивания цепочки.

Сравнение темпов прироста балансовой и операционной составляющих фундаментальной стоимости должно основываться на анализе их сущности. Балансовая стоимость представляет собой активы предприятия и отражает ресурсы, затрачиваемые на осуществление основной деятельности предприятия в виде инвестированного капитала, либо в виде величины чистых активов торгового предприятия, которые, безусловно, должны расти в процессе развития предприятия. Это является отражением фундаментального экономического требования — роста капитализации предприятия.

Операционная составляющая фундаментальной стоимости отражает результат деятельности предприятия в виде осуществления уставных видов деятельности и может быть представлена в виде свободного денежного потока, либо экономической прибыли. Очевидно, что темпы прироста операционной составляющей фундаментальной стоимости при интенсивном развитии предприятия должны быть выше, чем темпы роста балансовой стоимости, что отражает повышение эффективности использования имеющихся в распоряжении предприятия ресурсов.

Сопоставление темпов прироста операционной и инвестиционной составляющих фундаментальной стоимости может быть проведено на основе анализа отдачи от инвестиционных проектов. В общем случае основной вид деятельности — операционная деятельность — может рассматриваться как главный инвестиционный проект предприятия. С этой точки зрения, если внедрение инвестиционного проекта ведет к дополнительному росту свободного денежного потока, либо экономической прибыли, то очевидно, что темп роста инвестиционной составляющей будет больше, чем темп роста операционной составляющей фундаментальной стоимости. Кроме того, если рентабельность реализуемых инвестиционных проектов ниже рентабельности основной деятельности, то это отразится на общем темпе прироста стоимости и снизит ее. Следовательно, инвестиционная составляющая стоимости должна расти более высокими темпами роста, чем операционная стоимость.

И наконец, сопоставление темпов роста стоимости динамической гибкости в современных условиях, с точки зрения выполнения требований современных стандар-

тов управления, должно идти более высокими темпами, чем все основные виды стоимости, что будет свидетельствовать о накоплении ресурсного потенциала предприятия или его конкурентоспособности в многомерном пространстве показателей деятельности. Таким образом, базовая система условий устойчивого развития торгового предприятия может быть представлена в виде следующего неравенства:

$$I(V_{ДП}) > I(V_{И}) > I(V_{О}) > I(V_{Б}). \quad (8)$$

Графически неравенство (8) может быть представлено в виде схемы соотношения индексов изменения различных составляющих фундаментальной стоимости, представленной на рис. 1. Таким образом, темп прироста составляющей стоимости динамической гибкости должен опережать темп прироста инвестиционной составляющей стоимости, который в свою очередь должен быть выше темпа прироста операционной составляющей стоимости и темпа прироста балансовой составляющей стоимости соответственно.

На следующем этапе необходимо выполнить анализ каждой составляющей фундаментальной стоимости. Такой анализ может быть выполнен путем анализа системы факторов, от которых зависит каждая составляющая фундаментальной стоимости, что позволяет построить развернутую схему динамической упорядоченности факторов фундаментальной стоимости. При составлении иерархической упорядоченности факторов по каждой составляющей необходимо придерживаться определенных ограничений, не перегружая систему излишне подробной и глубокой системой показателей, что в итоге усложняет анализ состояния предприятия. Кроме того, необходимо учитывать ряд принципов, а именно: учет платности собственного капитала; уровень риска вложения собственного капитала выше, чем уровень риска вложения в заемный капитал, что требует более высокого уровня доходности.

Рассматривая балансовую составляющую стоимости, можно отметить, что опираясь на возможные варианты оценки балансовой составляющей стоимости в виде инвестированного капитала, можно построить следующую схему [6]: балансовая составляющая зависит от величины и темпов изменения инвестированного капитала (IC), а также от его структуры — темпов изменения собственного капитала (E) и темпов изменения заемного капитала (D), который может состоять из долгосрочных займов, краткосрочных займов, а также из кредиторской задолженности, которая для торговых предприятий зачастую может составлять существенную долю пассива. С другой стороны, инвестированный капитал вложен в активы предприятия (A), которые состоят из основных и оборотных активов. Интегральным показателем эффективности для балансовой составляющей может служить темп роста чистых активов, который по определению включает в свой состав все вышеуказанные элементы активов и пассивов.

Следовательно, иерархия сопоставимости и соподчиненности может быть представлена следующими показателями: темпом прироста чистых активов и темпом прироста инвестированного капитала. Это связано с тем, что чистые активы — это часть активов, которые покрываются за счет собственного капитала. Стоимость капитала собственника выше стоимости инвестированного капитала и это связано с тем, что собственник несет больший риск, чем инвестор, поэтому он требует большей величины возврата на капитал, т. е. больших темпов роста. Таким образом, для балансовой составляющей можно записать следующее базовое неравенство:

$$I(ЧА) > I(ИК) > 0, \quad (9)$$

где $I(ЧА)$, $I(ИК)$ — темп прироста чистых активов и инвестированного капитала торгового предприятия соответственно.

Операционная составляющая включает основные показатели деятельности торгового предприятия, которые формируют экономическую прибыль или до-

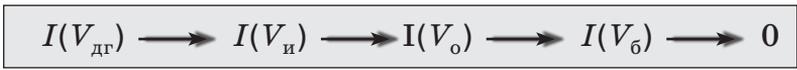

Рис. 1. Схема динамической упорядоченности составляющих фундаментальной стоимости

бавочную стоимость, либо свободный денежный поток, характеризующий отдачу на инвестированный капитал. С точки зрения целей нашего исследования предпочтительным в качестве итогового показателя является показатель экономической прибыли. Этот показатель формируется на основе следующей цепочки показателей: выручка, валовой доход, прибыль от реализации, чистая прибыль, экономическая прибыль. Порядок выстраивания данных показателей известен и неоднократно анализировался в различных работах, например в [13; 15; 16], поэтому здесь остановимся лишь на показателе экономической прибыли. По нашему мнению, темп прироста экономической прибыли $I(\text{ЭП})$ должен быть выше, чем темп прироста чистой прибыли $I(\text{ЧП})$, что характеризует повышение эффективности деятельности предприятия и свидетельствует о том, что на операционном уровне предприятие растет более высокими темпами, чем этого требует рынок. Базовое неравенство для составляющей операционной стоимости запишется следующим образом:

$$I(\text{ЭП}) > I(\text{ЧП}) > I(\text{ПрР}) > I(\text{ВД}) > I(\text{Вр}) > 0. \tag{10}$$

где $I(\text{ЭП})$, $I(\text{ЧП})$, $I(\text{ПрР})$, $I(\text{ВД})$, $I(\text{Вр})$ — темп прироста экономической прибыли, чистой прибыли, прибыли от реализации, валового дохода и выручки соответственно.

Анализ представленного неравенства позволяет заметить еще одну интересную особенность. В неравенство (10) неявным образом включена система микроэкономических рычагов — операционного и финансового.

Известно, что сила воздействия операционного рычага (левериджа) J_0 определяется как отношение темпов прироста прибыли от реализации $I(\text{ПрР})$ к темпам прироста валового дохода $I(\text{ВД})$ (для торгового предприятия) либо выручки $I(\text{Вр})$, а сила воздействия финансового рычага (левериджа) J_Φ определяется как отношение темпов прироста чистой прибыли $I(\text{ЧП})$ к темпам прироста прибыли от реализации $I(\text{ПрР})$.

На наш взгляд, здесь уместным будет говорить еще об одном рычаге — стоимостном J_c , который можно ввести как отношение темпов прироста экономической прибыли $I(\text{ЭП})$ к темпам прироста чистой прибыли $I(\text{ЧП})$, который характеризует качество стоимостного управления на операционном уровне (создание стоимости за один экономический цикл). По своему экономическому содержанию данный показатель будет показывать, на сколько процентов увеличится экономическая прибыль, если чистая прибыль увеличится на 1%. В таком случае сила воздействия сопряженного рычага будет показывать чувствительность экономической прибыли к изменению валового дохода и представлять собой произведение трех показателей:

$$J_{\text{сопр}} = J_0 \times J_\Phi \times J_c = \frac{I(\text{ПрР})}{I(\text{ВД})} \times \frac{I(\text{ЧП})}{I(\text{ПрР})} \times \frac{I(\text{ЭП})}{I(\text{ЧП})}. \tag{11}$$

Для характеристики эффективности создания инвестиционной составляющей, на наш взгляд, необходимо включить следующие показатели: инвестиции в реальные активы, чистый приведенный доход, рентабельность инвестиций. Показатели на этом уровне должны строиться в соответствии с подходом, представленным

в формуле (2). Таким образом, в блок входят сопоставимые показатели в таких отношениях: темп прироста чистого приведенного дохода $I(NPV)$ должен быть выше темпа прироста инвестиций в реальные активы $I(I)$, темп прироста рентабельности инвестиций $I(PI)$ должен быть выше темпа прироста чистого приведенного дохода. Базовое неравенство для инвестиционной составляющей фундаментальной стоимости запишется в виде:

$$I(PI) > I(NPV) > I(I) > 0. \quad (12)$$

Последний элемент фундаментальной стоимости — стоимость динамической гибкости — наиболее сложен для анализа с точки зрения разработки системы рычагов. К сожалению, единой общепризнанной методики в его оценке не существует, и это существенным образом затрудняет разработку динамической модели развития торгового предприятия. Вместе с тем общепризнанным является факт того, что составляющая динамической гибкости фундаментальной стоимости предприятия, если под ней подразумевается оценка стоимости интеллектуального, человеческого и сетевого капитала, должна возрастать, по сравнению с темпами роста капитала, задействованного в операционной деятельности. То есть темп прироста составляющей динамической гибкости должен быть выше, чем темп прироста от других составляющих. Второй важный момент заключается в том, что основные способы оценки интеллектуального капитала и его компонентов предполагают оценку доли добавленной стоимости, которую создает данный вид капитала. Очевидно, что эта доля должна расти в перспективе.

Наиболее простым и в то же время эффективным методом оценки величины интеллектуального капитала может служить методика *CIV*, разработанная Стюартом [19]. Заключается она в том, что учитывается рост стоимости нематериальных активов, но только тех, которые позволяют предприятию получать дополнительную прибыль, т. е. действительно являются активными конкурентными преимуществами. Расчет возможен только в случае, если рентабельность активов торгового предприятия превосходит среднеотраслевую рентабельность. Несмотря на ряд недостатков, данный показатель может быть положен в основу оценки интеллектуального капитала. В предельном случае бесконечного прогнозного периода общая стоимость интеллектуального капитала предприятия может быть определена как продисконтированная по средневзвешенной стоимости капитала *WACC* сумма будущих остаточных операционных прибылей *REOI*, генерируемых нематериальными активами предприятия:

$$CIV = \frac{REOI}{WACC}. \quad (12)$$

Остаточная операционная прибыль определяется как разница между доналоговой рентабельностью активов предприятия и среднеотраслевой рентабельностью активов, скорректированная на среднюю эффективную налоговую ставку.

Для учета стоимости динамической гибкости торгового предприятия в динамической модели предлагается использовать следующее неравенство:

$$I(ИнК) > 0. \quad (13)$$

где $I(ИнК)$ — темп прироста интеллектуального капитала предприятия.

Итоговая система неравенств, определяющих динамическую модель развития торгового предприятия, запишется следующим образом:

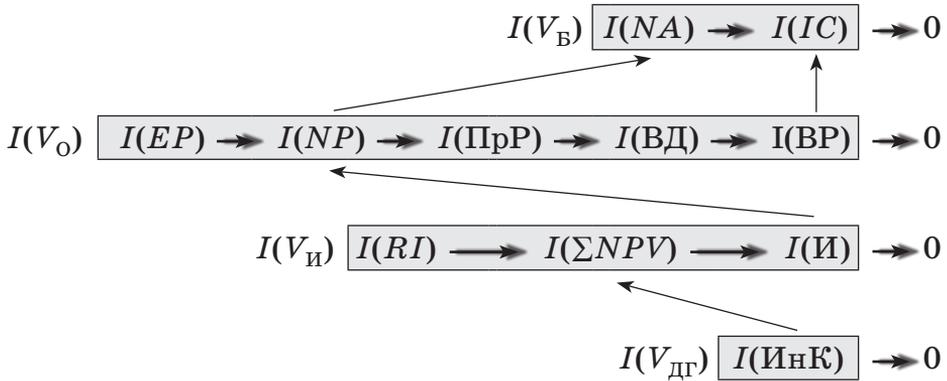

Рис. 2. Динамическая модель развития торгового предприятия на основе роста стоимости

$$\left. \begin{aligned}
 &I(\text{ЧА}) > I(\text{ИК}) > 0; \\
 &I(\text{ЭП}) > I(\text{ЧП}) > I(\text{ПрР}) > I(\text{ВД}) > I(\text{ВР}) > 0; \\
 &I(\text{РИ}) > I(\text{NPV}) > I(\text{И}) > 0; \\
 &I(\text{ИНК}) > 0.
 \end{aligned} \right\} \quad (14)$$

Между цепочками показателей также может быть установлена определенная упорядоченность. Здесь необходимо учитывать то, на какой вид капитала приходится тот или иной показатель — на весь инвестированный капитал, либо только на капитал собственника. Это позволит сделать модель более жесткой.

На основе представленной модели с использованием подхода, развитого в работах А. С. Тонких, может быть построена матрица связности, отражающая структуру модели, заданную неравенствами (14). В модель входит 11 показателей. Следовательно, может быть составлена матрица размером 11 на 11 элементов, каждый элемент которой отвечает за наличие и характер связи между двумя элементами системы (14) (рис. 2).

Эталонная матрица может использоваться в качестве эталона, отражающего степень достижения идеальных темпов роста и, как следствие, сбалансированного развития предприятия. Таким образом, на основе подхода динамической упорядоченности и соподчиненности нами разработана динамическая модель развития торгового предприятия, которая позволяет оценивать результативность управления развитием, а также контролировать правильность принятых управленческих решений.

Литература

1. Дамодаран А. Инвестиционная оценка. Инструменты и техника оценки любых активов: пер. с англ. М. : Альпина Бизнес Букс, 2004.
2. Когденко В. Г., Мельник В. М. Управление стоимостью компании. Ценностно-ориентированный менеджмент. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
3. Кокин А. С., Чельюк О. Р. Разработка стратегии развития компании на базе концепции управления стоимостью // Экономический анализ: теория и практика. 2007. № 12 (93). С. 11–20.
4. Кудина М. В. Теория стоимости компании. М. : ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2010.
5. Николаевская О. А. Стоимостная оценка эффективности управления компанией: монография. М. : ИД «БИБЛИО-ГЛОБУС», 2013.

6. Пирогова О.Е. Иерархическая система показателей стоимости в системе управления развитием торгового предприятия // Экономика и право. 2016. № 4. С. 43–49.
7. Пирогова О.Е. Формирование системы факторов стоимости торгового предприятия на основе модели фундаментальной стоимости // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. № 4. С. 41–50.
8. Плотников В.А. Выбор модели экономического развития Российской Федерации: патернализм или либерализм // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2006. № 1. С. 147–150.
9. Соловейчик К.А., Аркин П.А., Бородина В.П. Архитектура финансов: организационный механизм взаимодействия финансового и реального секторов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 1 (91). С. 18–25.
10. Соломатин А.Н. Комплексная оценка эффективности деятельности торгового предприятия // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практика. Серия «Экономика и право». 2013. № 12. С. 36–41.
11. Сыроежин И.М. Методологические аспекты моделирования экономических интересов : учеб. пособие. Л. : ЛФЭИ, 1983.
12. Танда А.К. Разработка стратегической модели управления рисками корпорации как способ повышения эффективности финансирования инвестиционной деятельности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 6. С. 141–144.
13. Теплова Т.В. Инвестиционные рычаги максимизации стоимости компании. Практика российских предприятий. М. : Вершина, 2008.
14. Тонких А.С. Построение модели экономического роста предприятия нефтяной промышленности. Екатеринбург; Ижевск : 2012.
15. Тонких А.С. Финансовые аспекты управления корпоративными ресурсами. Екатеринбург; Ижевск; Глазов, 2005.
16. Чернозуб О.В. Жизнь после кризиса. Стоимостной подход к управлению частной компанией. М. : Альпина Паблишер, 2009.
17. Чистов Л.М. Оптимизация управления социально-экономическими системами : в 2-х ч. СПб. : СПбГУ, 1999.
18. Швец С.К. Прогнозная оценка рисков стоимости компании с использованием технологии CorporateMetrics // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 6. С. 33–40.
19. Stewart T.A. Intellectual Capital — The New Wealth of Organizations. Doubleday. New York : 1997. P. 67.

References

1. Damodaran A. *Investment assessment. Tools and technique of assessment of any assets* [Investitsionnaya otsenka. Instrumenty i tekhnika otsenki lyubyykh aktivov]: translation from English. М. : Alpina Business Books, 2004. (rus)
2. Kogdenko V.G., Melnik V.M. *Management of the cost of the company. Value-oriented management* [Upravlenie stoimost'yu kompanii. Tsennostno-orientirovannyi menedzhment]. М. : UNITY-DANA, 2009. 264 p. (rus)
3. Kokin A.S., Chepyuk O.R. *Development of the strategy of the company on the basis of the concept of management of cost* [Razrabotka strategii razvitiya kompanii na baze kontseptsii upravleniya stoimost'yu] // Economic analysis: theory and practice [Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika]. 2007. No. 12 (93). p. 11–20. (rus)
4. Kudina M.V. *Theory of cost of the company* [Teoriya stoimosti kompanii]. М. : Publishing houses "FORUM": INFRA-M, 2010. 368 p. (rus)
5. Nikolaevskaya O.A. *Cost assessment of effective management of the company* [Stoimostnaya otsenka effektivnosti upravleniya kompaniei]: monograph. М. : Publishing house "BIBLIO-GLOBUS", 2013. 256 p. (rus)
6. Pirogova O.E. *Hierarchical system of cost indexes in a control system of development of trade enterprise* [Ierarkhicheskaya sistema pokazatelei stoimosti v sisteme upravleniya razvitiem torgovogo predpriyatiya] // Economy and Law [Ekonomika i pravo]. 2016. No. 4. P. 43–49. (rus)
7. Pirogova O.E. *Formation of system of factors of cost of trade enterprise on the basis of model of fundamental cost* [Formirovanie sistemy faktorov stoimosti torgovogo predpriyatiya]

- na osnove modeli fundamental'noi stoimosti] // News of Southwest State University [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta]. 2015. No. 4. P. 41–50. (rus)
8. Plotnikov V. A. *Choice of model of economic development of the Russian Federation: paternalism or liberalism* [Vybor modeli ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: paternalizm ili liberalism] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2006. No. 1. P. 147–150. (rus)
 9. Soloveyichik K. A., Arkin P. A., Borodina V. P. *Architecture of finance: organizational mechanism of interaction of financial and real sectors* [Arkhitektura finansov: organizatsionnyi mekhanizm vzaimodeistviya finansovogo i real'nogo sektorov] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2015. No. 1 (91). P. 18–25. (rus)
 10. Solomatina A. N. *Complex assessment of efficiency of activity of trade enterprise* [Kompleksnaya otsenka effektivnosti deyatel'nosti trgovogo predpriyatiya] // Modern science: Urgent problems of the theory and practice. Economy and Law series [Sovremennaya nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktika. Seriya «Ekonomika i pravo»]. 2013. No. 12. P. 36–41. (rus)
 11. Syroyezhin I. M. *Methodological aspects of modeling of economic interests* [Metodologicheskie aspekty modelirovaniya ekonomicheskikh interesov]. Tutorial. L. : LFEI, 1983. 69 p. (rus)
 12. Tanda A. K. *Development of strategic model of risk management of corporation as way of increase in efficiency of financing of investment activity* [Razrabotka strategicheskoi modeli upravleniya riskami korporatsii kak sposoba povysheniya effektivnosti finansirovaniya investitsionnoi deyatel'nosti] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2015. No. 6. P. 141–144. (rus)
 13. Teplova T. V. *Investment levers of maximizing cost of the company. Practice of the Russian enterprises* [Investitsionnye ryuchagi maksimizatsii stoimosti kompanii. Praktika rossiiskikh predpriyatii]. M. : Top [Vershina], 2008. 236 p. (rus)
 14. Tonkih A. S. *Creation of model of economic growth of the enterprise of oil industry* [Postroeniye modeli ekonomicheskogo rosta predpriyatiya neftyanoi promyshlennosti] / A. S. Tonkih, A. S. Ostaltsev. Yekaterinburg; Izhevsk, 2012. 36 p. (rus)
 15. Tonkih A. S. *Financial aspects of management of corporate resources* [Finansovye aspekty upravleniya korporativnymi resursami]. Yekaterinburg; Izhevsk; Glazov, 2005. 77 p. (rus)
 16. Tchernozub O. V. *Life after crisis. Cost approach to management of the private company* [Zhizn' posle krizisa. Stoimostnoi podkhod k upravleniyu chastnoi kompaniei]. M. : Alpina Publisher, 2009. 246 p. (rus)
 17. Chistov L. M. *Optimization of management of social and economic systems* [Optimizatsiya upravleniya sotsial'no-ekonomicheskimi sistemami]. In 2 parts. SPb. : St. Petersburg State University [SPbGU], 1999. (rus)
 18. Shvets S. K. *Projection of risk cost of the company with use of CorporateMetrics technology* [Prognoznaya otsenka riskovoi stoimosti kompanii s ispol'zovaniem tekhnologii CorporateMetrics] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2015. No. 6. P. 33–40. (rus)
 19. Stewart T. A. *Intellectual Capital – The New Wealth of Organizations*. Doubleday. New York : 1997. P. 67.

К вопросу управления рисками инновационного проекта (на примере таможенной сферы Российской Федерации)

Куклина Евгения Анатольевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры экономики и финансов
Руководитель образовательного направления «Экономическая безопасность»
Доктор экономических наук, доцент
kuklina-ea@sziu.ru

Стафеева Наталья Петровна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры экономики и финансов
pitosha90@yahoo.com

РЕФЕРАТ

Достижение стратегических целей России связано с созданием инновационной экономики и реализацией инновационных проектов. Разработка и реализация инновационных проектов во всех сферах является фундаментом обеспечения как национальной, так и экономической безопасности государства. Инновационные проекты являются источниками возникновения особых рисков, поэтому процесс управления рисками требует применения специальных методов. В статье проблемное поле логистики рассматривается в разрезе функционирования таможенной и околотаможенной сфер, а компьютерно-программный сектор системы «таможня-бизнес» рассматривается в качестве перспективной платформы для внедрения инноваций. Приводятся основные признаки инновационных проектов, дается классификация рисков функционирования таможенной и околотаможенной сфер. На основе анализа возможности совершенствования системы управления рисками (СУР) формулируются конкретные рекомендации. Для целей оптимизации работы таможенной компоненты предлагается включение дополнительных этапов в функционирование СУР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

национальная безопасность, глобализация, успешность, инновационный проект, таможенная сфера, околотаможенное пространство, логистика, система «таможня-бизнес», риск, система управления рисками, риск-менеджмент

Kuklina E. A., Stafeeva N. P.

On a Question of Risk Management of the Innovative Project (on the Example of the Customs Sphere of the Russian Federation)

Kuklina Evgenia Anatolievna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Economics and Finance
Head of the Educational Program "Economic Security"
Doctor of Science (Economy), Associate Professor
kuklina-ea@sziu.ru

Stafeeva Natalya Petrovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate student of the Chair of Macroeconomic Regulation
pitosha90@yahoo.com

ABSTRACT

The achievement of Russia's strategic purpose is way in innovative economy and at the realization innovative project. Development and realization of innovative projects in all spheres are national and economic base for the state safety. Innovative projects are source of the special risks developing, because the process of risk management demands special methods. In article the problem of logistics is considered as the customs and business spheres functions and the IT sector of this system is considered as the perspective platform for introduction of innovations. Else, authors gives the main signs of innovative projects, the classification of supply chain risks, the concrete recommendations on improvement the risk management system and inclusion of additional stages in it.

KEYWORDS

state safety, globalization, success, innovative project, customs sphere, business space, logistics, system «customs — business», risk, risk management system, risk management

В настоящее время первостепенное значение для Российской Федерации приобретает восстановление роли государства для адекватных ответов на вызовы глобализации и ее угрозы, снижения рисков и неопределенности социально-экономического развития в целях обеспечения национальной безопасности. В данном контексте необходимо отметить, что в соответствии с одним из подходов к количественному определению национальной безопасности на основе показателя «подтвержденной» национальной мощи, на нее воздействуют две группы факторов [10]:

- объективные (количественные) факторы — население, территория, экономические возможности, военная сила;
- субъективные (качественные) факторы — коэффициент национальной стратегии, воля к достижению национальной стратегии.

Дальнейшее развитие количественных методов определения национальной безопасности в XX в. было связано с реализацией подхода японских ученых на основе показателя *индекс национальной силы*. Согласно такому подходу, национальная сила государства определяется его способностью: вносить вклад в международное сообщество, в его экономическую, финансовую и научно-техническую деятельность; выживать в экстремальных международных условиях; продвигать и отстаивать свои национальные интересы [9]. Указанные составляющие исчислялись в виде индексов, которые агрегировались в комплексный индекс. Согласно данному исследованию индекс «комплексной национальной силы» (как средневзвешенная оценка по трем перечисленным показателям) для СССР составил 77%, что существенно выше аналогичных показателей для таких стран, как Япония, Франция, Великобритания и ФРГ. При этом итоговая оценка «способности к выживанию» СССР была максимальной для всех рассмотренных стран, включая и США (119 против 100), а по компоненту «наука и технология» страна проигрывала только США (79 против 100) (табл.).

В соответствии с подходом С. С. Сулакшина, успешность страны — это степень достижения ее целей [7]. В настоящее время достижение стратегических целей Российской Федерации связано в том числе с созданием инновационной экономики, реализацией инновационных проектов, которые следует рассматривать как залог и фундамент обеспечения как национальной, так и экономической безопасности государства. Инновационный потенциал Российской Федерации, наряду с наличием технологических цепочек и товарным дизайном, эксперты Всемирного экономического форума считают сравнительно сильными сторонами российских предприятий; к сильным сторонам российской предпринимательской среды эксперты относят также высокий уровень научно-исследовательских институтов, качество инженеров, конструкторов и ученых [1, с. 651].

Ни в коей мере не умаляя значения и роли количественных факторов воздействия, с большой долей вероятности можно полагать, что в современном мире все

Компоненты показателя и комплексный индекс «национальной силы» государства, 1985 г.

Компоненты показателя	Япония	США	Англия	ФРГ	Франция	СССР
I. Способность вносить вклад в мировое сообщество						
1. Базовый потенциал	51	100	14	31	14	35
1.1. Экономическая сила	50	100	17	34	17	30
1.2. Финансовая мощь	57	100	11	37	11	0
1.3. Наука и технология	47	100	13	21	13	79
2. Возможности реализации базового потенциала в мировом масштабе	77	98	95	94	100	77
2.1. Валютно-финансовые ресурсы	72	81	100	79	89	93
2.2. Консенсус по вопросам международной политики	54	52	66	96	100	24
2.3. Способность действовать на международной арене	63	100	67	67	67	62
Итоговая оценка	61	100	43	54	45	50
II. Способность к выживанию						
1. Географические условия	24	100	23	7	16	206
2. Численность населения	51	100	23	26	23	117
3. Природные ресурсы	8	100	64	34	36	103
4. Экономическая сила	62	100	32	58	29	36
5. Оборонительная сила	7	100	10	10	11	100
6. Национальная мораль	100	98	88	89	83	96
7. Дипломатия и сотрудничество в области обороны	100	88	95	85	95	178
Итоговая оценка	56	100	52	49	47	119
III. Возможность силового давления						
1. Военная сила	0	100	33	10	57	86
2. Стратегические материалы и технология	50	100	11	17	16	59
3. Экономическая власть	43	100	39	36	32	23
4. Дипломатические возможности	23	100	58	50	51	97
Итоговая оценка	24	100	35	24	42	70
Индекс «комплексной национальной силы», %	47	100	43	42	45	77

Источник: [9, с. 114]

большее значение на обеспечение национальной безопасности приобретают качественные факторы воздействия, а также положительная динамика и темпы их изменения. В современных условиях глобализации, когда в мировой научно-методологический оборот закономерно введено понятие «глобальное государство», национальную безопасность страны, по нашему мнению, следует идентифицировать с ее успешностью в глобальном масштабе, или, если угодно, с *глобальной успешностью*.

Наиболее интенсивная инновационная деятельность, как правило, осуществляется на высокотехнологических предприятиях (ВТ-предприятиях), что способствует расширению старых и созданию новых рынков сбыта, наиболее эффективному использованию ресурсов. Результаты НИОКР, внедряемые на ВТ-предприятиях, способствуют развитию других отраслей и всей экономики, но инновационная деятельность осуществляется не только на ВТ-предприятиях: сферой разработки и внедрения инноваций может стать любое предприятие, включая и непроизводственную сферу.

Если обратиться к трудам Й. Шумпетера, который еще в 1911 г. впервые описал инновационный процесс, то необходимо вспомнить понятие так называемых «новых комбинаций», которые представляют собой пять типов изменений [8]. Один из вариантов таких изменений — это организационные изменения, изменения в управлении, т. е. управленческие инновации, которые могут быть достаточно эффективны при относительно невысоких затратах на их реализацию. Большинство исследователей, тем не менее, уделяют внимание изучению технологических инноваций, которые являются прямой характеристикой интенсивности развития производства.

Исследования в области инновационного развития и управления инновациями нашли отражение в работах таких зарубежных ученых как П. Друкер, Й. Шумпетер, Я. Корнаи, Б. А. Лундвалл, Г. Менш, Р. Нельсон, Ф. Никсон, Д. Норт, М. Портер, П. Ромер, Б. Санто, Р. Солоу, Г. Тард, Б. Твисс, К. Фримэн и др. Достаточно многочисленны отечественные исследования по широкому спектру проблем инноваций, в числе которых необходимо отметить труды А. А. Алексеева, Л. И. Абалкина, С. В. Валдайцева, С. Ю. Глазьева, П. Н. Завлина, А. К. Казанцева, Л. Э. Миндели, А. И. Пригожина, А. И. Татаркина, А. Г. Шеломенцева, Ю. В. Яковца и др. Однако несмотря на достаточно высокий уровень теоретического познания сущности инновационных процессов, достигнутая степень их изучения относительно управления рисками инновационных проектов не может быть признана соответствующей современному состоянию и проблемам российской экономики, что и делает актуальным исследование в области риск-менеджмента инноваций.

Содержание инновационной деятельности представляет собой процесс разработки и реализации инновационного проекта, основными признаками которого являются:

1. Риск среды принятия решения относительно конечных результатов реализации.
2. Новизна проекта.
3. Изменения как основное содержание проекта.
4. Неповторимость.
5. Конкретная цель реализации проекта, ограниченная во времени.
6. Временная ограниченность продолжительности реализации проекта.
7. Ограниченность требуемых ресурсов.
8. Бюджет, относящийся к проекту.
9. Комплексность решения проблемы.
10. Выделение сферы проекта в сфере взаимодействия организации и рынка.
11. Многокритериальность принятия решения.

Инновационные проекты являются источниками возникновения особых рисков, а процесс управления рисками требует, соответственно, применения специальных методов. В данном контексте необходимо отметить, что многие исследователи, говоря о рисках инновационных проектов, рассматривают, зачастую, инвестиционные риски. Так, например, А. М. Кушнир предлагает общую классификацию *инвестиционных рисков инновационных* проектов по таким классификационным признакам, как их масштаб, время принятия рискового решения и т. д. [2, с. 66].

Таможенная сфера и околотамуженное пространство, по нашему мнению, является полноправным участником инновационной деятельности, а компьютерно-программный сектор системы «таможня-бизнес» может рассматриваться в качестве перспективной и успешной платформы для внедрения инноваций. Сегодня, когда правительство Российской Федерации реализует политику подъема национальной экономики и переноса акцента с добывающих на развитие обрабатывающих отраслей, таможенные органы сталкиваются с проблемой несовершенства и неактуальности сложившейся схемы работы.

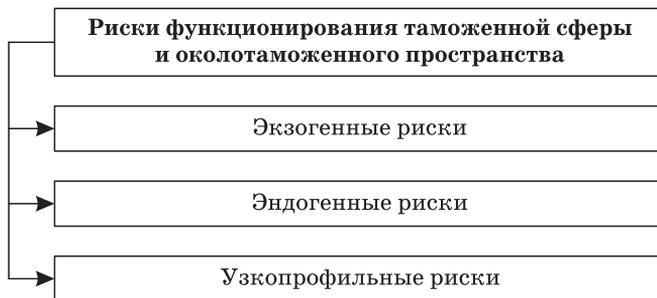
В проекции развития IT-технологий, выдвигающихся на международный рынок, развития логистики до уровня 5PL-провайдеров, повсеместного использования интернет-ресурсов, необходимо рассматривать пять проблемных плоскостей модели, которые являются «фундаментом» функционирования таможенной среды: кадры; таможенные операции и таможенный контроль; система управления рисками; взаимодействие между руководством, отделами и таможенными постами; организация рабочего пространства [4]. Предметом исследования в настоящей статье являются проблемы управления рисками, учитывая их исключительную важность для эффективной реализации инновационных проектов.

Рассматривая проблемное поле логистики в разрезе функционирования таможенной и околотамуженной сфер, можно выделить три группы (класса) рисков: *экзогенные риски*, «завязанные» на транспортно-логистическом кластере; *эндогенные риски*, базирующиеся на внутренних аспектах таможенной сферы; *узкопрофильные риски*, связанные с выявлением рисков поставок (рис. 1).

Анализ современной системы управления рисками (СУР), используемой в деятельности таможенной службы Российской Федерации, показал, что в данной сфере актуальна только третья группа риска, т. е. функционирование СУР направлено исключительно на выявление рисков поставок, которые могут принести экономический ущерб государству [5]. Данная ситуация, по нашему мнению, не может быть признана нормальной и требует кардинального изменения.

В настоящее время торговля внутри ЕЭП, по результатам опроса предприятий-экспортеров, является достаточно открытой, при этом одним из основных барьеров, создающим ограничения в торговле, являются технические барьеры [3, с. 85]. Среди них наибольшее влияние оказывает необходимость тестирования и сертификации продукции, а также соблюдения производственных стандартов. Решение этой проблемы нам видится во взаимном признании процедур оценки соответствия продукции, не охваченной техническими регламентами ТС, в использовании международных стандартов и гармонизации правил и норм маркировки, упаковки и этикетирования в рамках ТС.

В перспективе основными негативными и угрожающими факторами может быть сокращение вероятности создания единого безграничного рынка и демпингование цен (для многих компаний речь идет уже не о сохранении контроля над определенным рынком, а о возможности сохранения присутствия в отдельных сегментах мирового рынка своей товарной позиции), монополизация, «наводнение» рынка дешевой некачественной продукцией-аналогом. В связи с этим негативным факторам воздействия подвергнутся и фундаментальные инновационные решения в таможенной сфере, а именно — развитие института «таможня-бизнес», основные направления

Классификация рисков функционирования
таможенной и околотаможенной сферы

деятельности которого предусматривают активизацию мировой торговли, обнаружение поставок «высокого риска» и базируются на шести стандартах (партнерство, коммуникация, безопасность, уполномочивание, облегчение, технология).

По нашему мнению, основными направлениями внедрения новейших технологий на перспективу должны стать, во-первых, СУР и, во-вторых, система таможенного контроля (по направлению разработки более совершенных средств таможенного контроля) [6]. Поскольку таможенный контроль базируется на механизме СУР, нами предлагается приоритетное рассмотрение возможности совершенствования именно этой сферы. Риск-менеджмент является постоянно развивающимся элементом таможенной составляющей, которая складывается в систему, проходящую в своей работе четыре этапа: сбор и обработка информации; выявление и анализ риска; разработка и реализация мер по минимизации риска; обобщение результатов применения мер и подготовка предложений.

Итоговым результатом становится критерий (индикатор) с заранее заданными параметрами, отклонение от которых и позволяет выбрать объект контроля. Именно их совокупность, охватывающая все возможные рисковые ситуации, доведенная до автоматической работы, и является основной целью развития СУР, что требует введения в данную отрасль таких новейших технологий, как увеличение числа этапов СУР, внедрение системы менеджмента качества, переход к автоматическим профилям риска. Наши предложения по минимизации рисков базируются на следующих трех принципах:

- *осведомленность* — должностные лица таможенных органов (ДЛТО) должны знать «где?», «когда?», «каким образом?» они могут получить информацию о данной поставке;
- *открытость* участника ВЭД — возможность доступа ДЛТО к коммерческой информации и базам данных;
- *укрепление стандартов взаимодействия* «таможенная администрация — таможенная администрация» (стандарты «первой опоры»).

На этапе оптимизации работы таможенной компоненты нами предлагается внедрить дополнительно три этапа в функционирование СУР: оценку риска и расстановку приоритетов, приготовление / профиль и нацеливание, а также расширить имеющиеся — идентификация риска, анализ риска, покрытие / лечение, оценка результатов / обратная связь.

Идентификация риска предполагает не только сбор и обработку информации, но и расширяет первый этап до границ распознавания образов, образования аналогий, обобщения и классификации (например, установление перечня товаров высокого риска). После получения необходимых данных предполагается: выполнить

анализ риска, направленный на выявление условий и факторов, влияющих на риск; определение операций, при осуществлении которых существует вероятность нарушения таможенного законодательства; выявление объекта анализа, критериев и параметров риска; установление индикаторов и оценка величины ущерба.

Анализ предполагает большое поле для работы, поэтому третьим этапом предлагается расставить приоритеты для выбранных направлений и, тем самым, сузить выбор цели. Для этого необходимо разработать набор критериев, которые позволяют отнести поставку к категории рисков. Совмещение информации о товарах высокого риска и установленных критериев позволит назначить приоритет (высокий, средний, низкий) и подготовить профиль риска, который впоследствии будет нацелен на аналогичные, либо схожие цепочки поставок.

Последние этапы применения и оценки результатов предлагается базировать на системе менеджмента качества. Система менеджмента качества содержит стандарты, т. е. документы, устанавливающие требования, спецификации, руководящие принципы или характеристики, в соответствии с которыми могут использоваться материалы, продукты, процессы и услуги, которые подходят для этих целей.

Усложнение СУР за счет увеличения числа этапов и расширения некоторых из них, внедрение системы менеджмента качества, базирующейся на стандартах ISO, требует разработки компьютерно-программного средства, которое позволит полностью автоматизировать весь процесс (от сбора информации до анализа результатов), что позволит не только облегчить работу таможенной компоненты, но и сократит вероятность проявления коррупционной составляющей.

Таким образом, разработка и реализация инновационных проектов в области управления рисками позволит укрепить не только таможенные рычаги управления, но и обеспечить безопасность и конкурентоспособность внутреннему рынку страны, а значит — повысить успешность России как великой державы современности.

Литература

1. Кудров В. М. Экономика России в мировом контексте. СПб. : Алетейя; М. : ГУ ВШЭ, 2007.
2. Кушнир А. М. Управление рисками инновационных проектов: системный подход // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Сер. 1. Экономика и управление. 2012. № 1. С. 65–71.
3. Оценка влияния нетарифных барьеров в ЕАЭС: результаты опросов предприятий / Е. Ю. Винокуров и др. ЦИИ ЕАБР, 2015.
4. Стафеева Н. П. Проблемы инновационного развития организационных форм совершения таможенных операций и осуществления таможенного контроля на МАПП в проекции современных тенденций и возможностей // Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 6 (1). С. 14–20.
5. Стафеева Н. П. Проблемы организации, функционирования и развития системы управления рисками в рамках института «Таможня — предпринимательское сообщество» // Современное экономическое и социальное развитие: проблемы и перспективы. Вып. XVII. сб. науч. трудов. СПб. : ИНИР, 2014–2015. С. 597–602.
6. Стафеева Н. П., Афонин П. Н. Логистические аспекты организации осуществления таможенных операций с использованием таможенно-логистических терминалов // Таможенные чтения — 2014. Актуальные проблемы теории и практики таможенного дела. СПб. : Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал РТА, 2014. С. 97.
7. Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э. Россия: вызовы дня : сб. докладов. М. : Наука и политика, 2015.
8. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. М. : Директмедиа Пабблишинг, 2008. 401 с.
9. Японская экономика в преддверии XXI века: Становление конкурентного корпоративно государственного капитализма / отв. ред. В. К. Зайцев, Я. А. Певзнер, В. Б. Рамзес. М. : Наука, 1991. 405 с.
10. Cline R. S. World power assessment: A calculus of strategic drift. Boulder : Westview Press, 1977.

References

1. Kudrov V.M. *Economy of Russia in a world context* [Ekonomika Rossii v mirovom kontekste]. SPb. : Alethea [Aleteiya]; M. : SU HSE [GU VShE], 2007. 736 p. (rus)
2. Kushnir A.M. *Risk management of innovative projects: system approach* [Upravlenie riskami innovatsionnykh proektov: sistemnyi podkhod] // Messenger of the Moscow University of S. Yu. Witte. Series 1. Economy and management [Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Ser. 1. Ekonomika i upravlenie]. 2012. N 1. P. 65–71. (rus)
3. *Assessment of influence of non-tariff barriers in EEU: results of polls of the enterprises* [Otsenka vliyaniya netarifnykh bar'erov v EAES: rezul'taty oprosov predpriyatii] / E. Yu. Vinokurov, etc. SRI EDB [TsII EABR], 2015. 96 p. (rus)
4. Stafeeva N.P. *Problems of innovative development of organizational forms of commission of customs operations and implementation of customs control on MAPP in a projection of current trends and opportunities* [Problemy innovatsionnogo razvitiya organizatsionnykh form soversheniya tamozhennykh operatsii i osushchestvleniya tamozhennogo kontrolya na MAPP v proektsii sovremennykh tendentsii i vozmozhnostei] // Economy and management: yesterday, today, tomorrow [Ekonomika i upravlenie: vchera, segodnya, zavtra]. 2016. N 6(1). P. 14–20. (rus)
5. Stafeeva N.P. *Problems of the organization, functioning and development of a control system of risks within "Customs – Enterprise Community" Institute* [Problemy organizatsii, funktsionirovaniya i razvitiya sistemy upravleniya riskami v ramkakh instituta «Tamozhnya — predprinimatel'skoe soobshchestvo»] // Modern economic and social development: problems and prospects [Sovremennoe ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitiye: problemy i perspektivy]. Release XVII. Collection of scientific works. SPb. : INID [INIR], 2014–2015. P. 597–602. (rus)
6. Stafeeva N.P., Afonin P.N. *Logistic aspects of the organization of implementation of customs operations with use of customs and logistic terminals* [Logisticheskie aspekty organizatsii osushchestvleniya tamozhennykh operatsii s ispol'zovaniem tamozhenno-logisticheskikh terminalov] // Customs readings – 2014. Urgent problems of the theory and practice of customs affairs [Tamozhennyye chteniya — 2014. Aktual'nye problemy teorii i praktiki tamozhennogo dela]. SPb. : St. Petersburg named by V.B. Bobkov brunch of the Russian Customs Academy [Sankt-Peterburgskii imeni V.B. Bobkova filial RTA], 2014. P. 97. (rus)
7. Sulakshin S.S., Bagdasaryan V.E. *Russia: calls of day* [Rossiya: vyzovy dnya]. Collection of reports. M. : Science and policy [Nauka i politika], 2015. 272 p. (rus)
8. Schumpeter J.A. *The theory of economic development: an inquiry into profits, capital, credit, interest, and the business cycle* [Teoriya ekonomicheskogo razvitiya]. M. : Directmedia Publishing, 2008. 401 p. (rus)
9. *Japanese economy on the eve of the 21st century: Formation of competitive corporate and state capitalism* [Yaponskaya ekonomika v preddverii XXI veka: Stanovlenie konkurentnogo korporativno-gosudarstvennogo kapitalizma] / executive edition of V. K. Zaytsev, Ya. A. Pevzner, V.B. Ramses. M. : Science [Nauka], 1991. 405 p. (rus)
10. Cline R. S. *World power assessment: A calculus of strategic drift*. Boulder: Westview Press, 1977.

Российско-японские торгово-экономические отношения: положение и перспективы

Ян Цзюньдун

Институт Северо-Восточной Азии Тяньцзиньской Академии общественных наук (Китайская Народная Республика)
Научный сотрудник
yangjundong13@163.com

РЕФЕРАТ

Для России отношения с Японией как в советский период, так и после распада СССР и образования Российской Федерации были и остаются предметом значительного экономического интереса. Связи с Японией имеют для Российской Федерации особое значение, поскольку по своему формату они выделяются из общей системы международных отношений РФ с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. Их особенностью является то, что, несмотря на постоянное нахождение Японии в группе основных торгово-экономических партнеров России, межгосударственные отношения вследствие остающейся неурегулированной после окончания Второй мировой войны территориальной проблемы сохраняют сложный характер. В известной мере отрицательное влияние на экономические связи между двумя странами оказывают последствия «холодной войны», во время которой страны находились во враждующих военно-политических группировках. Основная задача статьи — выявление и оценка тенденций торгового и инвестиционного сотрудничества между двумя странами, а также определение проблем, мешающих их развитию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международные экономические отношения, российско-японские отношения, перспективы развития российско-японских отношений

Yang Jundong

Russian-Japanese Trade and Economic Relations: Provision and Prospects

Yang Jundong

Tianjin Institute Academy of social sciences of Northeast Asian Studies (People's Republic of China)
Research Associate
yangjundong13@163.com

ABSTRACT

For Russia the relations with Japan both during the Soviet period and after the collapse of the USSR and formation of the Russian Federation were and remain a subject of considerable economic interest. Communications with Japan have for the Russian Federation special value as on the format they are allocated from general system of the international relations of the Russian Federation with the states of the Pacific Rim. Their feature is that despite fixed finding of Japan in group of the main trade and economic partners of Russia, the interstate relations, owing to the remaining World War II of a territorial problem which isn't settled after the termination, keep difficult nature. To a certain extent negative impact on commercial ties between two countries is exerted by consequences of «cold war» during which the countries were in the conflicting military-political groups. The main objective of article — identification and assessment of tendencies of a trade and investment cooperation between two countries, and also determination of the problems interfering their development.

KEYWORDS

trade, investment, Russia, Japan, international economic relations, Russian-Japanese relations, prospects of development of Russian-Japanese relations

Товарооборот между Россией и Японией

В сложных для России условиях 90-е гг. XX в. Япония пыталась жестко увязать экономический и политический аспекты межгосударственных отношений. В Токио рассчитывали на то, что потребность России в японской финансово-экономической помощи заставит ее пойти на уступки в территориальном споре. Выдвигались концепции «сэйкэй фукабун» (неразделимость политики и экономики) и «какудай кинко» (расширяющегося баланса). Постепенно эти связи стабилизировались, а после преодоления российской экономикой последствий кризиса 1998 г. товарооборот между двумя странами постоянно увеличивался, достигнув в 2008 г. 29,6 млрд долл, что в 7,7 раза превзошло показатель 1998 г.¹ Это позволило России стать вторым по важности торговым партнером Японии в Европе после ФРГ и занять 13-е место среди японских внешнеэкономических партнеров. При этом на первых трех местах расположились Китай, США и Южная Корея.

Однако в 2009 г. в результате разразившегося в мировой экономике финансового кризиса ситуация как в российской, так и в японской экономиках резко ухудшилась. Это привело к значительному сокращению объемов внешней торговли в обеих странах в целом и резко к уменьшению взаимного товарооборота. В 2009 г. объем торговых связей между Россией и Японией сократился по сравнению с предыдущим годом на 60%. По данным министерства финансов Японии, в 2009 г. объем импорта из России составил около 8,2 млрд долл., что 2,7 раза превысило объем японского экспорта в Россию. При этом объем японского вывоза в РФ снизился более чем в 5 раз по сравнению с 2008 г. и составил около 3 млрд долл. Особенно заметно снизились поставки в Россию автомобилей. В целом доля Японии в общем товарообороте Российской Федерации в 2009 г. снизилась до 3,1%. Лишь в конце 2009 г. произошло определенное увеличение экспорта в РФ японских лекарств, вычислительного оборудования и расширение Японией закупок в России сырой нефти и руд цветных металлов. В 2013 г. Япония среди зарубежных торговых партнеров России занимала 6-е место по экспорту и 5-е место по импорту, а Россия для Японии по этим показателям занимает 17-е и 9-е места соответственно [6, с. 22].

Падение объемов двусторонней торговли было вызвано не только влиянием мирового финансового кризиса, но и рядом мер протекционистского характера, предпринятых в этот период правительством Российской Федерации. Во-первых, это решение российского правительства о значительном повышении экспортных пошлин на круглый лес, что затронуло российско-японскую торговлю, поскольку вывоз российского леса в Японию на протяжении многих десятилетий составлял значительную долю в российском экспорте в эту страну. Еще более существенно сказалось на двусторонних торгово-экономических связях решение правительства Российской Федерации о введении фактически заградительных пошлин на импорт японских подержанных автомобилей. Так, количество ввезенных в 2009 г. автомашин сократилось по сравнению с предыдущим годом практически в 20 раз.

С началом 2010 г. в двусторонней торговле наметились положительные сдвиги. По данным министерства финансов Японии, в феврале 2010 г. объем японского импорта из России вырос по сравнению с февралем 2009 г. на 83,9% и достиг 1 млрд долл. Экспорт из Японии в Россию увеличился на 90,2% и составил около 440 млн долл. На 119% выросли японские закупки российской нефти, на 102% —

¹ Российско-японские торгово-экономические отношения. Справочный материал. Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/jp/-/asset_publisher/zMUusqsvU9NDU/content/id/190514 (дата обращения: 27.09.2016).

стали. Продажи японских автомобилей в РФ выросли на 242%. Эти положительные тенденции наблюдались и в 2010–2012 гг.¹

В торгово-экономических связях Российской Федерации с Японией значительное место занимают дальневосточные территории. Через них идет подавляющая часть российского экспорта в Японию (часть вывоза отправляется через порты Черного и Балтийского морей) и значительная часть импорта из Японии, большая часть которого поступает в Россию через Финляндию и другие страны Западной Европы. Сами дальневосточные территории также осуществляют достаточно активную торговлю с Японией, доля которой в общем межстрановом товарообороте постоянно превышает 20%. Так, в 2003 г. этот показатель составлял 22,8%, в 2004 г. — 26,1%, в 2005 г. — 28,9%, в 2006 г. — 23,1%, в 2007 г. — 25,4%, в 2008 г. — 23,1%, в 2009 г. — 35,6%. Отметим, что на долю Японии в 2012 г. пришлось 23,2% от общего товарооборота, но при этом 28,9% в экспорте и 9,3% в импорте².

Динамика развития экономических связей дальневосточных территорий России с Японией практически полностью совпадает с общей динамикой российско-японской торговли — активный рост объемов, начиная с 2003 г., и резкое падение в 2009 г. под воздействием глобального финансово-экономического кризиса. Особенность торгово-экономических контактов дальневосточных территорий заключается в том, что они регламентируются не только общими межгосударственными соглашениями, но и специализированными программными документами по вопросам взаимодействия Японии с российским Дальним Востоком.

Торговля России с Японией основана на обмене топлива, сырья и продовольствия (морепродукты) на готовую промышленную продукцию в основном потребительского характера. По сути, Россия как была, так и остается сырьевым придатком своей дальневосточной соседки и рынком сбыта для ее автомобилей — главного товара японского экспорта. Именно на производстве и экспорте автомобилей и электроники в значительной степени держится вся японская экономика.

По данным Федеральной таможенной службы (ФТС) России, объем российско-японской торговли в 2012 г. составил 31,2 млрд долл., показав темпы роста 105,3% по сравнению с 2011 г. (табл. 1). Российский экспорт достиг 15,5 млрд долл. при темпах роста в 106,3%, а импорт — 15,7 млрд долл. при темпах роста в 104,4%. Среди внешнеторговых партнеров Японии Россия находится на 15-м месте, а ее удельный вес во внешнеторговом обороте Японии составляет 1,9%³.

В 2015 г. общий товарооборот между Россией и Японией достиг 20,9 млрд долл. Цифры говорят о том, что товарооборот между двумя государствами уменьшился более чем на треть, что составило 32% по сравнению с 2014 г., когда товарооборот достигал 30,8 млрд долл. (табл. 1). Российский экспорт в Японию за этот период упал на 28% по сравнению с 2014 г. до объема в 14,2 млрд долл. (табл. 1).

¹ Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Японией. Портал внешнеэкономической информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/jp/jp_ru_relations/jp_ru_trade (дата обращения: 27.09.2016).

² Российско-японские торгово-экономические отношения. Справочный материал. Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/jp/-/asset_publisher/zMUUsqsVU9NDU/content/id/190514 / (дата обращения: 27.09.2016).

³ Экспорт-импорт важнейших товаров за январь-июнь 2016 года. Федеральная таможенная служба России [Электронный ресурс]. URL: http://customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=23775:-2016-&catid=53:2011-01-24-16-29-43/ (дата обращения: 27.09.2016).

Товарооборот между Россией и Японией в 2009–2015 гг., млрд долл. США

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
ОБОРОТ	14,5	23,1	29,7	31,2	33,2	30,8	20,8
<i>темпы роста, %</i>	50,2	159,4	128,7	105,3	106,6	92,7	–32
ЭКСПОРТ	7,3	12,8	14,7	15,5	19,6	19,9	14,2
<i>темпы роста, %</i>	70,3	177,0	114,6	106,3	126,7	101,1	–28
ИМПОРТ	7,2	10,3	15,0	15,7	13,6	10,9	6,6
<i>темпы роста, %</i>	39,0	141,9	146,2	104,4	86,7	80,5	–39

Источник: Торговый оборот между Россией и Японией за 2015 г. Федеральная таможенная служба России [Электронный ресурс]. URL: <http://customs.ru/> (дата обращения: 02.07.2016); Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Японией. Портал внешнеэкономической информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.ved.gov.ru/export-countries/jp/jp_ru_relations/jp_ru_trade/ (дата обращения: 27.09.2016).

Импорт из Японии — 6,7 млрд долл. (–39%). Положительное сальдо торгового баланса составило 7,5 млрд долл.¹

Одновременно с очевидным улучшением официальных контактов последовательно начали развиваться и двусторонние связи в области бизнеса, прежде всего в рамках российско-японского и японо-российского комитетов по экономическому сотрудничеству (РЯКЭС-ЯРКЭС), созданных при Российском союзе промышленников и предпринимателей (РСПП) и «Ниппон Кэйданрэн» (Японская федерация экономических организаций). Участие профессионального сообщества и общественных организаций в экономическом сотрудничестве России и Японии в свою очередь способствует дальнейшей активизации не только экономического и политического диалога, но и культурно-гуманитарного обмена, будучи тенденцией современных международных отношений [1, с. 95]. Деловые круги России и Японии успешно участвуют в статусных международных проектах. Например, X совместное заседание комитетов было приурочено к проведенному Минэкономразвития России в Токио в мае 2009 г. российско-японскому экономическому форуму, XI совместное заседание комитетов — к IV российско-японскому инвестиционному форуму в Токио в ноябре 2010 г. XII заседание комитетов состоялось в сентябре 2011 г. в Москве. XIII заседание было приурочено к десятому заседанию российско-японской Межправительственной комиссии (МПК) и состоялось 21 ноября 2012 г. в Токио².

По приглашению Президента Российской Федерации В. В. Путина Премьер-министр Японии С. Абэ с 28 по 30 апреля 2013 г. посетил Россию с официальным визитом. Итогом переговоров стало развернутое совместное заявление, состоящее из 53 пунктов³. Также был подписан ряд межправительственных, межведомственных договоренностей, бизнес-соглашений, которые подготовили правовую основу для дальней-

¹ Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Японией. Портал внешнеэкономической информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/jp/jp_ru_relations/jp_ru_trade (дата обращения: 27.09.2016).

² Торгово-экономическое сотрудничество с основными курируемыми странами. Япония. Российско-японские торгово-экономические отношения. Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/foreignEconomicActivity/cooperation/doc1071828192062> (дата обращения: 28.09.2016).

³ Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о развитии российско-японского партнерства (29 апреля 2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/ref_notes/1446 (дата обращения: 01.08.2016).

шего развития двустороннего торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, способствовали развитию связей в области культуры, медицины и спорта¹.

В течение последних 10 лет структура двусторонней торговли фактически не менялась. В российских поставках преобладали нефть и нефтепродукты, уголь, алюминий и другие цветные металлы, морепродукты. В японском экспорте преобладали автомобили, оборудование для строительной и горнорудной промышленности. На ближайшую перспективу изменений в структуре взаимной торговли пока не предвидится².

В структуре экспорта российских товаров, направляемых в Японию, более 80% приходилось на поставки минеральных продуктов. Основная же доля российской экспортной продукции в Японию — это топливо и нефть (82%), алюминий и алюминиевые изделия (6%), древесина и изделия из нее (2%), рыба, моллюски и прочие водные биоресурсы (2%), жемчуг природный или культивированный, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы, металлы и изделия из них (2%). По 1% приходится на черные металлы, руды, шлак и золу. Прочие товары в совокупности составляют 3% (табл. 2). В 2015 г. наибольший рост экспорта по сравнению с 2014 г. пришелся на поставки каучука, резины и изделий из них (+129%). Наибольшее падение объемов экспорта связано с поставками природно-жемчуга и драгоценных металлов (-54%)³.

Таблица 2

Основные виды экспортируемой продукции из России в Японию

Продукция	Год		Изменения за год
	2014, тыс. долл.	2015, тыс. долл.	
1	2	3	4
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	17 178 849	11 668 846	-32%
Алюминий и изделия из него	827 425	787 627	-5%
Товары в иных категориях не поименованные	0	442 662	—
Древесина и изделия из нее; древесный уголь	414 883	299 469	-28%
Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	211 046	257 165	22%
Жемчуг природный или культивированный, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы, металлы, плакированные драгоценными металлами, и изделия из них; бижутерия; монеты	529 713	243 949	-54%

¹ Там же.

² Российско-японские торгово-экономические отношения. Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreignEconomicActivity/cooperation/doc1071828192062> (дата обращения: 27.09.2016).

³ Торговый оборот между Россией и Японией за 2015 год. Экспортеры России: единый информационный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/4496/> (дата обращения: 29.09.2016).

1	2	3	4
Черные металлы	259 665	174 490	-33%
Руды, шлак и зола	166 954	100 700	-40%
Каучук, резина и изделия из них	27 402	62 863	129%
Масса из древесины или из других волокнистых целлюлозных материалов; регенерируемые бумага или картон (макулатура и отходы)	42 407	41 671	-2%
Суда, лодки и плавучие конструкции	29 657	21 209	-28%

Источник: ITC Trade Map [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 26.07.2016).

Япония поставляет в Россию разнообразные средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава (47%), ядерные реакторы, оборудование и механические устройства (20%), электрические машины и оборудование, их части (6%), каучук, резину и изделия из них (6%), оптические инструменты, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские или хирургические; их части и принадлежности (4%), пластмассы и изделия из них (2%). По 1% приходится на черные металлы, химические волокна, инструменты, приспособления, ножевые изделия, ложки и вилки из недрагоценных металлов [2].

В 2015 г. заметен рост импорта в поставках химических волокон (+59%), а спад произошел в поставках средств наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава (-44%)¹.

Инвестиционное сотрудничество России и Японии

2004 г. стал своеобразным рубежом в развитии экономического сотрудничества России и Японии. Прямые японские иностранные инвестиции в Россию показали устойчивый положительный рост. Максимальный их поток пришелся на 2012 г.: он достиг показателя более чем в 757 млн долл. Сумма накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) достигла 2,7 трлн долл. [4]. В 2013 г. поступление прямых инвестиций резко сократилось, составив 447 млн долл., накопленных — 2,5 трлн долл. При этом доля инвесторов из Японии не превысила 4% в общем объеме прямых иностранных инвестиций в экономику России [5, с. 16–17].

К важнейшим направлениями японских ПИИ в российской экономике относятся: добыча топливно-энергетических полезных ископаемых (доля среди иностранных инвесторов — 13,4%), добыча полезных ископаемых (10,2%), производство автомобилей и запчастей (16,1%) и сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (7,5%) [там же]. Хорошие показатели достигнуты и в топливно-энергетическом секторе, где инвесторы из Японии находятся на втором месте после инвесторов из США. Японские компании и фирмы работают в проектах «Сахалин-1» («Sodziko», 30% акций) и «Сахалин-2» («Mitsui» — 12,5%, «Mitsubishi» — 10%). Проект «Сахалин-2» обеспечивает около 8% потребностей японского газового рынка [4].

¹ Торговый оборот между Россией и Японией за 2015 год. Экспортеры России: единый информационный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/4496/> (дата обращения: 27.09.2016).

Однако несмотря на указанные успехи, в российско-японском инвестиционном сотрудничестве имеются и определенные проблемы. Основная проблема — это нежелание и неготовность японского бизнеса делать крупномасштабные инвестиции в российскую экономику, прежде всего в обрабатывающую промышленность, а не в автосборочные и энергетические проекты. По данным на конец 2009 г., объем японских инвестиций, накопленных в российской экономике, составил 8,3 млрд долл. В этой сумме так называемые инвестиционные кредиты занимают львиную долю — около 90%. Это те торговые кредиты, на которые Россия обязана покупать товары только у японских фирм и которые ей нужно будет возвращать с процентами. А вот объем японских прямых инвестиций составил всего лишь чуть более 875 млн долл., или 10,5% от общего объема. Между тем это наиболее эффективные капиталовложения, так как они несут с собой новые технологии, передовые методы управления и др. По объему всех инвестиций в экономику России Япония, являющаяся второй экономической державой мира (среди развитых стран), находится где-то в конце первой десятки зарубежных стран-инвесторов.

Объем накопленных инвестиций из Японии продолжает оставаться на незначительном уровне по сравнению с общим объемом иностранных инвестиций в российской экономике. В конце июня 2009 г. объем накопленных инвестиций из Японии находился на уровне всего 2,5% от общей суммы накопленных в экономике России иностранных инвестиций¹. При этом доля японских прямых инвестиций была еще меньше — всего 0,7% [5, с. 21]. Отраслевая структура накопленных японских инвестиций свидетельствует об узкой направленности этих инвестиций по видам экономической деятельности. Так, в 2009 г. 86,4% инвестиций было аккумулировано в добыче и переработке нефти. Далее идут: оптовая торговля — 6,2%, лесозаготовка и переработка древесины — 3,0%, производство автотранспорта и запчастей к нему — 3,0%².

Структура японских прямых инвестиций также нуждается в улучшении. И без того незначительная их сумма связана с узким сегментом российской экономики. По данным на конец 2009 г., их большая часть сосредоточена в оптовой торговле — 52,1%, производстве автомобилей и запчастей к ним — 17,9%, в сфере лесозаготовок и переработки древесины — 8,1%, транспорта и связи — 3,5%, а также в сфере услуг — 4,5% и производстве станков — 2,5%³. Из этих данных следует, что японские капиталы на сегодняшний день не играют сколько-нибудь заметной роли в экономике России за исключением нефтегазовых проектов на Сахалине. Там доля японской стороны в проекте «Сахалин-1» составляет 30%, а «Сахалин-2» — немного превышает 22% [5, с. 11–15].

Если говорить о сотрудничестве в валютно-финансовой сфере между Россией и Японией, то оно практически только начинается. Японские банки и другие финансовые структуры играют очень незначительную роль на российском фондовом рынке. Российский предпринимательский капитал в Японии полностью отсутствует.

¹ Иностранные инвестиции в 2009 г. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_04/lssWWW.exe/Stg/d02/2-in-invest.htm (дата обращения: 28.09.2016).

² Российско-японские торгово-экономические отношения. Справочный материал. Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/jp/-/asset_publisher/zMUqsVU9NDU/content/id/190514 (дата обращения: 27.09.2016).

³ Российско-японские торгово-экономические отношения. Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/4c74b78040cc80a5b5fdfdbe92eee1a/rus_jap_inter_12_10_09.doc?MOD=AJPERES&CA_SHEID=4c74b78040cc80a5b5fdfdbe92eee1a (дата обращения: 27.09.2016); Иностранные инвестиции в 2010 г. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_04/lssWWW.exe/Stg/d04/2-in-invest.htm (дата обращения: 28.09.2016).

Если же обратиться к такой специфической области, как научно-технические связи, то и они носят довольно ограниченный характер. Это космос, ядерная энергетика, железнодорожный транспорт и телекоммуникации. В общем, объективно говоря, на сегодняшний день Россия и Япония весьма слабо зависят друг от друга в сфере экономики. Не предвидится скачка в экономических связях между ними и в ближайшие годы, особенно в условиях обвального падения экономики в обеих странах, вызванного мировым финансово-экономическим кризисом. По иронии судьбы, в 2009 г. ВВП и России, и Японии сократился на один и тот же показатель — примерно на 8%, а Китае — вырос на те же 8%. В 2009 г., как уже было отмечено, объем торговли между Россией и Японией сократился в 2 раза [6, с. 22].

Вряд ли стоит ожидать в обозримой перспективе столь же быстрого роста товарообмена между странами, который был отмечен до кризиса. Ведь основным «драйвером» этого товарообмена был экспорт японских автомобилей на быстро росший за счет нефтедолларов российский рынок. Однако в условиях экономического кризиса и резкого падения спроса на автомобили в России экспорт из Японии этих автомобилей столь же резко сократился. К тому же Россия недавно значительно увеличила импортные пошлины как на новые, так и подержанные автомобили, и не собирается их снижать в ближайшие годы, что вызывает большое недовольство в Японии. При этом можно ожидать, что стоимостный объем российского экспорта в Японию в определенной степени вырастет за счет начавшихся и ожидаемых поставок нефти и газа.

По данным на конец 2012 г., объем японских инвестиций, накопленных в российской экономике, составил около 11 млрд долл. (табл. 3). В этой сумме инвестиционные кредиты занимают наибольшее место, то есть это связанные торговые кредиты. Как и ранее, например в 2009 г., они используются Россией для покупки товаров у японских фирм [5, с. 22].

В 2012 г. сумма прямых иностранных инвестиций из Японии в Россию не превысила 250 млн долл. К сожалению, столь малый объем инвестиций приходится на долю самых эффективных капиталовложений, поскольку именно с ними связаны новые технологии и передовые методы управления. По объему всех инвестиций в экономику России Япония находится на 8-м месте среди зарубежных стран-инвесторов. Объем накопленных инвестиций из Японии находится на весьма невысоком уровне на фоне общего объема иностранных инвестиций в экономике РФ. На конец 2010 г. объем накопленных инвестиций из Японии (9,022 млрд долл.) находился на уровне 3,0% от всех накопленных в экономике России иностранных инвестиций (300,1 млрд долл.). Доля же японских прямых инвестиций — всего 0,8%¹.

Важную роль в развитии двустороннего торгово-экономического взаимодействия играют Российско-японские инвестиционные форумы (РЯИФ), которые проводятся по инициативе Минэкономразвития России с 2006 г. В Республике Татарстан, в Казани, 5–7 июня 2012 г. состоялся 5-й российско-японский инвестиционный Форум, в котором приняла участие 450 компаний (в том числе 200 японских и 250 российских участников). Российскую сторону на форуме возглавили заместитель министра экономического развития Российской Федерации О. Г. Савельев и Президент Республики Татарстан Р. Н. Минниханов, японскую — министр экономики, торговли и промышленности Японии Ю. Эдано².

¹ Иностранные инвестиции в 2010 г. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_04/lssWWW.exe/Stg/d04/2-in-invest.htm (дата обращения: 26.07.2016).

² Заместитель Министра О. Г. Савельев принял участие в работе V российско-японского инвестиционного форума. Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreigneconomicactivity/cooperation/economicaa/doc20120609_016 (дата обращения: 28.09.2016).

**Объем японских инвестиций в российскую экономику в 2011–2013 гг.,
млн долл. США**

	2011 г.		2012 г.		2013 г.	
	Поступило	Накоплено	Поступило	Накоплено	Поступило	Накоплено
Всего	1243	10 193	1135	10 779	2626	9978
ПИИ	210,7	1135,4	250	1240	1027	1296

Источник: Иностранные инвестиции в 2010 г. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_04/lssWWW.exe/Stg/d04/2-in-invest.htm (дата обращения: 26.07.2016).

Отраслевая структура накопленных японских инвестиций свидетельствует об ограниченной направленности этих инвестиций по видам экономической деятельности. Так, в 2010 г 86,7% инвестиций было аккумулировано в добыче и переработке нефти. Далее идут: обрабатывающие производства — 5,1%, оптовая торговля — 4,4%, производство транспортных средств и запчастей к ним — 1,1%. Большая часть японских прямых инвестиций сосредоточена в оптовой торговле — 47,4%. Если же говорить о российских инвестициях в Японию, то они носят чисто символический характер (табл. 4).

Таблица 4

**Объем российских инвестиций в японскую экономику
в 2011–2012 гг., млн долл**

	2011 г.		2012 г.	
	Поступило	Накоплено	Поступило	Накоплено
Всего	15,3	0,7	693,3	82,9
ПИИ	1,7	0,28	—	—

Источник: Обзор инвестиционного сотрудничества. Основные направления и итоги инвестиционного сотрудничества с Россией (статистика, объем, структура и динамика инвестиций). Портал внешнеэкономической информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/jp/jp_ru_relations/jp_rus_projects/ (дата обращения: 26.07.2016).

Тем не менее российский рынок, пусть и невысокими темпами, приобретает в глазах японских компаний все более отчетливую привлекательность, что находит подтверждение в увеличении количества реализуемых совместных проектов в России.

Заключение

«Важные изменения, происходящие в современном обществе на региональном и мировом уровне начиная со второй половины XX в., — как отмечают Ю. В. Косов и В. В. Фокина, — связаны с процессами интеграции и регионализации. Возрастание роли регионов в эволюции международного сообщества и в жизнедеятельности многих современных государств делает все более важными процессы регионального развития» [3, с. 5].

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) все прочнее занимает лидерские позиции в развитии мировых политических, экономических и военно-стратегических процессов. В настоящее время именно этот регион стал настоящим плацдармом для активного международного экономического взаимодействия. Динамичное создание новых зон свободной торговли, появления новых и расширение уже имеющихся

интеграционных блоков — все это характеризует АТР как динамично развивающийся регион с высоким потенциалом экономических возможностей¹.

Такое положение АТР в системе международных отношений налагает особые «обязательства» и на «двух крупнейших экономических и политических «игроков» в регионе» [7, с. 84], Россию и Японию. Однако их взаимоотношения продолжают характеризоваться отсутствием поступательного динамичного развития. Ни у Москвы, ни у Токио до сих пор нет собственного понимания стратегических перспектив. До сих пор отсутствуют механизмы взаимодействия, которые позволили бы государствам перейти на качественно новый уровень сотрудничества, отвечающего реалиям времени, тенденциям развития как Азиатско-Тихоокеанского региона, так и глобальным мирополитическим процессам. Отметим, что эти проблемы были затронуты в недавней работе, подготовленной коллективом авторов под эгидой Российского совета по международным делам (РСМД) [5, с. 25]. Проведенный в этой работе анализ тенденций экономического сотрудничества между Японией и Россией позволяет нам утверждать, что на сегодняшний день две страны весьма слабо зависят друг от друга в сфере экономики.

Существенным препятствием для развития взаимовыгодных отношений России и Японии, на наш взгляд, является тот комплекс проблем, который страны унаследовали из прошлого, захватив его еще из второй половины XX в., что приводит к наличию политических разногласий в наше время. Как отмечают исследователи, «Москва и Токио по-прежнему как будто не замечают друг друга, не имеют совместного видения нового качественного уровня двустороннего взаимодействия и сотрудничества, игнорируют возможности, предоставляемые нынешним уровнем глобализации и международного разделения труда» [7, с. 78].

Сегодня Россия, будучи крупнейшей энергетической державой не только в регионе, но и в мире, находится всего лишь на 15-м месте среди внешнеторговых партнеров Японии, имея в своем арсенале только 1,9% внешнеторгового оборота. Япония же среди внешнеторговых партнеров России стоит на 8-м месте (3,7%). К числу очевидных проблем можно отнести малую динамику и незначительные объемы инвестиционного сотрудничества двух стран. Инвестиции России в Японию минимальны, Япония занимает 8-е место среди стран-инвесторов российской экономики, вложив в нее в течение 2000-х годов всего 1,24 млрд долл., несмотря на всю перспективность этого вида капиталовложений.

Огромным потенциалом для расширения двустороннего сотрудничества обладает дальневосточный регион России. Все масштабные проекты, которые были здесь осуществлены за последние 30 лет, имеют непосредственное отношение к российско-японскому сотрудничеству: Сахалин-1, Сахалин-2, завод по сжижению газа на Сахалине, порт Восточный, разработка якутских углей и др.

Несмотря на недостаточно высокий уровень экономического партнерства, Россия представляет огромный интерес для представителей японского бизнеса: многие японские компании выражают готовность к сотрудничеству в Сибири и на Дальнем Востоке. Это не удивительно, ведь о подобной заинтересованности говорит и японское руководство, о чем свидетельствует встреча в июне 2007 г. Премьер-министра С. Абэ и Президента России В. В. Путина во время работы финансово-экономического форума в Германии². Японская сторона передала России на рассмотрение ряд

¹ Современные российско-японские отношения и перспективы их развития [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru/44057-Sovremennye-rossiysko-yaponskie-otnosheniya-i-perspektivy-ih-razvitiya.html> (дата обращения: 27.09.2016).

² Инициатива по укреплению японо-российского сотрудничества в регионах Дальнего Востока и Восточной Сибири. 7 июня 2007 г., саммит G8, Хайлигендамм (Германия) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/heiligendamm.html> (дата обращения: 25.07.2016).

предложений, касающихся продвижения и стимулирования взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами как на правительственном, так и частном уровне в восьми областях. Эти предложения затрагивают множество направлений: «в энергетике — использование японских высоких технологий для добычи нефти и газа, мирного использования атомной энергии; в транспорте — обеспечение логистического пути из стран АТР в Россию и Европу, используя Транссиб; в сфере информатизации и связи — сотрудничество в сфере информационно-коммуникационных технологий; в обеспечении безопасности — совместная борьба с контрабандой наркотиков, оружия, морепродуктов; в здравоохранении — сотрудничество в деле повышения качества медицинских услуг на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири; в развитии торговли и инвестиций; в охране окружающей среды; в развитии межрегиональных обменов» [7, с. 79].

Также представители японской делегации на форуме высказались за сотрудничество в деле модернизации российской экономики, обновлении портового хозяйства Дальнего Востока, строительстве автосборочных заводов в Санкт-Петербурге, Владивостоке, Калуге, завода по производству строительной техники в Ярославле и т. д. Некоторые из этих проектов осуществляются уже сейчас. В качестве примера можно привести подписание в апреле 2011 г. меморандума между ОАО «Газпром» и японским консорциумом, в который входят корпорации «Итотю», «Марубени», «Инпекс» и «Джапан петролеум эксплорейшн», о проведении совместного технико-экономического исследования строительства завода по производству СПГ и газохимического комплекса в районе Владивостока¹.

Рассматривая современное состояние российско-японского экономического сотрудничества, нельзя не отметить достигнутые успехи в области автомобилестроения. Такие крупные и всемирно известные представители японского автопрома, как «Ниссан», «Мазда», «Митсубиси» в разные годы открыли свои производственные площадки по сборке автомобилей в России. В качестве примера можно назвать заводы компании «Ниссан» под Санкт-Петербургом, «Мазда» во Владивостоке или предприятие по производству японских малотоннажных грузовиков, организованное совместно с компанией «КамАЗ». Есть площадки и по производству автозапчастей и комплектующих. Так, в Особой экономической зоне «Липецк» работает завод, производящий покрышки «Йокохама раббер», а в промышленной зоне «Заволжье» — завод автокомпонентов «Таката-Петри рус». Свои предприятия в России открывает и корпорация «Тошиба», которая строит завод по производству трансформаторов. На Дальнем Востоке России японская компания «Сумитомо» организовала предприятие «Тернейлес» по переработке древесины. В Иркутской области «Мицуи» создала высокотехнологичное предприятие-экспортер «ТП Байкал» для обеспечения нужд японских строительных предприятий (широко известно высокое качество продукции этой компании) [7, с. 81]. Эти и другие проекты являются яркими примерами того, насколько эффективным и взаимовыгодным может быть российско-японское инвестиционное сотрудничество.

Однако по мнению российских политиков, ученых и бизнесменов и их японских коллег, возможности получения взаимной выгоды от экономического партнерства двух стран использованы лишь незначительно, и перспективы возможного углубления экономического партнерства, выгодного для обеих стран, весьма и весьма велики. По мнению экспертов, «внешняя торговля и объем инвестиций могут быть увеличены более чем в десять раз уже в среднесрочной перспективе и все равно останутся возможностями для дальнейшего расширения сотрудничества» [7, с. 78].

¹ Global Insider: Russia-Japan Energy Cooperation // World Politics Review. 2011. Jan. 31. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldpoliticsreview.com/trend-lines/7730/global-insider-russia-japan-energy-cooperation> (дата обращения: 25.07.2016).

Существует «окно возможностей» в области добычи нефти, газа, угля, редкоземельных и драгоценных металлов; переработке биоресурсов и марикультуры; создании сельскохозяйственных кластеров и минизаводов по производству экологически чистых продуктов питания; строительстве нефтегазохимических комплексов и расширении автомобилестроения¹. Особенно перспективным может стать сотрудничество в области медицины (включая фармацевтику и медоборудование, ядерную медицину, телемедицину, обучение медперсонала и совместные НИОКР); металлургии и металлообработки, станкостроения, судостроения и т. д.

Интересные возможности открывает сотрудничество в сфере применения институтов ускоренного развития территорий, в вопросах создания специальных промышленных зон, трансграничных торговых площадок со льготами и преференциями для инвесторов и благоприятной финансовой средой. В этом направлении Россия уже внедряет практику Особых экономических зон (ОЭЗ), т. е. территорий, на которых созданы льготные условия для инвесторов. Сейчас таких территорий в России 17, планируется дальнейшее увеличение их числа.

В 2016 г. на территории промышленно-производственных ОЭЗ появилась возможность для организации металлургических производств, переработки полезных ископаемых, лома цветных и черных металлов, что может стать стимулом для дальнейшего развития энергетики и металлургии.

Эффективным средством экономической интеграции могут стать и трансграничные кластеры. Сейчас вопрос об их развитии согласуется российскими и японскими партнерами. Предполагается, что они будут локализованы на обрабатывающих производствах японских компаний, в первую очередь, автокомпонентных, с использованием российского потенциала. Такой подход обеспечивает высокую рентабельность таких способов экономического сотрудничества.

В перспективе рассматривается сотрудничество в освоении Северного морского пути (СМП), что позволит сократить путь из Европы в Японию с 23 тыс. км (через Суэцкий канал и Индийский океан) до 7 тыс. км. Освоение СМП имеет стратегическую важность для всех крупнейших стран АТР. В этом смысле показательно заинтересованность Китая, который планирует перенаправить на СМП значительную часть внешнеторгового грузооборота уже к 2040 г.

Все приведенные примеры позволяют говорить о том, что экономические отношения России и Японии имеют устойчивую основу и располагают колоссальным потенциалом развития. Существующие производства и реализация новых совместных проектов несут значительные экономические выгоды, значение которых для обеих стран трудно переоценить. О важности дальнейшего развития и интенсификации экономического партнерства России и Японии свидетельствует включение этого вопроса в повестку дня саммита «Большой двадцатки», который состоялся в Санкт-Петербурге в сентябре 2013 г. Важным итогом саммита стало то, что он в значительной мере смог определить характер последующего развития российско-японских отношений. Участники саммита обсудили дальнейшие перспективы, отметив, что скорее всего в условиях экономического и финансового кризиса новое «окно возможностей» взаимовыгодного сотрудничества открывается в период до 2020-х годов. Вместе с тем, как известно, колоссальная экономическая взаимозависимость Японии с Китаем и Южной Кореей отнюдь не благоприятствует решению их территориальных споров. Отсюда очевиден вывод: Москве и Токио следует продвигать развитие экономических и политических связей на параллельных курсах и не отягощать это развитие их взаимной увязкой.

¹ Российско-японские торгово-экономические отношения и инвестиционное сотрудничество [Электронный ресурс]. URL: <http://lib3.podelise.ru/docs/5622/index-3082.html> (дата обращения: 28.09.2016).

Надо отметить, что в апреле 2015 г. был подписан ряд важных документов о взаимном сотрудничестве между Россией и Японией, в том числе в такой чувствительной сфере, как атомная энергетика. Этот факт подтверждает, несмотря на нерешенный территориальный вопрос и отсутствие мирного договора, Россия и Япония могут сотрудничать в самых сложных областях, если есть взаимная в этом заинтересованность.

Литература

1. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Институционализация международного культурного сотрудничества: Исторические предпосылки и особенности современного периода // Приволжский научный вестник. 2012. № 11 (15). С. 91–94.
2. Карташева М. В. Анализ внешнего рынка Российской Федерации // Электронный научно-практический журнал «Гуманитарные научные исследования» 2014. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2014/11/8448> (дата обращения: 27.09.2016).
3. Косов Ю. В., Фокина В. В. Политическая регионалистика. Краткий курс. СПб. : Питер, 2009.
4. Ребрей С. М. Прямые инвестиции Японии в российскую экономику: масштабы, проблемы, перспективы // Мировое и национальное хозяйство. 2015. № 1 (32) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirec.ru/2015/2015-01> (дата обращения: 26.07.2016).
5. *Современные российско-японские отношения и перспективы их развития* / А. Н. Панов (рук.) и др. Гл. ред. И. С. Иванов. М. : Спецкнига, 2012.
6. Тимонина И. Л. Россия — Япония: реальный потенциал экономического взаимодействия // Японские исследования. 2016. № 1. С. 20–31.
7. Тимошенко В. Н., Суслов Д. В. Россия и Япония: старые проблемы не должны мешать новым возможностям // Вестник Центра изучения международных отношений АТР. 2013. Вып. 1. С. 76–86.

References

1. Bogolyubova N. M., Nikolaeva Yu. V. *Institutionalization of the international cultural cooperation: Historical prerequisites and features of the modern period* [Institualizatsiya mezhdunarodnogo kul'turnogo sotrudnichestva: Istoricheskie predposylki i osobennosti sovremennogo perioda] // Volga scientific bulletin [Privolzhskii nauchnyi vestnik]. 2012. N 11 (15). P. 91–94. (rus)
2. Kartasheva M. V. *Analysis of the foreign market of the Russian Federation* [Analiz vneshnego rynka Rossiiskoi Federatsii] // Online scientific and practical journal «Humanitarian Scientific Researches» [Elektronnyi nauchno-prakticheskii zhurnal «Gumanitarnye nauchnye issledovaniya»]. 2014. N 11 [An electronic resource]. URL: <http://human.snauka.ru/2014/11/8448> (date of the address: 27.09.2016). (rus)
3. Kosov Yu. V., Fokina V. V. *Political regionalistic. Short course* [Politicheskaya regionalistika. Kratkii kurs]. SPb. : Piter, 2009. (rus)
4. Rebrey S. M. *Direct investments of Japan in the Russian economy: scales, problems, prospects* [Pryamye investitsii Yaponii v rossiiskuyu ekonomiku: masshtaby, problemy, perspektivy] // World and national economy [Mirovoe i natsional'noe khozyaistvo]. 2015. N 1 (32) [An electronic resource]. URL: <http://www.mirec.ru/2015/2015-01> (date of the address: 26.07.2016). (rus)
5. *Modern Russian-Japanese relations and prospects of their development* [Sovremennye rossiisko-yaponskie otnosheniya i perspektivy ikh razvitiya] / Panov A. N. etc. Chief ed. I. S. Ivanov. M. : Specialbook [Spetskniga], 2012. (rus)
6. Timonina I. L. *Russia — Japan: actual potential of economic interaction* [Rossiya — Yaponiya: real'nyi potentsial ekonomicheskogo vzaimodeistviya] // Japanese researches [Yaponskie issledovaniya]. 2016. N 1. P. 20–31. (rus)
7. Tymoshenko V. N., Suslov D. V. *Russia and Japan: old problems shan't disturb new opportunities* [Rossiya i Yaponiya: starye problemy ne dolzhny meshat' novym vozmozhnostyam] // Bulletin of the Center of studying of the international relations in the Pacific Rim [Vestnik Tsentra izucheniya mezhdunarodnykh otnoshenii ATR]. 2013. Is. 1. P. 76–86. (rus)

Вопросы современной электронной демократии и электронного информационного общества: достоинства, проблемы и перспективы

Пылин Владимир Васильевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры конституционного и административного права
Доктор юридических наук, профессор
gospravo@szags.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются достоинства, проблемы и перспективы современной электронной демократии, электронного информационного общества, электронного правительства Российской Федерации. Пути их развития и совершенствования. Ожидаемые в 2020 г. результаты реализации Программы Информационное общество Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

электронная демократия, электронное информационное общество, электронное правительство, народовластие, рейтинги электронного правительства, многофункциональные центры, государственные и муниципальные услуги

Pylin V. V.

Issues of Modern Electronic Democracy and Electronic Information Society: Advantages, Problems and Prospects

Pylin Vladimir Vasilyevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of constitutional and administrative law
Doctor of Science (Jurisprudence), Professor
gospravo@szags.ru

ABSTRACT

The article discusses the advantages, problems and prospects of modern electronic democracy, electronic information society, electronic government of the Russian Federation. Their development and sovershenstvovania. Expected in 2020, the results of the Program Information society of the Russian Federation.

KEYWORDS

e-democracy, information society, e-government, democracy, the rankings of e-government, multifunctional centres of state and municipal services

Демократия является одной из важнейших конституционных основ в многонациональном гражданском обществе Российской Федерации. Она определяется в нашей стране с 1917 г. как власть народа, форма политического строя, основанного на признании принципов народовластия, свободы и равенства граждан, выборности основных органов государственной власти и органов местного самоуправления. При этом современная демократия это народовластие в правовом и федеративном государстве, с республиканской формой правления, осуществляемое последовательно как государством от имени народа и для народа, так и его самим народом.

За последние годы многое сделано для развития более подлинной демократии в стране, как прямой и представительной демократии, так и для электронной и информационной демократии.

Электронная демократия — форма демократии, характеризующаяся использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) как основного средства для коллективных мыслительных и административных процессов (информирования, принятия совместных решений, электронного голосования, контролирования исполнения решений и т. д.) на всех уровнях, начиная с уровня местного самоуправления и заканчивая международным.

Электронная демократия подразделяется на ряд видов. В данной статье будут рассматриваться электронная демократия, электронное информационное общество и электронное правительство. Все они тесно связаны друг с другом, хотя и самостоятельны. *Электронная демократия* направлена на использование информационных технологий для расширения возможностей каждого гражданина. *Электронное информационное общество* — должно обеспечить граждан и организации преимуществом от применения информационных и телекоммуникационных технологий за счет равного доступа к информационным ресурсам, развитию цифрового контента, применению инновационных технологий, радикального повышения эффективности государственного управления при обеспечении безопасности в информационном обществе. *Электронное правительство* должно обеспечивать эффективное и менее затратное администрирование, повышение оперативности и удобства доступа к услугам государства из любого места и в любое время, совершенствование демократии и повышение ответственности власти перед народом.

Все три названных вида электронной демократии в России делают еще свои первые шаги. Их возникшие проекты достаточно успешны, находятся в разных стадиях работоспособности.

Важную роль в этом сыграли многие нормативные правовые акты, принятые за последние 20 лет. Среди них федеральные законы — от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», от 10.01.2003 № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации „Выборы“», от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», распоряжение Президента РФ от 7 февраля 2008 г. № Пр-212 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации», указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», постановления Правительства РФ от 24 мая 2010 г. № 365 «О координации мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности государственных органов», от 28.01.2002 № 65 «О федеральной целевой программе „Электронная Россия (2002–2010 годы)“», распоряжения Правительства РФ от 20 октября 2010 г. № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации „Информационное общество (2011–2020 годы)“», постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313-ФЗ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Информационное общество (2011–2020 годы)“», и иные акты.

Задачами программы повышения качества жизни граждан и улучшения условий развития бизнеса в информационном обществе являются развитие сервисов для упрощения процедур взаимодействия общества и государства с использованием информационных и телекоммуникационных технологий; перевод государственных и муниципальных услуг в электронный вид; развитие инфраструктуры доступа к сервисам электронного государства; повышение открытости деятельности органов

государственной власти; создание и развитие электронных сервисов в области здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, образования и науки, культуры и спорта.

В соответствии с государственной программой «Информационное общество (2011–2020 годы)» от 20 октября 2010 г. в стране реализуется создание сервисов для обеспечения общественного обсуждения и контроля за деятельностью органов государственной власти, создание инструментов общественного управления на муниципальном уровне. Разработана федеральная государственная информационная система «Электронная демократия», одним из элементов которой является Единый портал электронной демократии Российской Федерации.

Эта система позволяет: формировать и отправлять в органы власти всех уровней публичные, в том числе коллективные, обращения, отслеживать их статус, получать ответы; привязывать к карте проблемы, о которых сообщается в орган власти; проводить публичные обсуждения документов, сбор замечаний и предложений; вести блоги органов власти; оценивать качество принятых органом власти мер или ответа на обращение; формировать статистику качества работы органов власти на основании оценок граждан.

Большой опыт накоплен с 2009 г. в Саратовской области в образовании системы «Электронная демократия» под названием «Лица Саратовской губернии», которая работает на принципах: персонализации личности в структуре власти, публичности, региональной локации. Здесь гражданин обращается посредством портала к конкретному чиновнику или депутату, а не к обезличенному бюрократическому аппарату.

Диалог представителей власти с жителями области происходит открыто, каждый посетитель портала может увидеть как вопрос гражданина, так и ответ на него. Тем самым чиновникам приходится предпринимать шаги по решению вопросов. Именно публичность обращения заставляет их реагировать на проблемы и обращения граждан.

Портал функционирует на местном уровне, уровне Саратовской области. Этим достигается лучшее понимание животрепещущих вопросов, большая заинтересованность в их решении чиновников на местах и, как следствие, большая оперативность в решении проблем и адресная помощь. Идея электронной демократии на интернет-портале «Лица Саратовской губернии» осуществляется в рамках функционирования виртуальной «приемной» — прямого диалога жителей области с чиновниками, политиками, бизнесменами и знаменитостями по проблемным вопросам. Кроме того, на портале регулярно проводятся актуальные для саратовчан голосования (рейтинги влияния силовиков области, рейтинги депутатов областной думы и пр.). Зарегистрировавшийся на сайте пользователь может вести свой блог, высказать свое мнение по актуальным для области и страны событиям. Жители области могут пожаловаться на возникающие проблемы (вымогательство взятки, очереди в детские сады, нарушения ПДД, нарушения в работе чиновников и пр.) представителям власти, в чьей компетенции находятся эти вопросы.

Со своей стороны, государственные структуры, ряд политиков и депутатов активно сотрудничают с порталом «Лица Саратовской губернии», реагируя на обращения граждан. Благодаря такому диалогу, интерактивному взаимодействию представителей власти и простых людей посредством интернет-портала повышается уровень доверия к муниципальным властям, растет эффективность и адресность проводимой в регионе политики. Сайт «Лица Саратовской губернии» является важной формой интерактивного взаимодействия горожан в рамках реализации идей электронной демократии.

Особое внимание заслуживает эксперимент с проведением в интернете опросов при назначении тех или иных руководителей в Ханты-Мансийском административ-

ном округе. В августе 2011 г. губернатор назначила директора департамента физкультуры и спорта по результатам публичного обсуждения кандидатур. Аналогично проходило назначение директора окружного департамента образования и молодежной политики в ноябре того же года. При этом в проводившемся в блоге губернатора опросе приняли участие 80 318 человек. В июне 2012 г. был принят регламент назначения главного врача Окружной клинической больницы в Ханты-Мансийске, согласно которому на утверждение были внесены 2 кандидатуры, набравшие наибольший рейтинг среди телезрителей в ходе теледебатов.

Важное значение для развития электронной демократии в Российской Федерации оказывает деятельность Президента РФ. Так, его Указом от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» Правительству РФ было поручено обеспечить реализацию следующих мероприятий:

- сформировать систему раскрытия информации о разрабатываемых проектах нормативных правовых актов, результатах их общественного обсуждения, имея в виду:
 - ◆ создание единого ресурса в информационно-телекоммуникационной сети интернет (далее — сеть интернет) для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов, ходе и результатах их общественного обсуждения;
 - ◆ использование федеральными органами исполнительной власти в целях общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов, различных форм публичных консультаций, включая ведомственные ресурсы и специализированные ресурсы в сети интернет;
 - ◆ предоставление не менее 60 дней для проведения публичных консультаций;
- утвердить концепцию «российской общественной инициативы», предусматривающую:
 - ◆ создание технических и организационных условий для публичного представления предложений граждан с использованием специализированного ресурса в сети интернет;
 - ◆ рассмотрение указанных предложений, получивших поддержку не менее 100 тысяч граждан в течение одного года, в Правительстве РФ после проработки этих предложений экспертной рабочей группой с участием депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации и представителей бизнес-сообщества;
 - ◆ обеспечить доступ в сети интернет к открытым данным, содержащимся в информационных системах органов государственной власти РФ.

Во исполнение Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 15.02.2016) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»¹ в стране стали создавать повсеместно многофункциональные центры (далее — МФЦ) в целях предоставления государственных и муниципальных услуг гражданам соответственно федеральными органами исполнительной власти, органами государственной внебюджетных фондов, исполнительными органами государственной власти субъектов Федерации, а также местными администрациями и иными органами местного самоуправления, осуществляющими исполнительно-распорядительные полномочия в режиме «единого окна».

В 2015 г. Минэкономразвития России, большинство субъектов Федерации и муниципальных образований практически завершили работу по созданию сети МФЦ.

Многофункциональные центры — это центры, в которых граждане могут получить большинство необходимых им государственных и муниципальных услуг в режиме «одного окна». По состоянию на март 2016 г. в стране создано порядка 13 тыс.

¹ СЗ РФ, 2010, № 31, ст. 4179, в ред. от 15.02.2016.

подобных точек. Из них 2737 это именно МФЦ и более 10 тыс. — так называемые офисы государственных услуг, то есть обособленные подразделения на 1–2 окна и офисы на базе привлекаемых организаций, обычно это «Почта России», расположенные, как правило, в малых населенных пунктах.

В 2012 г. Президент РФ поставил задачу добиться того, чтобы 90% населения страны имело доступ к таким центрам. Сегодня охват МФЦ составляет более 95% граждан.

В Санкт-Петербурге для автоматизации деятельности МФЦ создана Межведомственная автоматизированная информационная система предоставления в Санкт-Петербурге государственных и муниципальных услуг в электронном виде (МАИС ЭГУ). В основу работы МФЦ заложен принцип «одного окна», т. е. исключение или максимально возможное ограничение участия заявителя в процессах сбора различных справок и документов, необходимых для получения той или иной государственной услуги, а также прозрачное и контролируемое прохождение документов на всех этапах предоставления государственных услуг. Другим способом реализации принципа «одного окна» в Санкт-Петербурге является предоставление государственных услуг через сеть интернет.

В начале 2016 г. в Ленинградской области зарегистрированы 23 МФЦ: во всех муниципальных районах, а также Сосновоборском городском округе и в городских поселениях Сертолово, Отрадное, Коммунар и Приморск. В МФЦ уже можно получить 133 услуги, в том числе консультационные, причем спектр предоставляемых услуг растет.

Число заявителей, обращающихся для получения различных услуг, исчисляется миллионами человек в год. Именно опыт обращения в органы публичной власти за получением публичных услуг становится для простого человека мерилom качества работы органов власти.

В первые годы работы МФЦ граждане встречались с многими проблемами. Они называли самой главной проблемой долгое ожидание в очереди. Отмечали также волокиту, необходимость многократно обращаться по одному и тому же вопросу, долгое ожидание результата услуги, невнимательность, безразличие сотрудников, нежелание помочь, неудобное, неприспособленное для ожидания помещение, необходимость лично представлять документы, отсутствие типовых форм документов. Нередко заявителю для получения услуги приходилось сначала обращаться в целый ряд органов публичной власти за получением документов, подтверждающих его право на обращение в орган власти за нужной ему услугой.

К 2016 г. с этими проблемами в основном удалось справиться. В целом по стране граждане удовлетворены обслуживанием в этих центрах. При этом МФЦ стали обеспечивать согласование с организациями-смежниками проблемных моментов, которые возникают в каждом конкретном случае предоставления комплексной услуги. Заявитель теперь повторно обращается в МФЦ в установленное время и получает конечный документ, подготовленный по результатам выполнения заявленной им услуги, или аргументированный отказ. В 2015 г. удалось существенно уменьшить среднее время ожидания в очереди. Однако норматив в 15 мин, к сожалению, еще не выполняется.

Однако пока еще случаются сбои и недоработки. Ключевая проблема — передача в полном объеме компетенций по предоставлению услуг от органов власти к МФЦ. Принимаются меры, чтобы в центрах можно было не только сдать документы на паспорт (в том числе заграничный), как это происходит сейчас, но и получить его там же, а не идти за паспортом в Миграционную службу.

Также давно уже судам общей юрисдикции по примеру арбитражных судов через МФЦ надо было наладить подачу истцами исковых заявлений, ходатайств, жалоб, заявок для архива, выдачу архивных документов и других документов по интернету.

Сегодня, пожалуй, только в судах граждане тратят много сил, времени, долгого ожидания в очередях, денег на проезд. Надо сделать взаимодействие с судами в части документов более простым, быстрым и комфортным.

Другое важное направление — это завершение до 2017 г. перехода на электронное взаимодействие между МФЦ и ведомствами, оказывающими услуги. К сожалению, пока МФЦ часто вынуждены работать «почтальонами», перевозящими в органы власти бумажные комплекты документов.

Также важно реализовывать практику оказания услуг независимо от места жительства граждан. Особенно это актуально для крупных городов, где людям удобнее обратиться в МФЦ не по месту жительства, а по месту работы. Сейчас этот экстерриториальный принцип применяется в МФЦ Москвы для 97% перечня услуг.

Недавно на заседании правительства было принято решение включить в перечень предоставляемых в МФЦ еще ряд востребованных услуг. Это в первую очередь услуги Федеральной миграционной службы и Министерства внутренних дел.

Построение электронного правительства и повышение эффективности государственного управления должно обеспечить формирование единого пространства юридически значимого электронного взаимодействия; создание и развитие государственных межведомственных информационных систем, предназначенных для принятия решений в реальном времени; создание справочников и классификаторов, используемых в государственных и муниципальных информационных системах; повышение эффективности внедрения информационных и телекоммуникационных технологий на уровне субъектов Федерации и муниципальных образований; развитие системы учета результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, выполненных в рамках государственного заказа; обеспечение перевода в электронный вид государственной учетной деятельности; создание и развитие специальных информационных и информационно-технологических систем обеспечения деятельности органов государственной власти, в том числе защищенного сегмента сети интернет и системы межведомственного электронного документооборота.

Электронное правительство — это способ предоставления информации и оказания уже сформировавшегося набора государственных услуг гражданам, бизнесу, другим ветвям государственной власти и государственным чиновникам, при котором личное взаимодействие между государством и заявителем минимизировано и максимально возможно используются информационные технологии.

Электронное правительство — система электронного документооборота государственного управления, основанная на автоматизации всей совокупности управленческих процессов в масштабах страны и служащая цели существенного повышения эффективности государственного управления и снижения издержек социальных коммуникаций для каждого члена общества. Создание электронного правительства предполагает построение общегосударственной распределенной системы общественно-го управления, реализующей решение полного спектра задач, связанных с управлением документами и процессами их обработки.

Электронное правительство — это создание новых форм взаимодействия госорганов; оптимизация предоставления правительственных услуг населению и бизнесу; поддержка и расширение возможностей самообслуживания граждан; рост технологической осведомленности и квалификации граждан; повышение степени участия всех избирателей в процессах руководства и управления страной; снижение воздействия фактора географического местоположения.

Электронное правительство не является дополнением или аналогом традиционного правительства, а лишь определяет новый способ взаимодействия на основе активного использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в целях повышения эффективности предоставления государственных услуг. Такие технологии существенно расширяют возможности политической коммуникации

и позволяют достичь новых форм интеграции между правительством, бизнесом и гражданами.

Таким образом, электронное правительство имеет следующие основные цели: оптимизация предоставления правительственных услуг населению и бизнесу; повышение степени участия всех избирателей в процессах руководства и управления страной; поддержка и расширение возможностей самообслуживания граждан; рост технологической осведомленности и квалификации граждан; снижение воздействия фактора географического местоположения.

Создание электронного правительства должно обеспечить не только более эффективное и менее затратное администрирование, но и кардинальное изменение взаимоотношений между обществом и правительством, к совершенствованию демократии и повышению ответственности власти перед народом.

Усилия, которые предпринимала Россия по части развития электронного правительства и доступности инфо-коммуникационных технологий населению, не прошли незамеченными: в глобальных индексах по развитию сетевого общества позиции России улучшаются год от года, хотя пока ей не удалось выбиться в первую двадцатку мировых стран. По результатам 2014 г. Россия занимала 50-е место в мире по готовности к сетевому обществу и 27-е место по готовности к электронному правительству.

В 2016 г. Россия заняла 12-е место в списке самых инновационных мировых экономик Bloomberg Innovation Index, тогда как годом ранее она занимала 14-ю строчку. Страны в нем занимают места в соответствии со средним показателем по шести категориям: Научные исследования и развитие, Промышленное производство, Высокотехнологичные компании, Высшее образование, Научно-исследовательские работники и Патенты. Лучший показатель у нас в категории «Образование», где мы уступаем только Южной Корее. Неплохо у нас и с патентами. В этой категории Россия — шестая.

Повысить место в Глобальном инновационном индексе и сделать инновации своим «коньком» можно, если уделять больше внимания и сил таким категориям, как «Промышленное производство», где мы только 37-е, и «Научные исследования и развитие», в которой РФ занимает 31-е место. Очень большой потенциал России, по мнению авторов Индекса, в одном из важнейших инновационных компонентов — образовании. Оно у России на достаточно высоком уровне, но нашей стране не удастся извлечь из него максимум выгод для сферы инноваций из-за сильно развитой бюрократии и коррупции¹.

В отчете Всемирного экономического форума (ВЭФ) 2014 Россия заняла 108-е место по уровню доступности новейших технологий населению (годом ранее — 124). По уровню внедрения новых технологий в корпоративном секторе Россия заняла 98-ю строчку против 126-й годом ранее, а по степени распространения интернет-доступа перешла с 62-го на 49-е место.

По данным ВЭФ, в России доступ в интернет имеет 61,4% населения. Стационарным широкополосным доступом в интернет в России пользуются 16,6% населения. По данному показателю наша страна занимает 43-ю строчку. При этом средняя скорость интернета в расчете на одного пользователя в России составила 41,2 Кбит/с. Для сравнения, средняя скорость интернета для жителя Люксембурга составила 6,4 Мбит/с (первое место).

В ежегодном рейтинге конкурентоспособности, публикуемом ВЭФ, Россия поднялась с 53-го на 45-е место. Улучшения, в частности, связаны с повышением

¹ Мануков С. Россия добилась инновационного прогресса // «Expert Online» 28 jan 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2015/01/28/rossiya-stala-innovatsionnoj-derzhavoj/> (дата обращения: 20.06.2016).

эффективности рынка товаров и услуг, которое произошло благодаря снижению административных барьеров, говорится в отчете ВЭФ. Другим важным фактором улучшения позиции России в рейтинге стал пересмотр МВФ показателей паритета покупательной способности — в результате денежная оценка ВВП РФ выросла с 2,55 долл. до 3,56 трлн долл. (6-е место в мире)¹.

27 марта 2006 г. генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию под номером A/RES/60/252, которая провозглашает 17 мая Международным днем информационного общества.

Ожидаемые в 2020 г. результаты реализации Программы Информационное общество Российской Федерации должны обеспечить: создание на всей территории России современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры; достижение опережающего роста российского рынка информационных и телекоммуникационных технологий по отношению к общемировому уровню; принципиальный рост качества и доступности услуг почтовой связи, создание спектра новых услуг для населения на всей территории страны на базе почтовых отделений; существенное сокращение транзакционных издержек в экономике за счет стандартизации процессов, среды взаимодействия и внедрения информационных и телекоммуникационных технологий; высокое качество предоставления государственных услуг в электронном виде; осуществление большинства юридически значимых действий в электронном виде; обеспечение прав и основных свобод человека, в том числе права каждого человека на информацию; развитие социальной самоорганизации и социального партнерства власти, бизнеса и общественности на основе использования информационных технологий; сокращение «цифрового неравенства» субъектов Федерации; предоставление возможности осуществления трудовой деятельности дистанционно и содействие самозанятости; достижение технологической независимости Российской Федерации в отрасли информационных и телекоммуникационных технологий; достижение такого уровня развития технологий защиты информации, который обеспечивает неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, безопасность информации ограниченного доступа; высокая степень интеграции Российской Федерации в мировое информационное общество.

¹ Гэу А. Россия заняла 45-е место в мировом рейтинге конкурентоспособности // Сейчас. ру. 30 сентября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/state/3104> (дата обращения: 20.06.2016).

Волков В.А., Борейко А.А.

К вопросу создания новой типологии революций

Волков Виталий Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Профессор кафедры государственного и муниципального управления
 Доктор политических наук, профессор
 volkov-va@sziu.ranepa.ru

Борейко Андрей Андреевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Соискатель
 aarongungnir@mail.ru

РЕФЕРАТ

Как и любой другой сложный феномен, «революция» меняется вместе с человеческой цивилизацией. Понимание многих политических процессов в современном мире становится возможным через понимание революционного феномена. Так, в начале XXI в. по миру прокатилась волна «цветных революций», а затем и «Арабская весна». Своей задачей мы видим создание рабочей типологии революций. Для этого мы воспользуемся теориями мир-системного анализа и культурной гегемонии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

революция, культурная революция, типология, модернизация, «цветная революция», мир-система, культурная гегемония

Volkov V. A., Boreyko A. A.

On the Development of New Revolution Typology

Volkov Vitaly Aleksandrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Professor of the Chair of State and Municipal Management
 Doctor of Science (Political Science), Professor
 volkov-va@sziu.ranepa.ru

Boreyko Andrew Andreevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Applicant
 aarongungnir@mail.ru

ABSTRACT

Revolution phenomena is changes through history of humanity. Understanding of different modern political processes become possible with revolution theory. At the beginning of the XXI c. in the world, a wave of «color revolutions» and then the «Arab Spring» took place. Our main task we see as the creation of a working revolution classification. We would use world-system theory and theory of cultural hegemony.

KEYWORDS

revolutions, Cultural Revolution, typology, modernization, color revolution, world-system theory, cultural hegemony

Для того чтобы понять природу ряда революционных процессов, которые происходят по всему миру вообще и на постсоветском пространстве в частности, необходимо проанализировать генезис этих событий. Пониманию «цветных» и прочих

современных революций должна способствовать качественная методология, демаркирующая одни типы от других. Для начала нам следует обратиться к общим положениям теории революции.

Определений термина «революция» существует довольно много. Отчасти это является и результатом того многообразия форм и содержания, присущего этому процессу. От первоначального астрономического значения «революция» проделала большой путь. Семантическая трансформация понятия революции, однако, не закончилась. С увеличением знаний все больше событий в прошлом и настоящем мы склоны именовать «революциями». Мы говорим о технической, культурной и каких-либо других революциях. Б. Капустин называет, например, реформы, проведенные в Японии в конце XIX в. и в Турции в начале XX в., «революциями сверху» [5, с. 6–31]. Этот список может быть продолжен за счет и более актуальных событий, например, — «культурная революция» в Китае. Кроме того, с появлением «цветных революций» произошло еще большее размывание феномена революции. Все это позволило Л. Бляхеру определить революцию как «блуждающую метафору» [1, с. 12–31]. Но пониманию многих процессов, прошлых и будущих, на постсоветском пространстве, может способствовать, в том числе, и создание типологии революций, в котором можно было проследить генезис этих процессов, включая «цветные революции».

С. Хантингтон определил революцию как: «Быструю, фундаментальную и насильственную, произведенную внутренними силами общества смену господствующих ценностей и мифов этого общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, правительственной деятельности и политики» [8, с. 268]. Данное определение является одним из самых распространенных. С. Хантингтон фокусирует свое внимание на политических последствиях революции. Но, что важно, он также отмечает смену ценностей и мифов. С нашей точки зрения, смена мифов и ценностей — культурный аспект, — является не последствиями революции, а скорее ее первопричиной. Идея смены культурных парадигм легла в основу предложенной нами типологии революций.

1) *Формационные революции*. Как общественно-политический феномен появились относительно недавно — в эпоху Нового времени. Сущность этих процессов заключалась в замене, частично или полностью, одного общественного строя другим в результате классовой борьбы. На смену обществу феодальному с сословно-представительной структурой приходит новое буржуазное общество. А. Токвиль отмечал, что именно Французская революция положила конец изжившему себя феодальному обществу [7]. Важно понимать, что формационные революции происходили преимущественно в европейских странах. Смена формации приводила к бурному росту капитализма. Итогом этих преобразований является появление современных европейских государств. Тем фундаментом, на котором стоят эти общества, являются политические идеалы либеральной демократии и экономические принципы рыночного капитализма. «Мир, в котором мы сейчас живем, то есть современная мир-система, зародился в XVI веке. Тогда мир-система занимала лишь часть земного шара, некоторые районы Европы и обеих Америк. Постепенно она росла и охватила всю планету. Современная мир-система есть и всегда была мироэкономикой. Она есть и всегда была капиталистической мироэкономикой» [3, с. 85]. И. Валлерстайн был одним из тех, кто предложил мир-системный подход к пониманию современного мира. Согласно Валлерстайну страны Западной Европы и Северной Америки являются ядром такой системы. На окраинах этой системы, на ее периферии, находятся страны, в нее включенные на зависимом положении. Отношения между ядром и периферией имеют характер доминирования и экспансии. Если изначально представлялось, что культурная неоднородность не является проблемой для ядра, то на данный момент становится ясно, что культурная гегемония позволяет плотнее вклю-

чать периферию в орбиту своего влияния. Новые страны интегрируются в эту мир-систему посредством революций иного типа, которые призваны радикально трансформировать существующую культурную парадигму.

2) *Цивилизационные революции.* Не все революции в прошлом были формационными. С. Кара-Мурза отмечает, что Октябрьская революция 1917 г. была альтернативой Февральской буржуазной революции, которая выводила Россию на путь, характерный для стран Западной Европы и Северной Америки [6, с. 31]. В этом случае Россия оказалась бы вовлечена в европейскую мир-систему в качестве страны периферии с господством иностранного капитала. Многие исследователи, например, К. Бринтон, отмечают, что одним из главных результатов Русской революции 1917 г. была индустриализация, которую начало и закончило большевистское правительство и на которую было не способно царское правительство [9, р. 254]. Однако в рамках мир-системного подхода главным достижением Русской революции было то, что она предложила альтернативный цивилизационный проект, и в результате Россия сама стала страной-ядром, центром советской цивилизации. Это позволило России не оказаться на периферии западной мир-системы и избавиться от господства иностранного капитала. Исторический опыт и мир-системная теория показывают, что повторение формационной стадии вхождения в капитализм с теми же условиями и итогами для неевропейских стран невозможен, поскольку капитализм уже существует, и существует как мировая система со своим лидирующим ядром.

3) *Культурная революция.* Согласно формационной теории революции К. Маркса, вслед за буржуазными революциями должна следовать коммунистическая революция В начале XX в. происходит осознание того, что классовое сознание рабочих не является достаточным фактором для дальнейших революционных преобразований европейских буржуазных обществ в социалистические. Это заставляет исследователей менять свое представление о феномене революции.

Одним из таких исследователей был А. Грамши, основатель и руководитель Итальянской коммунистической партии [4, с. 313]. Революция, согласно А. Грамши, должна являться результатом утраты культурной гегемонии государством и установления новой культурной гегемонии альтернативной силы. В атаке на «культурное ядро» ключевую роль играет интеллигенция. Таким образом, революция из социально-политического феномена превращается в феномен культурно-идеологический. Учение А. Грамши оказало сильное влияние как на общественную теорию, так и на политическую практику, но произошло это не сразу.

Процессы, происходившие в США в 60–70-х гг. XX в., П. Д. Бьюкенен определил как революцию социальную и культурную, изменившую лицо традиционной Америки. В этом он винит распространение идей А. Грамши, Д. Лукача, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромма и др., которые привели к дехристианизации американского общества и деградации института семьи: «Культурная революция, напротив, была самой настоящей революцией. На трети территории страны молодежь отрунула иудео-христианскую мораль. Враждебность молодых к „дедовской Америке“ одобрялась нашей политической элитой; формируя общественное мнение через телевидение, кинематограф, театр, журналы и музыку, эти проповедники новой веры распространяли свое евангелие по всему миру и привлекали под свои знамена миллионы новообращенных» [2, с. 53]. При этом, левые так и не захватили власть в США. Культурная революция в США обошлась без насильственного захвата власти, но существенно трансформировала ее цивилизационный код.

«Культурная революция» может реализовываться «сверху» и «снизу». В первом случае речь идет об укреплении существующих культурных норм, за что выступают господствующие политические силы. Это не противоречит учению А. Грамши. В таком случае властные институты и провластная элита наносят удар по «альтернатив-

ным» идеям, укрепляя те идеи, которые способствуют сохранению их власти. Она характерна для стран, в которых до этого уже произошли значительные социальные и политические изменения. Примером «культурной революции» «сверху» могут служить события в Китае в 60–70-х гг. XX в. События в США могут пониматься как «культурная революция» «снизу», где начинает реализовываться альтернативный культурный проект от лица большинства, но поддерживаемый частью элиты.

Процессы размывания культурного ядра могут затягиваться на длительный по времени срок. Захвата власти как такового может и не быть. Происходит скорее коренная трансформация. Но кроме культурных революций-трансформаций в широком смысле слова существуют еще и культурные революции в узком значении — отвечающие определению «революции», предложенному в начале статьи, по С. Хантингтону. Здесь культурные революции могут выполнять функцию формационных революций, втягивая государства в периферию господствующих цивилизационных ядер. С точки зрения предложенной методологии революции в современном мире являются результатом столкновения мир-систем.

4а) *Либеральные Культурные революции.* К этому подтипу относится целый ряд событий, произошедший за несколько десятилетий. Это и «Бархатная революция» в Чехословакии 1989 г., и «цветные революции» на постсоветском пространстве в 2000-х, и события «Арабской весны». Наступивший после распада Советского Союза «конец истории» был воспринят как победа западной системы ценностей, т. е. западные культурные ориентиры стали осмысляться как безальтернативные. «Победа Запада, Западной идеи, прежде всего, стала свидетельством отсутствия системно жизнеспособных альтернатив Западному либерализму», — писал Ф. Фукуяма в 1989 г. [10, р. 3–18]

Различные революции стали механизмом интеграции стран в Западную мир систему, через подмену существующего (в каком-то смысле традиционалистского для этих стран) культурного ядра на новое, основанное на идеях либерализма и капитализма.

Рассмотрим чуть подробнее пример двух «цветных революций» на Украине. Президентские выборы, впервые в истории независимой Украины, были выборами между двумя проектами: Восточным и Западным. Первый представлял собой тесные связи с Россией и серьезное погружение в экономические и политические институты на постсоветском пространстве. Второй проект предполагал, по заверению лидеров «Оранжевой коалиции», вступление Украины в НАТО и Европейский союз, а также отказ от всего негативного, с чем ассоциировалось советское наследие. Советское наследие понималось и как коррумпированность, и неэффективность существующей политической системы, и как фундаментальное переосмысление роли России в Украинской истории. Хотя ни одна из сторон не утверждала западный или восточный путь как единственно возможный — они были готовы к сотрудничеству со всеми сторонами, — ценностные ориентиры были определены довольно четко. По результатам «Оранжевой революции» 2004 г. Украина не вошла в Западную мир-систему. Уже на следующих выборах победу одержал кандидат, представлявший восточный проект. Однако переход власти от представителей одной элитарной группировки к другой не может остановить процессы смены культурной парадигмы.

В 2014 г. в результате «Евромайдана» новые украинские власти взяли курс на интеграцию с Европой. Но траектория движения Украины в этом направлении отчетливо показывает иерархию Западной мир-системы. Если на Украине не произошло окончательной смены культурного ядра, то, на данный момент, отчетливо доминируют прозападные культурные ориентиры. Таким образом, Украина тяготеет к Западу, разрывая связи с Россией и всем тем, что символизирует советское наследие. Европейский союз готов отменить для украинцев визы. Готов ЕС и на

расширение экономических связей через механизмы ассоциированного членства. Однако Украину не готовы видеть ни полноправным членом ЕС, ни членом НАТО. Иными словами, Украина не получает равноправного членства в Западной мир-системе. Украина оказывается на периферии этой системы, как и вся Восточная Европа. Для существования Западной мир-системы необходимы источники самых разнообразных ресурсов, с одной стороны, а с другой — рынки сбыта. Сохранение формальных барьеров способствует распространению теневых схем использования дешевых человеческих и природных ресурсов. Наилучший способ привязать к себе периферию — это культурная и экономическая интеграция, не предполагающая вхождения в ядро.

4б) *Культурная консервативная революция*. Такой тип революций является негативной реакцией на модернизацию, в том числе и посредством революции. Это откат к традиционным ценностям, которые были распространены до вестернизации с попыткой сохранить свое цивилизационное ядро. Здесь примером может служить Иранская исламская революция 1979 г. В результате этой революции был отстранен от власти шах, придерживавшийся во внешней политике ориентации на США, а во внутренней — курса на вестернизацию. К власти пришли шиитские богословы, которые взяли курс на исламизацию страны. Такой тип революций смыкается с цивилизационными революциями.

Предложенная методология дает комплексное представление о феномене революции, разделяя при этом различные ее типы друг от друга. Различные типы революции представляются в рамках нашего подхода как этапы, следующие довольно последовательно. Генезис революции приводит нас от формационных революций, которые в современном мире попросту невозможны, к новым типам революционных процессов. Процессы смены власти на постсоветском пространстве, называемые «цветными революциями», как следствие, хорошо вписываются в предложенную типологию. При этом они становятся не просто новым типом революции, но закономерным этапом ее развития. «Цветные» революции, или как мы их называем «либеральные культурные революции», понимаются в рамках предложенной методологии не только как результат только внешних или только внутренних факторов, но как результат их совокупности. Такое комплексное понимание позволяет лучше понять природу этого феномена, как его истинных причин, так и последствий. В качестве причины «цветных революций» мы выделяем культурную экспансию, продиктованную необходимостью решения собственных витальных задач, доминирующей на данный момент Западной мир-системы. Но, как показывает опыт, это в определенной степени может приводить к реакции в виде культурных консервативных революций. Таким образом, эти революции являются неотъемлемой частью современного мира. Они с большей вероятностью будут происходить на стыке мир-систем, очерчивая контуры границ различных цивилизаций.

Литература

1. Бляхер Л. Революция как «блуждающая метафора»: семантика и прагматика революционного карнавала // Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе / под ред Л. Е. Бляхера, Б. В. Межуева, А. В. Павлова. СПб. : Алетей, 2008. С. 12–31.
2. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М. : АСТ, 2003.
3. Валлерстайн И. Мировосистемный анализ. М. : Территория будущего, 2006.
4. Грамши А. Избранные произведения в 3-х т. Т. 2. М. : Изд. иностранной литературы, 1957.
5. Капустин Б. О понятии «революция» // Революция как концепт и событие: монография. М. : ООО «ЦИУМИНЛ», 2015. С. 6–31.
6. Кара-Мурза С. Г. Правильная революция! М. : Эксмо : Алгоритм, 2010.
7. Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб. : Алетей, 2008.

8. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004.
9. Brinton C. *The anatomy of revolutions*. N. Y. : Vintage books, 1960.
10. Fukuyama F. *The End of History?* / *The National Interest*, Summer 1989. P. 3–18.

References

1. Blyakher L. *Revolution as "the wandering metaphor": semantics and pragmatics of a revolutionary carnival* [Revolyutsiya kak «bluzhdayushchaya metafora»: semantika i pragmatika revolyutsionnogo karnavala] // *Concept "Revolution" in a modern political discourse* [Kontsept «Revolyutsiya» v sovremennom politicheskom diskurse] / under the edition of L. E. Blyakher, B. V. Mezhujev, A. V. Pavlov. SPb. : Aletheia, 2008. P. 12–31. (rus)
2. Buchanan P. J. *The Death of the West* [Smert' Zapada]: translation from English A. Bashkirov. M. : AST, 2003. (rus)
3. Wallerstein I. *World-Systems Analysis* [Mirosystemnyi analiz]: translation of N. Tyukina. M. : Territory of the future [Territoriya budushchego], 2006. (rus)
4. Gramsci A. *Chosen works* [Izbrannye proizvedeniya]: V. 2. M. : Publishing House Foreign literature [Izd. inostrannoi literatury], 1957. (rus)
5. Kapustin B. *About the concept "revolution"* [O ponyatii «revolyutsiya»] // *Revolution as a concept and an event* [Revolyutsiya kak kontsept i sobytie]: monograph. M. : LLC Central publishing house of learning, methodical and scientific literature, 2015. P. 6–31. (rus)
6. Kara-Murza S. G. *Correct revolution!* [Pravil'naya revolyutsiya!]. M. : Eksmo : Algorithm, 2010. (rus)
7. Tocqueville A. *The Old regime and the Revolution* [Staryi poryadok i revolyutsiya]. SPb. : Aletheia, 2008. (rus)
8. Huntington S. *Political Order in Changing Societies* [Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh]. M. : Progress-Tradition, 2004. (rus)
9. Brinton C. *The anatomy of revolutions*. N. Y. : Vintage books, 1960.
10. Fukuyama F. *The End of History?* / *The National Interest*, Summer 1989. P. 3–18.

Клюев А. В., Немцова А. Н.

Реальные и потенциальные перспективы включения трудовых мигрантов в рынок труда (на примере Санкт-Петербурга)

Клюев Анатолий Владимирович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Доктор философских наук, профессор
 Заведующий кафедрой социологии и социальной работы
 Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации
 ssr@szags.ru

Немцова Анна Николаевна

Комитет по труду и занятости населения Санкт-Петербурга
 Отдел трудовой миграции и сотрудничества с работодателями
 Специалист 1 категории
 rabot110@vail.ru

РЕФЕРАТ

В статье проведен анализ включения мигрантов в трудовую деятельность с учетом реальных потребностей рынка труда и целевого подхода к их набору, а также выявлен эффективный механизм привлечения трудовых мигрантов в соответствии с реальными потребностями хозяйствующих субъектов в форме организованного набора иностранных работников, который может применяться в регионах с недостаточным трудовым потенциалом. Проведено исследование комплекса мер по совершенствованию регулирования трудовой миграции в аспекте формирования эффективного механизма привлечения квалифицированных работников из числа трудовых мигрантов для обеспечения базовых отраслей экономики в рабочей силе (на примере Санкт-Петербурга).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

трудовые ресурсы, трудовая миграция, организованный набор, трудоустройство, экономическая ситуация, регулирование миграционных процессов

Klyuev A. V., Nemtsova A. N.

The Actual and Potential Prospects for the Inclusion of Migrant Workers in the Labor Market (On Example of St. Petersburg)

Klyuev Anatoly Vladimirovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Doctor of Science (Philosophy), Professor
 Head of the Department of sociology and social work
 Honored worker of Higher school of the Russian Federation
 ssr@szags.ru

Nemtsova Anna Nikolaevna

Committee on Labour and Employment of the Population of St. Petersburg
 Department of a Labor migration and cooperation with employers
 Specialist of 1st category
 rabot110@mail.ru

ABSTRACT

In the article the analysis of the inclusion of migrants to labor activity taking into account the real needs of the labour market and targeted approach to their recruitment, as well as revealed an effective mechanism for attracting labour migrants in accordance with the real needs of businesses in the form of organized recruitment of foreign workers that can be used in regions with low employment potential.

The study of complex of measures on improvement of regulation of labor migration in the aspect of formation of the effective mechanism of attracting skilled workers from migrant workers to provide basic sectors of economy in labor force (by example of St. Petersburg).

KEYWORDS

labour resources, labour migration, organized by the recruitment, employment, economic situation, regulation of migration processes

В условиях сложной социально-экономической ситуации и дефицита рабочей силы в целом ряде отраслей возникает проблема пополнения трудовых ресурсов и их эффективного использования.

Во-первых, можно указать, что пока что определенная часть населения, представляющая трудовой потенциал, не реализует его в должной мере в силу разных причин: состояние рынка труда, структурные изменения в экономике, заниженная трудовая мотивация, неадекватная оплата труда и т. д. Задачей государства и муниципальных органов власти является включение данной категории граждан в активный трудовой процесс за счет переквалификации и профессиональной переподготовки, открытия новых рабочих мест, развития гибкого рынка труда, правового обеспечения занятости, а также социальной поддержки слоев населения, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Во-вторых, в условиях демографического спада российского населения существенным источником увеличения численности работающих является привлечение к участию в трудовой деятельности лиц старше трудоспособного возраста и трудовых мигрантов.

Не останавливаясь на анализе включения в трудовой процесс пожилых людей, доля которых увеличивается, а значительный процент из них обладает профессиональными знаниями, качественным образованием и готовностью продолжать активную трудовую деятельность, сделаем акцент на реальные и потенциальные возможности вхождения на рынок труда трудовых мигрантов. Последние являются неоднозначным источником трудового ресурса, так как прибывают в страну с разными целями.

Сама по себе трудовая миграция является частью глобального перемещения по всему миру товаров, капиталов, людей. В миграционных перемещениях заинтересованы как сами мигранты, ищущие лучшей жизни, так и принимающие страны, нуждающиеся в трудовых ресурсах на временной или постоянной основе. Количественная востребованность трудовых мигрантов определяется состоянием рынка труда, реальными потребностями хозяйствующих субъектов на уровне регионов, предприятий и т. д.

Сегодня на мировых рынках труда и в России иммигранты в основном сосредоточены в «низовых» секторах экономики. Пока не снижается потребность в неквалифицированной рабочей силе (дворники, уборщики помещений, подсобные работники в строительстве, слабо механизированных производствах, торговле и т. д.). С другой стороны, экономическая ситуация в стране, оказывая влияние на сокращение числа рабочих мест, приводит к росту гибких форм занятости (временной, неполной и т. д.), которые непривлекательны для местного населения, но доступны для мигрантов, тем более, что работодатель заинтересован в относительно недорогой рабочей силе, готовой заполнять непрестижные рабочие места.

Хотя в сложившейся экономической ситуации существует проблема востребованности низкоквалифицированного труда, необходимо иметь в виду, что ее решение за счет привлечения иностранной рабочей силы в перспективе не является продуктивным. Естественно, что в обществах переходного типа потребность в мало-квалифицированных работниках будет сохраняться до определенного периода. Но,

вместе с тем, логика поступательного социально-экономического развития ориентирует на конкурентоспособную рабочую силу, способную к инновационным изменениям.

Также в ходе расширения конкурентоспособного бизнеса будет увеличиваться спрос на работников, способных к творческому труду, инновациям. Многие авторы солидарны с тем, что в постиндустриальном, сетевом обществе главным ресурсом будет образование, знания, опыт и т. д. В этом обществе на первый план выдвигается меритократический принцип социальной селекции, при котором одаренные и хорошо образованные люди реально получают преимущества в социальном продвижении [4, с. 8].

В условиях модернизации и возрастания социальной мобильности будет подвергаться изменению жесткая иерархическая, статусная социальная закреплённость. Приоритетное значение будут приобретать качественные (креативные, инновационные) характеристики работников. Уже сегодня особую актуальность получает принцип социальной селекции, необходимый при оценке миграционного потенциала и реализации его ресурсных возможностей.

В этой связи необходимо учитывать комплекс условий: сложность процесса адаптации, т. е. трудность вхождения мигрантов в новую социально-экономическую и социально-культурную среду; зачастую низкий профессиональный уровень трудовых мигрантов; нарастание напряжения между местным населением и мигрантами; демографическое давление со стороны мигрантов, имеющих высокие показатели рождаемости; ориентацию внешних трудовых мигрантов в основном на временное пребывание с целью получения заработка; заинтересованность части российских работодателей и бизнес-сообщества в нелегальной миграции вследствие желания сэкономить время и финансы на оформлении разрешительных документов.

Исходя из данных условий, основными приоритетами государственного регулирования миграционных процессов на рынке труда являются: создание нормативно-правовых фильтров против нелегальных мигрантов; рациональное, целесообразное использование трудового потенциала мигрантов; обеспечение доступа мигрантов к социальным услугам, включая медицинское страхование и т. д.; осуществление качественного отбора мигрантов, ориентированных на работу, знающих русский язык и имеющих востребованную профессию и др.

Одним из важных принципов регулирования миграционных потоков является дифференцированный подход к различным группам мигрантов. То есть необходимо учитывать, что мигранты, не представляя собой однородную социальную общность, должны классифицироваться по целому ряду критериев: уровню образования, профессиональной подготовке, целям приезда, адаптационным возможностям, готовности воспринимать другую культуру и т. д. [1, с. 161]. В зависимости от данных и других характеристик вырабатывается соответствующая миграционная политика по отношению к ним. Так, в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Президентом РФ 13 июня 2012 г., предлагается создавать льготный режим оформления на работу предпринимателей, высококвалифицированных мигрантов.

Таким образом, значительным трудовым и адаптационным потенциалом обладают лишь те группы мигрантов, которые ориентированы на легальное осуществление трудовой деятельности, имеют профессию, владеют русским языком, находятся в контакте с местным населением, готовы качественно выполнять работу и повышать свой профессиональный уровень, уважительно относятся к российской культуре и традициям. Указанные группы мигрантов могут в определенной перспективе и при последовательной государственной миграционной политике пополнять трудовой ресурс российского общества. Следовательно, с учетом создания со-

циально-экономических фильтров и условий легализации труда мигрантов можно добиться оптимизации привлечения иностранной рабочей силы.

Регулирование рынка труда осуществляется посредством разработки комплексных государственных программ, которые могут выполняться с учетом специфики региональных и локальных рынков. За органами государственной власти субъектов Российской Федерации закреплены значительные полномочия по вопросам регулирования занятости, в пределах которых они обладают самостоятельностью. В Санкт-Петербурге основным государственным органом, выполняющим регулируемую функцию в сфере труда и занятости, является Комитет по труду и занятости населения Санкт-Петербурга.

В его ведомстве находятся два государственных учреждения: Санкт-Петербургское государственное автономное учреждение «Центр занятости населения» и Санкт-Петербургское государственное автономное учреждение «Центр трудовых ресурсов», которые образуют единую Службу занятости населения Санкт-Петербурга. Одной из важнейших задач Службы занятости в условиях возрастания коэффициента демографической нагрузки на трудоспособное население является реализация комплекса мер по обеспечению кадрами экономики города, в том числе за счет рационального привлечения иностранной рабочей силы.

По прогнозам, в Санкт-Петербурге к 2020 г. будет проживать более 1,4 млн граждан пенсионного возраста, доля которых в составе населения увеличится на 1,5% при одновременном снижении доли населения в трудоспособном возрасте на 4% (см.: «О государственной программе Санкт-Петербурга „Содействие занятости населения в Санкт-Петербурге“ на 2015–2020 годы»; Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 17.06.2014 № 490. Ред. от 16.09.2015).

Между тем заявленная предприятиями и организациями в Службу занятости населения потребность в работниках на конец декабря 2015 г. составила 53 750 свободных рабочих мест. В то же время на учете Службы занятости стояло 13 437 безработных. Наиболее остро нехватка персонала ощущается в промышленности, транспорте, торговле, жилищно-коммунальном хозяйстве, в ряде отраслей социальной сферы (по данным Службы занятости населения Санкт-Петербурга, размещенным на сайте Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга, <http://ktzn.gov.spb.ru/analiticheskaya-informaciya>).

Согласно государственной программе «Содействие занятости населения Санкт-Петербурга» на 2015–2020 гг. ожидается достижение следующих результатов: поддержание уровня безработицы в 2–3 раза ниже среднероссийского, но не более 2,1% от численности экономически активного населения; поддержание занятости населения на одном из самых высоких уровней в Российской Федерации, но не менее 70% от численности населения в возрасте 15–72 лет; сокращение доли иностранных трудовых мигрантов в общей численности занятых в экономике Санкт-Петербурга (до 6%); высокий удельный вес численности высококвалифицированных работников (33,3%); снижение доли неквалифицированных работников в общей потребности Санкт-Петербурга в иностранных работниках (до 20%).

Санкт-Петербург является одним из самых притягательных для мигрантов регионов Российской Федерации. Основной приток иностранных мигрантов происходит из Узбекистана и Таджикистана, но при этом многие прибывающие из этих стран работники имеют низкий уровень профессиональной подготовки. Регулирование трудовой миграции предполагает, что следует: во-первых, направлять миграционные ресурсы в те отрасли экономики, где они действительно нужны; во-вторых, привлекать в Санкт-Петербург квалифицированные кадры, а также заполнять вакантные места, которые слабо заполняются за счет собственных трудовых ресурсов. Для этого потребуются создание эффективных механизмов оценки потребностей

в иностранной рабочей силе с учетом перспектив развития экономики и национального рынка труда.

Для Санкт-Петербурга наиболее перспективными являются иностранные работники, желающие мигрировать в город, имеющие профессиональное образование и ориентированные на работу в нем. Они могут рассматриваться как «миграционный потенциал», который может трансформироваться в миграционный ресурс. Не останавливаясь специально на раскрытии понятий «миграционный потенциал» и «миграционный ресурс», которые трактуются в литературе весьма неоднозначно, отметим, что миграционный потенциал отражает готовность определенной части населения страны-донора мигрировать в принимающее государство, нуждающееся в рабочей силе. Миграционный ресурс, особенно в контексте темы нашей статьи, понимается как реальная рабочая сила, представленная мигрантами, способная выполнять трудовые функции, востребованные в стране-реципиенте.

Одним из наиболее эффективных инструментов регулирования притока трудовых мигрантов с учетом их профессиональной подготовки, целей приезда и т. д., является практика организованного набора иностранных работников, которые могут рассматриваться как миграционный ресурс при условии их готовности включаться в трудовой процесс.

В 2015 г. органами Службы занятости населения Санкт-Петербурга был реализован пилотный проект по внедрению механизма организованного набора иностранных работников на предприятия Санкт-Петербурга. Центры по осуществлению организованного набора открыты в Таджикистане и Киргизии.

Основными целями организации работы Центров по организованному набору трудовых мигрантов являются: оптимизация объемов и профессионально-квалификационной структуры привлекаемой в Санкт-Петербург рабочей силы из других стран и регионов РФ; повышение уровня удовлетворенности потребности экономики города в трудовых ресурсах; внедрение механизма организованного привлечения иностранных работников на рабочие места, на которые сложно привлекать российских работников; сокращение потока неквалифицированной иностранной рабочей силы; легализация рынка иностранного труда в городе; содействие привлечению иностранных работников с учетом реальных экономических потребностей Санкт-Петербурга; снижение социальной напряженности между трудовыми мигрантами и жителями города.

Алгоритм организованного набора включает следующие основные этапы: заявка на подбор необходимых работников от работодателя и заявление на поиск подходящей работы в Санкт-Петербурге от иностранного гражданина, который указывает свои профессиональные знания, навыки, опыт работы и т. д.; проверка кандидатов на предмет наличия запрета въезда в РФ; поиск подходящей работы и подбор необходимых работников на основе анализа баз данных вакансий и соискателей; видеосоветование работодателя с соискателем рабочих мест; предвыездная подготовка кандидатов после успешного собеседования; прибытие иностранных кандидатов в Санкт-Петербург, их встреча и сопровождение до места проживания представителями работодателя или сотрудниками «Центра трудовых ресурсов»; содействие в получении разрешительных документов на осуществление трудовой деятельности; контроль за трудоустройством и сопровождение трудовой деятельности мигрантов.

Организованный набор позволяет решать многие проблемы, связанные с использованием потенциала трудовых мигрантов, дальнейшей перспективной их жизнедеятельности в городе и снятием социальной напряженности. Переход к прогрессивной системе организованного набора позволит удовлетворять потребности отраслей российской экономики в трудовых ресурсах и снизить приток иностранных граждан, прибывающих в Россию неорганизованно, не имея заблаговременно подобранного рабочего места [3, с. 47–51].

Для оперативного обмена информацией о вакансиях и соискателях между Санкт-Петербургом и Таджикистаном, Комитетом по труду и занятости населения Санкт-Петербурга был разработан и внедрен в эксплуатацию специальный программный модуль, для которого в Центрах было установлено соответствующее программное обеспечение. С целью повышения эффективности реализации мероприятий в сфере внешней трудовой миграции, в том числе программы организованного набора, в 2015 г. был проведен мониторинг миграционной ситуации в Санкт-Петербурге по проблеме трудовой миграции. По его результатам (2012–2015 гг.) определены текущие тенденции развития миграционной ситуации, а также проведена оценка потребности в трудовых иммигрантах для индикации возможного и ликвидации имеющегося дефицита кадров в профессионально-квалификационном аспекте для приоритетных направлений социально-экономического развития региона.

Как известно, важной характеристикой предложения труда является наличие работников, имеющих необходимое образование, профессию, квалификацию. Однако предложение квалифицированного труда не является независимым от спроса. Безусловно, такие работники должны быть востребованы на рынке труда [2, с. 94–99]. Например, результаты мониторинга показали, что город не испытывает дополнительной потребности в специалистах с высшим образованием, зато существует необходимость в привлечении работников со средним специальным образованием. Так, около 3–5 тыс. специалистов-мигрантов в настоящее время работают на предприятиях Санкт-Петербурга, что соответствует 1,9% от общего числа трудовых мигрантов.

Потребность в специалистах для конкретных сфер экономической деятельности актуализирует целевую реализацию организованного набора иностранных работников. Следует отметить, что в процессе проведения мероприятий по организованному набору, на любом его этапе, могут возникать проблемы, связанные с финансовыми вопросами, трудовой дисциплиной, ответственностью работодателя, количеством вакансий и т. д. Тем не менее, говоря в целом, результаты работы Центров по организованному набору и прогноз экономического эффекта от их деятельности позволяют сделать вывод об их целесообразности и перспективности. Данный проект выводит процедуру набора мигрантов на новый качественный уровень, соответствующий совершенствованию управления миграционными процессами.

Литература

1. Клюев А. В. Процессы и этапы адаптации мигрантов в современном российском обществе // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. Т. 6. Вып. 2 (19). СПб., 2015.
2. Коваленко Н. В., Лобызенкова В. А. Миграция рабочей силы и ее влияние на рынок // Вестник Волгоградского института бизнеса. Бизнес. Образование. Право. 2015. № 2 (31). С. 94–99.
3. Леденева В. Ю. Система организованного набора мигрантов как адаптационный механизм // Государственная служба. 2014. № 4. С. 47–51.
4. Шкаратан О. И. Ожидания и реальность. Социальная мобильность в контексте проблемы равенства шансов // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 5–24.

References

1. Klyuev A. V. *Processes and stages of adaptation of migrants in modern Russian society* [Protsessy i etapy adaptatsii migrantov v sovremennom rossiiskom obshchestve] // Scientific works of

- North-West Institute of Management of the RANEPА [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS]. Vol. 6. Is. 2 (19). SPb., 2015. (rus)
2. Kovalenko N.V., Lobyzenkova V.A. *Labor migration and its influence on the market* [Migratsiya rabochei sily i ee vliyanie na rynek] // Bulletin of the Volgograd Institute of Business. Business. Education. Law [Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa. Biznes. Obrazovanie. Pravo]. 2015. N 2 (31). P. 94–99. (rus)
 3. Ledeneva V.Yu. *System of organized set of migrants as adaptable mechanism* [Sistema organizovannogo nabora migrantov kak adaptatsionnyi mekhanizm] // Public Administration [Gosudarstvennaya sluzhba]. 2014. No 4. P. 47–51. (rus)
 4. Shkaratan O.I. *Expectations and reality. Social mobility in the context of a problem of equality of chances* [Ozhidaniya i real'nost'. Sotsial'naya mobil'nost' v kontekste problemy ravenstva shansov] // Social sciences and the present [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 2011. N 1. P. 5–24. (rus)

Перспективы признания и развития криптовалют в Европейском Союзе и странах Европы

Леви Дмитрий Андреевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Доцент кафедры Европейских исследований
Кандидат политических наук
d.levi@spbu.ru

РЕФЕРАТ

В статье автор рассматривает историю появления и современное развитие криптовалют в мире и в странах Европы, а также оценивает их правовое регулирование. В центре внимания оказывается технология blockchain и криптовалюта bitcoin, популярность которых позволяет говорить сегодня о децентрализации управления финансами и другими активами. Автор полемизирует насчет возможностей изменения правового регулирования криптовалют, а также сравнивает отдельные европейские достижения в этой области с российским опытом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

криптовалюта, биткойн, Европа, Европейский Союз, блокчейн, хеш-блок, правовое регулирование, нетократия

Levi D. A.

Prospects of Recognition and Development of Cryptocurrencies in the European Union and the Countries of Europe

Levi Dmitri Andreevich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Associate professor of the Chair of European Studies
PhD in Political Science
d.levi@spbu.ru

ABSTRACT

Contemporary history and nowadays reality of cryptocurrencies such bitcoins is discussed in this article. Author reviews history and modern regulation of cryptocurrencies in the major economies in Europe and beyond. The role of bitcoin and block chain technology is being questioned in the article as author claims this technologies to be something more than a simple IT innovation, but a social hook for further development and political engineering. Author examines current legal regulation and its possible advancement and tries to compare certain results in this field with Russian expertise.

KEYWORDS

cryptocurrency, bitcoin, Europe, European union, legal regulation, block chain, hash-block, netocracy

В 2009 г. о практической реализации технологии хеш-блоков blockchain заговорили в мире информационных технологий как о революционном прорыве. К 2010 г. интерес к неожиданно разросшейся сети пользователей стали активно проявлять финансисты. К 2012 г. экономический потенциал технологии обеспокоил банковские системы некоторых стран. К 2014 г. голоса протекционистов традиционной экономической модели в отдельных странах оказались сильнее тех немногих, кто осознавал причины и характер появления новой альтернативной финансовой системы. И по состоянию на 2016 г. первая популярная криптовалюта — биткойны — оказалась очернена применительной практикой. В случае с Россией первым крикнувшим «волки!» оказался

Центральный банк¹, а затем хор различных чиновников от прокуратуры, правительства и даже Следственного комитета РФ, напуганных свойством анонимности, поспешил повесить на все виртуальные валюты и распределенные технологии запретительный знак, запугав заинтересовавшихся в развитии новой экспериментальной инновационной экономики физических и юридических лиц «пособничеством и финансированием терроризма». Подготовленный в 2016 г. на волне запретительного энтузиазма Министерством финансов РФ проект запретительного закона включил в список запрещенных суррогатных валют заодно и всевозможные купоны, бонусные баллы и очки, сердечки и прочие скидочные маркетинговые расчетные единицы. «Окрик» Министерства экономического развития, конечно, одернул законодательный креатив, но и сегодня судьба регулирования криптовалют и вообще технологии распределенного доступа в России под большим вопросом.

Между тем подавляющее большинство государств мира отнеслось к нарастающей популярности и цепочке скандалов с биткойнами с существенно меньшей вовлеченностью. В ряде случаев прозвучали осуждения использования биткойнов для совершения незаконных сделок, прогремели скандалы, связанные с проектом SilkRoad², спекуляциями с рыночным уровнем цены на биткойны, но в большинстве государств экономическим участникам было предложено отнестись к эксперименту с осторожностью и не более. В инновационных гаванях Дании и Швеции уже в 2010 году даже принялись рассуждать о возможности отнесения криптовалют к ценным бумагам или товарам с целью оценки возможного использования в качестве объекта налогообложения. Но эффект от работающего эксперимента децентрализованной финансовой системы, инструмента, способного противопоставить себя традиционным банковским институтам и финансовым инструментам для целей финансирования новейшей «shared-economy» и реализации «internet-of-things» (IoT), оказался гораздо больше одно-разового экономического эффекта вовлечения в игру с «денежными суррогатами». Эксперимент дал миру три вывода, которые, безусловно, окажут влияние на будущее развитие мировой экономики и заставят переосмыслить категории национального государства, каким мы его знаем сегодня. Страны Европейского Союза оказались одними из первых, кто приступил к адаптации экспериментальной технологии на правовом и практическом уровнях.

Во-первых, эксперимент показал, что распределенная неуправляемая валюта принципиально возможна и при этом обладает большой степенью «справедливости» и защищенности от злоупотреблений со стороны всевозможных регуляторов и центров эмиссии. Во-вторых, стало очевидно, что финансовые операции, совершаемые между незнакомыми экономическими субъектами, принципиально возможны без участия цепочки посредников — банковских агентов. Причем с минимальными затратами по времени, практически мгновенно и практически бесплатно. Если рассуждать с точки зрения технологии, то от центров эмиссии и банков-операторов вообще можно отказаться, что способно удешевить практически любые операции и обходить любые национальные ограничительные инициативы: регулятивные законы, санкции и т. п. В-третьих, идея децентрализованной криптовалюты, как таковая, уравнивает во многих отношениях граждан разных стран, независимо от состояния их собственных экономик, дает возможности для прямого трансграничного инвестирования «peer-2-peer» (p2p) любых средств без комиссионных потерь на оператора и без страховых регулятивных сборов, что заставляет государственные экономические системы кон-

¹ Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, биткойн. Центральный банк Российской Федерации. Пресс-релиз. 27.01.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/press/PR.aspx?file=27012014_1825052.htm (дата обращения: 20.04.2016).

² Madrigal A. «Libertarian dream? A site where you buy drugs with digital dollars» // Atlantic, 1 June 2011. P. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://theatltn.tc/1pw0IK> (дата обращения: 21.04.2016).

куруировать перед каждым человеком и его экономическим потенциалом. Государство, таким образом, еще более становится подчиненным обществу. А если принять во внимание тот факт, что на основе алгоритмов blockchain возможно конструирование не только финансовой, но и общественной или политической системы, такой как, например, Liquid Democracy, квинтэссенция централизации — государство — вынуждено спорить с идеей децентрализованного, но, возможно, не менее эффективного и уж точно более справедливого управления.

Перспективы первого практического воплощения blockchain-валюты, похоже, достаточно размыты, ряд форков биткойна, таких как Libertycoin, уже ушли в прошлое. Однако, отчего-то крупные мировые банки, даже несмотря на национальные ограничения, тратят время и ресурсы на финансирование прикладного использования blockchain-алгоритмов и создают консорциумы (например, R3CEV). Стартаперы и венчурные фонды выискивают возможности использовать популярную логику хеш-блоков в прикладных приложениях и мессенджерах, юристы под давлением финансовых кругов пытаются найти ответ, как определить и урегулировать первый финансовый инструмент нарождающейся нетократии: общемировой среды, где идея сама по себе стоит дороже, чем финансы, необходимые для ее воплощения. Не от того ли, что заявленная технология продемонстрировала жизнеспособность и готовность общества принять и использовать ее? Упустить момент старта технологической новинки в современном мире означает добровольно направить свою страну на обочину развития.

Теоретическое обоснование возможности существования электронных и виртуальных трансграничных денег и валют, не завязанных на традиционные фиальные деньги и валюты, появилось еще в 1980-е годы. Это было сродни фантастическому поиску теоретической идеи, примерно такой же, какой сегодня нам кажется идея пришествия нетократических ценностей в наш консервативный мир. Но уже в 1993 г. центральными банками Европейского Союза проводится специальное исследование по выявлению возможностей использования электронных, в дословном переводе «сетевых», денег. Интерес центральных банков был в первую очередь продиктован возможностью использовать данные особые деньги для совершения предоплаченных платежей. В 1994 г. европейские центральные банки приходят к выводу о том, что явление «электронных денег» существует, имеет специфическую природу, обладает убедительной дешевизной использования и технологически безопасно. Следом за ЕС, в 1996 г. совещание представителей центральных банков G10 указывает на необходимость создания системы учета и мониторинга системы электронных денег в мире. Отчеты, формируемые данной системой, стали достоянием общественности только в 2000 г. И уже в 2004 г. центральные банки G10 фиксируют наличие до 37 различных электронных юнитов, выполняющих функции денег. И хотя универсального определения электронных денег нет и сегодня, страны большей десятки в целом договорились понимать под электронными деньгами специфические денежные обязательства эмитента, сохраняемые в электронном виде. Эти электронные долговые расписки трудно назвать самостоятельными деньгами, поскольку они являются не более чем воплощением какой-то конкретной национальной валюты, или в случае с электронной псевдо-валютой WMZ — воплощением золота. Тем не менее все электронные деньги этого периода принципиально представляют отдельные национальные валюты 1 к 1, не являются самостоятельными деньгами по существу и имеют единый центр эмиссии, что не ставит их в противоречие с законодательством в ведущих мировых экономиках — ни в США, ни в Китае, ни в Европейском Союзе.

Алгоритм децентрализованной криптовалюты был впервые опубликован в 2008 г. формально анонимным автором Сатоши Никамото и был с интересом встречен в кругах специалистов по криптоанализу. Интерес к проекту подогрели анонимная

регистрация домена bitcoin.org и выпуск в январе 2009 г. первой версии программного клиента биткойна. Внимание к данному проекту со стороны агентов правового регулирования резко возросло на фоне использования валюты в качестве средства анонимного платежа за не совсем законные услуги и товары. Основной ажиотаж по данному вопросу связан в первую очередь с США, как мировым экономическим и технологическим центром. Сюжетная завязка конфликта регулирования криптовалюты основывается на существующем в США, как и во многих других юрисдикциях, номинальном запрете на выпуск любых альтернативных валют, конкурирующих с национальной¹. ФБР рассматривает федеральным преступлением «для физических... или юридических лиц осуществлять выпуск частных монет или валютных систем в качестве конкурента с официальными валютами и монетами США»². Однако с регулятивной точки зрения криптовалюта, построенная по технологии blockchain, не вступает в прямую конкуренцию с долларом США, более того, распространяется в электронной среде, в которой доллар США непосредственно даже не существует. Более того, универсальная правовая англо-саксонская трактовка права предполагает, что как таковая валюта может существовать в виде двух сущностей — в виде legal tender (законного бонда, обязательства) и legal currency (законного средства платежа). «Криптовалюта в свою очередь скорее является «виртуальной валютой», — средством обмена, используемом как валюта в некоторых средах, при этом не обладая полными атрибутами валюты, такими как статус законного средства платежа или юрисдикции»³.

Вместе с тем вопрос квалификации правовой природы сущности виртуальной валюты в США остается до конца не решенным. В настоящий момент, несмотря на популярность и даже наличие символики и рыночных аббревиатур (перечеркнутый символ B, совпадающий с азиатским Батом, BTC и X-BTC), биткойн полноценно не используется в качестве валюты за исключением отдельных эпизодов торговли нелегальными товарами в «теневом интернете» [3, р. 73], скорее он представляет собой спекулятивный инструмент, похожий на ценные бумаги или товары. Существует мнение, что биткойны можно трактовать как ценную бумагу в юрисдикции США, поскольку действующее определение ценных бумаг, согласно Securities Act 1933 г. и Securities Exchange Act 1934 г., дают широкое толкование. Такое толкование ранее позволило Верховному суду США рассматривать цитрусовые деревья и червей в отдельных случаях в качестве особых инвестиционных контрактов [4, р. 99], биткойны же куда менее экзотичны в этом плане. Альтернативное определение криптовалюты позволяет также отнести биткойны к товарам, согласно длинному списку товаров, предложенному Commodity Exchange Act 1936 г., где в конце значится фраза «и другие товары и продукты».

В отличие от России и США, где отношение к альтернативным валютам однозначно негативное, в Европейском Союзе и Европе в целом отношение к криптовалютам менее радикальное. Подтверждением этому служит фактическое принятие Бристольского, Брикстонского и Льюишевского фунта (Bristol, Brixton, Lewes pounds), являющихся, по сути, очень локальными и очень ограниченными по масштабу действия финансовыми ваучерами, применяемыми и используемыми ограниченным

¹ United States Code, 2006 Ed. Sup. 4. T. 31. Money and finance legal tender. § 5103 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/granule/USCODE-2010-title31/USCODE-2010-title31-subtitleIV-chap51-subchap1-sec5103>. (дата обращения: 21.04.2016).

² Defendant Convicted of Minting His Own Currency // US Attorney's Office 18.03.2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fbi.gov/charlotte/press-releases/2011/defendant-convicted-of-minting-his-own-currency> (дата обращения: 21.04.2016).

³ Application of FinCEN's Regulations to Persons Administering, Exchanging, or Using Virtual Currencies. FinCen Guidance FIN-2013-G001. March 18, 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fincen.gov/statutes_regs/guidance/html/FIN-2013-G001.html (дата обращения: 21.04.2016).

количеством экономических субъектов. И хотя во многих отношениях система биткойнов сложнее и крупнее, признаков категорического непризнания и неприятия криптовалюты и ее модификаций не заметно [2, р. 267–268].

Отчасти вопрос принятия криптовалют в Европейском Союзе стоит менее остро за счет уже существующего регулирования подобного рода деятельности. Директива ЕС по регулированию электронных денег (The Electronic Money Institutions Directive 2009/110/EC of the European Parliament and of the Council of 16 September 2009) в известной степени уже установила границы для правового принятия особых альтернативных способов платежей, включая различные электронные и мобильные. Согласно директиве электронные деньги определяются: как средства, хранимые электронно-магнитным способом; как средства, представленные как требования на эмитента, выдаваемые при получении денежных средств для целей совершения платежа; если сделка признается обеими сторонами и представляет собой размещение, передачу или снятие средств, независимо от обязательств, лежащих в основе договоренностей и отношений плательщика и продавца; если средства признаются кем-либо, кроме эмитента средств.

В этой связи криптовалюты, и в частности биткойны, очень близки к тому, чтобы рассматриваться в качестве официального разрешенного платежного средства, основным препятствием является лишь отсутствие какого-либо конкретного эмитента биткойнов. Поэтому официальная оценка European Banking Authority по настоящее время такова, что признавать криптовалюты законным платежным средством нельзя¹. Нельзя ожидать безусловного принятия единиц криптовалюты в любых объемах, нельзя рассчитывать на то, что биткойны являются средством расчета с кредиторами или должны приниматься по номиналу и т. п. Однако косвенно данное решение направило европейское право на признание биткойнов и криптовалют в качестве товаров, что существенно изменило правовую неопределенность.

Таким образом, мы видим, что двойственность, а иногда и тройственность оценки роли и возможностей криптовалют, а также их правового определения, сохраняется, существуют значительные риски использования данных валют в серьезном денежном обращении. Правовое понимание роли и природы криптовалюты означает оценку правовых рисков при совершении операций депонирования, покупки, ведения счетов, управления финансовыми операциями и т. п. Обычно эти вопросы регулируются национальными центральными банками и национальным правом. В отсутствие юрисдикции, а также в отсутствие эмитента криптовалют гарантии по выполнению обязательств и сохранению ценностного наполнения единиц криптовалюты прямо пропорциональны категории «доверия» в сообществе, поддерживающего работу криптовалюты. Это означает, что ценность каждой единицы криптовалюты, существующей в обороте, напрямую связана со степенью популярности валюты и готовностью пользователей осуществлять прием и обмен ценностей — товаров и услуг в обмен на единицы данной продукции. В связи с такой нестандартной основой существования криптовалют у национальных и наднациональных регуляторов было и есть несколько стратегий реагирования.

Стратегия запретов. Непонимание логики и потребностей internet-of-things, startup- и shared-economy может приводить к тому, что государства будут запрещать хождение и использование криптовалюты. Поводами могут служить любые необычные черты криптовалюты. Как-то анонимность или необратимость проведения платежей или возможностей для хищения. Данные поводы достаточно надуманы, но могут быть причиной обвинений пользователей в участии в отмывании средств, незаконном обращении валюты или соучастии в организации

¹ EBA Opinion on 'virtual currencies'. European Banking Authority (EBA), EBA/Op/2014/08 4 July 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://bit.ly/1HOuUT5> (дата обращения: 21.04.2016).

каких-либо преступлений. Главная претензия связана с анонимностью криптовалют на основе blockchain и, строго говоря, надумана. В действительности же каждая последующая операция, совершенная с любой бесконечно малой частью, например, биткойна, записывается в историю этой самой малой части. В реальном мире это выглядело бы так, словно на каждой банкноте каждый пользователь оставлял бы свой отпечаток. Таким образом, можно проследить историю передачи каждого цента или сатоши от одного кошелька другому. Другое дело, что кошельки напрямую никак не идентифицированы, а значит, неизвестно, кому они принадлежат. Вместе с тем техническая анонимность вполне разрушается участием человеческого фактора: деньги на счет как-то попадают, как-то вводятся в систему, этот след остается и ведет к каким-то операторам. Продолжительное использование одного кошелька приводит к формированию нестираемой истории транзакций, которая многое рассказывает о владельце кошелька. В профессиональном сообществе бытует шутка о том, что единожды оплатив совершение какого-либо преступления, собственник кошелька может быть вычислен через 10 лет, ошибочно расплатившись с этого же кошелька за доставку пиццы. Реальную анонимность обеспечивает одноразовое использование счета при условии оплаты пополнения в темной подворотне глубокой ночью от случайного человека. Но не обеспечивают ли аналогичный или даже более высокий уровень анонимности обычные наличные деньги? Виновата ли при этом технология и подпадает ли она запрету или, возможно, запрету подлежат не ножи, а те, кто их использует для преступлений? История запрещенных цифровых валют E-gold и Liberty currency хорошо иллюстрирует эту точку зрения.

Стратегия частичных запретов. Стратегия связана с пониманием логических плюсов технологии и непониманием ее философии и практической реализации. Частичные запреты направлены на противодействие действиям конкретных агентов, в отношении которых по формальным признакам можно установить, что их деятельность связана с криминалом. Применительно к кибервалютам речь идет о сервисах Silk Road — магазине по торговле наркотиками и средством организации других незаконных действий, биржам — «моющим машинам», способным принять любую сумму денег, провести сотни мелких операций переводов и в итоге вывести средства за вычетом комиссии и расходов на «чистые» счета. Проблема подобного рода запретов связана с несовершенством государственного регулирования. Запретить или закрыть можно только публичные «двери», порталы и сайты, расположенные в открытой сети, «теневой интернет» достаточно закрыт и не поддается простой блокировке. Взять хотя бы сеть TOR, анонимизирующую вход пользователей в систему. Несмотря на усилия государственных регуляторов в отдельных государствах заблокировать и запретить доступ к данным сетям, распространено мнение, что скандальные разоблачения, например, владельца Silk Road, связаны не столько с вскрытием шифрованных сетей, сколько с беззаботностью пользователей (по материалам публичного слушания). Осознавая нерезультативность усилий, государственные регуляторы предпочитают осуществить аппаратные запреты (например, запрет использования Tor Exit Nod в Германии) или продажу и оказание услуг с оплатой через кибервалюты для юридических лиц. Эти частичные запреты являются полумерой, однако обладают достаточной эффективностью для противодействия явным криминальным проявлениям.

Стратегия правового регулирования. Стратегия связана с формированием в национальном праве норм и механизмов учета и оценки использования криптовалют. Как правило, данные нормы действуют в момент вывода средств из системы и предполагают льготные (например, в целях популяризации электронных платежей) или запретительные (особенно высокие, например, в целях дискредитации популярности криптовалютных платежей) сборы и налоги. Для использования

такого рода регулирования в национальном государстве принимается решение о правовой квалификации криптовалют. Устанавливается принадлежность валюты к валютам, к акциям, ценным бумагам или, что встречается чаще всего, к товарам. При этом законодательно регулируется налогообложение собственников данных товаров и валют. Характерно, что при развитии интернет-бизнеса подавляющее количество операторов стремится не ссориться с национальными властями и соблюдать регулирующее законодательство. Если это удастся, государства могут претендовать на дополнительные налоговые поступления без осуществления фактического инвестирования.

Стратегия игнорирования. Данной стратегии в основном придерживается большее количество национальных государств. Причина того — неопределенность природы, отсутствие фактической необходимости регулирования в силу невысокой популярности. Вместе с тем, популяризация идеологии распределенных сетей, философии р2р и логики blockchain в условиях кризиса доверия государству и вообще централизованным регуляторам заставляет государства задаваться вопросом использования криптографических валют.

В Европейских столицах осознают сложившийся выбор стратегий и активно обсуждают, какой из алгоритмов может оказаться наиболее востребованным. Иногда масло в огонь дебатов подливают новости об успехах криптовалют (например, в Латвии дебаты по поводу биткойнов перешли на принципиально новый уровень и оказались включенными в политическую повестку, когда стало известно, что национальная авиакомпания активно принимает платежи за билеты в криптовалюте), иногда поводом становятся скандалы (свежие новости по поводу Панамского досье оказались связаны с выплатой зарплат в биткойнах). Ситуация, таким образом, в разных странах остается противоречивой и динамично изменяющейся, однако, можно провести некоторые параллели и выделить группы стран, формирующих тенденцию к адаптации криптовалют.

Ближайшее время, скорее всего, будет достаточно жарким для криптовалют в Европейском Союзе. В апреле 2016 г. стало известно, что Комитет по экономическим и финансовым вопросам Европейского парламента призвал всех участников к оперативному обсуждению вопросов будущего криптовалют. Парой месяцев ранее Совет Европейского Союза обозначил виртуальные валюты в качестве одной из наиболее актуальных тем для дискуссий. Еще раньше Европейская комиссия высказалась насчет включения механизма централизованного регулирования криптовалют в повестку дня, разработка соответствующей директивы была запланирована на июнь 2016 г. Бурно развивающаяся отрасль отреагировала на эти инициативы учреждением нового лоббистского агента — European Digital Currency & Blockchain Technology Forum (EDCAB). Основные дебаты активизировались в июле 2016 г., когда Комиссия выпускает Зеленую книгу, а отрасль, национальные министерства, парламентарии и политики Европы попытаются отреагировать на глобальную инициативу, призванную, с одной стороны, защитить европейцев от злоупотреблений, с другой стороны — сформировать необходимую среду для защиты технологии от криминального использования: в первую очередь, как говорит Комиссия, финансирования терроризма.

Между тем уже сейчас европейские страны соревнуются на опережение, поскольку очевидно, что та страна, где условия для существования криптовалют окажутся более приемлемыми, может получить бесплатный толчок для развития. Так, в апреле 2016 г. Люксембург санкционировал выдачу лицензии одной из первых публичных бирж криптовалют — словенской BitStamp — для работы на территории всего Европейского Союза. Что же касается других стран, модель разделения стран на группы здесь выглядит традиционно: есть соревнующиеся лидеры и значительная группа отстающих. Рассмотрим некоторые из наиболее популярных географических локаций пользователей биткойнов в Европе.

Вопрос использования криптовалют в **Бельгии** на сегодняшний момент не решен однозначно. В 2013 г. Национальный банк Бельгии (NBB) при участии Бельгийской финансовой службы и службы управления рынками (Belgian Financial Services and Markets Authority (FSMA)) распространил заявление об угрозах, связанных с инвестированием в криптовалюты¹. Министр финансов Коен Гиинс, однако, признал, что «доказательств реального, а не мнимого отмывания денег не достаточно, чтобы размышлять об отрицании возможности использования биткойнов, как технологии».

В столице **Болгарии** — Софии — к криптовалютам относятся с большой степенью недоверия, тем не менее, с апреля 2014 г. доходы граждан от продаж криптовалюты облагаются стандартным налогом в 10%.

Позиция **Кипра** по вопросу криптовалют на сегодняшний момент не урегулирована. В 2013 г. интерес к этому вопросу так и не смог подняться до законодательного уровня. Тем не менее, официальная Никосия уведомила своих граждан в том, что криптовалюты не являются платежным средством и что ни одно правительство мира не регулирует их хождение².

Правительство **Дании** предпочло сформировать «налоговый рай» для криптовалют, официальная позиция властей такова, что криптовалюты не являются валютами или товаром, поэтому не подлежат налогообложению³. Однако позднее датское Funanstulsynet (Агентство по управлению финансами) уточнило, что рассматривает операции с криптовалютами, как оказание услуг. А данные виды деятельности подлежат налогообложению по стандартной схеме.

В **Финляндии** налоговые органы обеспокоились насчет криптовалют еще в 2013 г. Тогда же была издана инструкция для граждан и юридических лиц о способах налогообложения. Согласно тексту налоговым агентам предлагается рассматривать криптовалюты как «не настоящие, не официальные», но являющиеся одновременно платежным средством. При совершении экономических сделок получение криптовалюты и ее последующее налогообложение следует оценивать исходя из способа приобретения. Так, если средства получались в результате инвестирования или биржевых операций, то получаемые средства предлагалось рассматривать в качестве изменения капитала. При этом стоимость криптовалюты определялась по цене в момент приобретения. В случае если доходы извлекались из «майнинга», то такие доходы рассматриваются как обычные доходы. В ноябре 2014 г. биткойны были признаны Финляндией финансовым средством, освобожденным от налога на добавленную стоимость, что поставило точку в дебатах о природе криптовалют в этой стране и создало уникальные условия для развития. В целом рынок Финляндии с точки зрения развития биткойнов и других криптовалют следует назвать одним из самых успешных. Финские компании одними из первых завоевали признание, среди операторов рынка следует отметить LocalBitcoins, Bittiraha, Coimotion.

Законодательство **Франции** не регулирует криптовалюты. В свое время Центральный банк Франции распространил заявление с предупреждением инвесторам о сложной природе криптовалют и их спекулятивной природе. Тем не менее только в 2014 г. здесь было озвучено предложение регулировать операторов, связан-

¹ Question écrite no. 5-8723 de Martine Taelman du 16 avril 2013 au ministre des Finances [Written Question N 5-8723 of April 16, 2013, from Martine Taelman to the Minister of Finance], SÉNAT DE BELGIQUE (July 31, 2013) [Электронный ресурс]. URL: http://www.senate.be/www/?Mlval=/index_senate&MENUID=23100&LANG=fr (дата обращения: 21.04.2016).

² Cyprus Central Bank Warns About Risks in Use of Bitcoin // Famagusta gazette. Dec. 10, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://famagusta-gazette.com/cyprus-central-bank-warns-about-risks-in-use-of-bitcoin-p21692-69.htm> (дата обращения: 21.04.2016).

³ Advarsel mod virtuelle valutaer (bitcoin m.fl.) [Warnings Against Digital Currencies (Bitcoins etc.)] / Finanstilsynet (Dec. 17, 2013).

ных с жизнедеятельностью криптовалют посредством привлечения особого агентства *Autorité de contrôle prudentiel et de resolution*.

Согласно законодательству **Германии**, способ издания криптовалют, распространения и передачи не требует особого лицензирования со стороны немецких властей и регулируется традиционным правом. Однако создание особых рынков, бирж и прочих финансовых инструментов требует специального разрешения. Принципы данного регулирования изложены в разделе 1 (11) *Kreditwesengesetz* [Banking Act], *BUNDESGESETZBLATT I* at 2776. Касательно вопросов налогообложения Федеральное Министерство финансов Германии приступило к обсуждению возможности применения НДС к операциям, связанным с переводом криптовалют. Вопрос в настоящий момент не решен.

В **Италии**, как и в Германии, вопрос с криптовалютами не урегулирован. Рим подготовил в апреле 2014 г. законопроект, согласно которому все цифровые валюты могут иметь хождение на территории страны. Однако использование данных валют может быть разрешено только тем юридическим лицам, которые имеют статус финансовых организаций. Вопрос частного использования криптовалют и цифровых валют физическими лицами законодателями обойден.

В **Нидерландах** вопрос о криптовалютах не вынесен в отдельную повестку дня. Официально налоговые плательщики должны оплачивать подоходный налог с полученных криптовалют в тех же объемах, как если бы они получали доход в любой другой валюте.

Польша допускает свободный обмен и продажу криптовалют как ценных бумаг и обязательств. Однако предлагает взимать 23% налог.

В **Словении** отношение к криптовалютам строится на основе местного законодательства по идентификации плательщика и получателя платежа, а также Закона о борьбе с отмыванием денег. Ведение бизнеса с использованием криптовалют требует номинальной идентификации плательщика. Налогообложение предполагает платеж от «майнинга», сами операции от налогов освобождены.

Швеция, как и Финляндия, на сегодня представляет для криптовалют идеальное место. Биткойны здесь рассматриваются как сервис по трансферу средств, обслуживание биткойнов требует регистрации. Однако все прочие операции от налогов освобождены и не урегулированы.

Великобритания и **Эстония**, пожалуй, более всего стремятся привлечь внимание специалистов по криптовалютам. В Великобритании при использовании криптовалют налогообложение отсутствует. Эстония также не регулирует хождение криптовалют. В обеих странах, тем не менее, крепнет намерение все-таки урегулировать хождение биткойнов, однако, вопрос остается пока открытым. Страны также рассматривают выделение особых зон с особым статусом для криптовалют.

Правовое регулирование меняется не слишком быстро, но, как было отмечено выше, 2016 г. наверняка принесет много законодательных изменений в силу нового этапа дискуссии в ЕС. Между тем европейские страны соревнуются на опережение, поскольку очевидно, что та страна, где условия для существования криптовалют окажутся более приемлемыми, может получить дополнительный ресурс для развития. Если говорить о лидерстве отдельных стран, если судить по формальным показателям проникновения криптовалют в общество, то в лидеры неожиданно выбивается Италия. По состоянию на 2014–2015 гг. (по данным независимого агентства *CoinTelegraph*) в Италии было зарегистрировано 269 операторов биткойнов и 4 биткойн-банкомата (т. е. отношение 1 оператор на 225 800 жителей). На втором месте в Европе Великобритания — здесь используют 11 банкоматов и 362 оператора (отношение 1/177 000 жителей). На третьем месте Финляндия: 7 банкоматов, 34 оператора, 1 оператор на 160 000 жителей. Далее Нидерланды: 53 банкомата, 968 операторов, 1 оператор на 36 500 жителей, Словения: 4 банкомата, 58 операторов, 1 оператор на 35 500 жителей.

В России состояние признания отрасли продемонстрировали сравнительно недавно. Официальные власти настаивают, что биткойн — это «плохо», а технология распределенного управления удостоверения прав на что-либо, на основе которой существует blockchain — это «хорошо». Вывод, конечно, неоднозначный. За использование биткойнов надо наказывать исправительными работами до 2 лет и штрафом до 500 тыс. руб., убежден российский Минфин. Глава Следственного комитета А. Бастрыкин еще более категоричен, утверждая, что преследование должно распространяться на всех, кто эмитирует «не предусмотренные законом средства платежа»¹. К слову, под это определение попадают и бонусные баллы, и накопительные дисконты, и даже (в некоторых случаях) «лайки» в социальных сетях.

Вместе с тем ряд политиков и экономистов выступают за защиту криптовалюты. В наличии биткойнов признался А. Греф, обсуждалась возможность проведения круглых столов о биткойнах в Государственной Думе. 26 апреля 2016 г. прошел практически секретный форум разработчиков, связанных с технологиями криптовалют и blockchain «Блокчейн и открытые платформы-2016»². О криптовалюте напрямую с трибуны не говорили, но говорили обо всем, что с этой технологией связано. Выяснилось, что в поисковиках о blockchain и биткойне в мире больше всего ищут информацию в Эстонии (на 1-м месте) и в России (на 2-м месте) в пересчете на процент от всех остальных запросов. Это говорит о востребованности технологии, интересе и зрелости общества. Это и отразил форум, когда к удивлению участников выяснилось, что российские разработчики работают над blockchain-алгоритмами и для Сбербанка (на базе конкурирующего с Bitcoin валюты Ethereum), и для Qiwi, Яндекс-денег. Официально заявляется, что работы ведутся по проектированию системы генерации доверенностей, но неофициально в кулуарах говорится о серьезном лоббистском нажиме на Администрацию Президента с целью пересмотра отношения государства и к технологии, и к криптовалютам, как к концепции. Это неслучайно, ресурс криптовалют тесно связан с ИТ-возможностями государства. Для России это сильная ставка, а в условиях экономической изоляции использование неподконтрольных санкциям финансовых инструментов может быть интересной находкой.

Среди прочего интересным и востребованным показалось использование возможностей электронного голосования, в т. ч. на основе неподделяемой технологии e-proxy voting. Такого рода технология могла бы стать успешным продолжением систем криптозащищенного голосования, испытанных в свое время в США и отвергнутых из-за кризиса доверия [1, с. 61].

Подводя итог, следует отметить, что развитие технологий уже не раз приводило к изменению и политического, и экономического облика мира. Есть основания полагать, что разработка технологии, позволяющей отказаться от централизованного гаранта достоверности и депозитария информации, рано или поздно поставит вопрос о лидирующей роли государства в управлении политикой, экономикой и, возможно, другими аспектами жизни. Конечно, сегодня для России об этом говорить сложно. Но ближайшие для России соседи стремительно осваивают технологию, которая, возможно, даст им фору в развитии в мире больших и грозных государств, которым не нужно доказывать что-то окружающему миру. Возможно, эта технология даст еще один повод институту государства больше думать о населении, а населению больше осознавать свою ценность и значимость созидательных неократических ценностей. В этой связи, рост популярности криптовалют, как идеи

¹ Следственный комитет пригрозил уголовным преследованием за выпуск биткойнов [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2016/01/14/bitcoinjail/> (дата обращения: 21.04.2016).

² На форуме в Москве рассказали о примерах практического применения технологии блокчейн [Электронный ресурс]. URL: <http://forklog.com/na-forume-blokchejn-i-otkrytye-platfomy-rasskazali-o-prakticheskom-primenenii-blokchejna/> (дата обращения: 21.04.2016).

децентрализованных сверхгосударственных финансовых инструментов, может оказать толчок к развитию и переосмыслению многих в т. ч. экономических процессов. На пороге развития «интернета вещей», «умных» контрактов и shared-economy сверхбыстрым и сверхдешевым инструментам этих процессов не может быть отказано в существовании.

Литература

1. *Леви Д.* О призраке «революции нетократов»: эволюция отношений информационных технологий, медиа-пространства и государства // Научная перспектива. 2014. № 4. С. 57–62.
2. *Ali R., Barrdear J., Clews R., Southgate J.* Innovations in payment technologies and the emergence of digital currencies // Bank of England Quarterly Bulletin, 2014. P. 262–275.
3. *Bartlett J.* The dark net: Inside the digital underworld. London : William Heinemann. 2014.
4. *Yang R.* When is Bitcoin a security under US securities law? // Journal of Technology Law & Policy. V. 18. N 2, 2013.

References

1. *Levi D.* *About the ghost of "revolution of netocrats": evolution of the relations of information technologies, media spaces and states* [O prizrake «revolyutsii netokratov»: evolyutsiya otnoshenii informatsionnykh tekhnologii, media-prostranstva i gosudarstva] // Scientific prospect [Nauchnaya perspectiva]. 2014. N 4. P. 57–62. (rus)
2. *Ali R., Barrdear J., Clews R., Southgate J.* *Innovations in payment technologies and the emergence of digital currencies* // Bank of England Quarterly Bulletin, 2014. P. 262–275.
3. *Bartlett J.* *The dark net: Inside the digital underworld.* London : William Heinemann. 2014.
4. *Yang R.* *When is Bitcoin a security under US securities law?* // Journal of Technology Law & Policy. V. 18. N 2, 2013.

«Пасхальный мир» Николая II, когда звонил колокол по Витте*

Таирова Нэлли Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Доцент кафедры истории и политологии
 Кандидат исторических наук, доцент
 mmandrik@mail.ru

РЕФЕРАТ

Николай II пытался сохранить государственный порядок, существовавший при его отце Александре III, однако первые годы его правления ознаменовались острым дефицитом деятельности правительства. Многие годы успешно функционировало лишь Министерство финансов во главе с С. Ю. Витте. Николай II обратил свое внимание на деятельность Министерства иностранных дел и вместе с министром М. Н. Муравьевым инициировал в 1899 г. созыв Международной Гагской конференции мира в целях проведения миролюбивой политики в Европе. Через Министерство внутренних дел происходила трансформация политических отношений между самодержавием и общественностью в сторону либерализации (поиск новых форм взаимодействия государственных структур управления с земскими учреждениями). Взаимоотношения С. Ю. Витте и Николая II — это клубок нравственных, этических, политических и экономических связей, несмотря на разницу во взглядах для обоих в центре их интересов было государство и самодержавие.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

пацифизм Николая II, Гагская конференция 1899 г., Нобелевские номинанты, «битва докладов», лекции С. Ю. Витте, датские беседы, династия

Tairova N. M.

«The Easter World» of Nicholas II during the Bell for Witte Tolded

Tairova Nelly Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Associate Professor of the Chair of History and Political Science
 PhD in History, Associate Professor
 mmandrik@mail.ru

ABSTRACT

Nicholas II tried to keep the state order existing at his father Alexander III, however the first years of his board were marked by acute shortage of activity of the government. Many years only the Ministry of Finance led by S.Yu. Witte successfully functioned. Nicholas II has paid the attention to activity of the Ministry of Foreign Affairs and together with the minister, M. N. Muravyov initiated in 1899 convocation of the International Hague conference of the world for carrying out peace policy in Europe. Through the Ministry of Internal Affairs, there was a transformation of the political relations between autocracy and the public towards liberalization (search of new forms of interaction of government institutions of management to territorial institutions). S.Yu. Witte and Nicholas II's relationship is a ball of moral, ethical, political and economic relations, despite a difference in views, for both in the center of their interests there was a State and Autocracy.

KEYWORDS

Nicholas II's pacifism, Hague conference 1899, Nobel nominees, "fight of reports", S. Yu. Witte's lectures, Danish conversations, dynasty

* Продолжение. Начало см.: Управленческое консультирование. 2016. № 3. С. 166–183.

В условиях европейской гонки вооружения Николай II решительно отстаивал безопасность страны, заключая мирные соглашения и продолжая, в этом случае, политику своего августейшего отца. Государь увлекся идеями пацифизма, особенно на него влияли пацифистские взгляды И. С. Блюха (1836–1902)¹, опубликовавшего в 1898 г. многотомный труд под названием «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношении». Памятной стала аудиенция И. С. Блюха у Николая II, она состоялась незадолго до объявления Гаагской конференции. Николай II провел в беседе с известным пацифистом Блюхом 6 ч, что было несвойственно для немногословного Николая. Известно, что государь пытался опровергнуть некоторые тезисы Блюха, которые не совпадали с его взглядами [11]. Как утверждает историк П. Н. Милюков (1859–1943), именно Блюх склонил Николая II к организации первой Гаагской конференции мира в 1899 г. [13]. Этот факт подтверждает в воспоминаниях С. Ю. Витте. Он подчеркивает, что Блюх везде пропагандировал идею о всеобщем мире и разоружении. Вместе с тем он доказывал, что эта идея может спасти не только Европу, но и все человечество [6, с. 337]. С другой стороны, Николай II особое внимание проявил к книге «Долой оружие!». Автором этой книги являлась австро-немецкий лидер пацифистов — баронесса Берта фон Зуттнер [11]. Пожалуй, нельзя исключать из внимания, что известные Николаю II идеи европейского пацифизма сыграли определенную роль и подтолкнули царя к организации Гаагской конференции.

Конечно же, немаловажным фактом в увлечении Николая II пацифизмом являлись события, связанные с занятием русской армией Порт-Артура и Даляньваня (Дальний) на Дальнем Востоке. Для него важна была мирная ситуация в Европе, чтобы Россия не отвлекаясь могла полностью перекинуться на решение экономических и политических вопросов на Дальнем Востоке. Витте, бесспорно, был за сохранение дружбы с Китаем. Когда стали раздаваться заявления, что «Маньчжурия и китайский Туркестан» попадают в зону влияния России, у Витте возникли серьезные осложнения с министром иностранных дел гр. М. Н. Муравьевым (1845–1900) [7, с. 159]. Бесспорно, Витте понимал, какие финансовые расходы в связи с войной на Дальнем Востоке может понести Россия. Получалось, на Дальнем Востоке одной рукой захватывали земли, которые к тому же Китаем любезно предоставлялись России в аренду, а с другой, в Европе и мировом масштабе — Николай II под свою ответственность призывал народы к сокращению оружия. Витте приходилось вне государственной росписи выдавать финансы на расширение флота на Дальнем Востоке. Так, в начале 1898 г. по просьбе в. к. Алексея Александровича (1850–1908) он выдал вне бюджета 90 млн руб. Витте пошел навстречу, за что государь был доволен его решением и между ними на короткое время установились доброжелательные отношения [7, с. 146].

На потепление отношений отразился и другой поступок министра финансов. Находясь в затруднительном положении, гр. М. Н. Муравьев обратился за консультацией к Витте: как поступить, если европейские государства усиленно вооружаются? Дело в том, что он получил письмо от военного министра А. Н. Куропаткина (1848–1925), в котором тот просил войти в сношение с австрийским правительством по вопросу прекращения увеличения и перевооружения их артиллерии, в противном случае, России также пришлось бы перевооружаться, потратив на это значительные средства. Выражая сомнения, Куропаткин поставил гр. Муравьева в затруднительное положение, но правильно поданный совет со стороны министра финансов Витте, помог сохранить лицо державе и дать возможность свободно действовать царю. Витте, как бы предугадывая ответ Австрии, высказал мысль, что лучшим

¹Жан де Блюх (Блюх) (1836–1902) — банкир, железнодорожный магнат, экономист, родился в Русской Польше в еврейской семье, женился на немке, принял христианство.

благом для Европы и для всего мира вообще, положить предел вооружению, так как «от вооруженного мира народы страдают не менее, нежели от войны» [7, с. 159–160]. Для гр. Муравьева этот тезис оказался новым и произвел на него глубокое впечатление. Подсказка Витте, возможно, оказалась решающей и сыграла определенную роль в появлении обращения царя к народам мира. Но имелись и весьма серьезные причины, которые нельзя было обойти стороной. В первую очередь, Витте имел в виду слабую финансовую обеспеченность России: не хватало средств ни для перевооружения, ни для ведения войны. Пожалуй, нельзя сбрасывать со счетов и тактический расчет государя, следовать своей намеченной линии и избегать осложнений в Европе¹.

12 августа 1898 г. появилась нота с обращением Николая II ко всем правительствам о призыве «к разоружению и миру во всем мире» [18, с. 86]. Ноту передали представительствам европейских, американских и азиатских государств, аккредитованных в Санкт-Петербурге. Это обращение вызвало общее сочувствие со стороны иностранных держав, а также благодарность царю за его попытку упрочить всеобщий мир. В этой связи Николай II предложил создать международную конференцию и обсудить вопросы, связанные с хозяйственными, финансовыми и моральными последствиями гонки вооружения. Европа была удивлена смелой инициативе русского монарха: одни правители приняли его идею с восхищением; другие, как например, его кузены — принц Уэльский и Германский кайзер — посчитали величайшей глупостью, для них сама идея созыва мирной конференции была неприемлема. По убеждению кайзера, можно лишь обсуждать военные проблемы, но не мирные вопросы. Он на корню зарубил пацифистскую инициативу Николая II. Но инициатива русского царя была услышана и поддержана другими европейскими государствами, а также США, Мексикой, Японией, Китаем, Сиамом и Персией [18, с. 86–87]. Призыв русского царя явился прологом к созданию Гаагской мирной конференции и Международного третейского суда. Россия на рубеже XIX–XX вв. повысила свой престиж, вступив на путь гуманистических реформ в области международных отношений.

Кстати, уже 25 сентября 1898 г. в «Биржевых ведомостях» появилось сообщение некоей «Лиги Мира». В нем она предлагала присудить премию мира императору Николаю II за его призыв к разоружению от 12 (24) августа 1898 г. Так случилось, что официально пацифистская организация не была разрешена в России². Впоследствии конфронтационные действия между правительством и пацифистами не помешали сторонникам пацифизма утверждать, что свое начало они видят именно с момента зарождения монархического пацифизма и Гаагской конференции. Несмотря на заявление о преемственной связи, Министерство внутренних дел официально не признало это движение и не приняло к рассмотрению Устав «Общества мира». Главной причиной непризнания русского пацифизма являлась патологическая боязнь Николая II каких-либо изменений, он не хотел допускать политических «измов» в общественную жизнь страны.

Русскому императору было предоставлено право выбора места проведения конференции: Нидерланды, как нельзя лучше, являлось государством, которое было «нейтральнее» всех других «нейтральных государств» [18, с. 87]. Как известно, нидерландцы мужественно боролись за свою независимость и первые в Европе избавились от испанского ига. Это способствовало возникновению в Нидерландах международного публичного права, отцом основателем которого являлся известный дипломат, юрист Гуго Гроций (1583–1645). После издания в 1625 г. его знаменитая

¹ *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. Белград, 1939. С. 104.

² Русский пацифизм возник на базе кружка «Беседа», в который входили гр. Л.А. Комаровский, В.А. Маклаков, Д.Н. Шипов, кн. П.Д. Долгоруков (будущий лидер кадетской партии) [11].

книга «О праве войны и мира» была внесена в список еретических изданий. Симптоматично, но запрет на данный труд просуществовал до 1900 г. и был снят лишь после проведения Гаагской конференции.

В своем труде Г. Гроций объясняет, что существуют законы, с одной стороны, позволяющие ограничивать проявление дикой силы, охраняя права безоружных обывателей и несчастных жертв войны, а с другой — указывающие на тот путь, по которому должны идти народы для сохранения своих интересов во время мира. Неслучайно герой тридцатилетней войны шведский король Густав-Адольф в военных походах в палатке постоянно держал две книги — Библию и книгу Гуго Гроция. Это позволило ему избежать массовых грабежей в занятых его войсками германских землях. Другим важным фактором являлось то, что Россия и Нидерланды исторически были связаны Великим посольством Петра I. Таким образом, выбор места проведения международной конференции был знаменательным как для международного сообщества, так и лично для российского монарха, чей преемник через Нидерланды открыл «окно в Европу».

Итак, конференция состоялась в Гааге — в королевском замке XVII в. под названием «Лесной дворец». По предложению королевы Нидерландов Вильгельмины (1880–1962) открытие Гаагской конференции приурочили ко дню рождения Николая II — 6 мая 1899 г., в знак признания и уважения к русскому царю, по чьей инициативе она была создана. На конференцию прибыли 109 представителей из 26 государств. В связи с тем что инициатором конференции являлась Россия, то председателем Гаагской конференции 1899 г. был избран русский дипломат — посол в Лондоне действительный тайный советник барон Е. Е. Стааль. Всего в состав русской делегации вошли 13 чел., причем Россия на конференции представляла интересы Черногории. По окончании Гаагской конференции, так называемого «парламента мира», ее участники приняли декларацию, текст которой был разработан русским дипломатом и правозащитником, профессором по международному праву Ф. Ф. Мартенсом (1845–1909). Примечательно, что Мартенсу принадлежала выработка всего комплекса мероприятий в организации Гаагской мирной конференции, а также документации по созданию Гаагского арбитражного трибунала. Можно утверждать, что Ф. Ф. Мартенс заложил фундамент международного права в Европе и во всем мире. Авторитет чиновника русского МИДа был настолько велик, что он был избран первым председателем Гаагского третейского суда¹.

Бесспорно, созыв мирной конференции поставил Николая II вровень с политикой августейшего отца — Александра III Миротворца, одним из создателей союза Антанта, в честь которого благодарные французы назвали знаменитый мост в Париже. Николай II призвал народы осуществлять международные отношения в мире и согласии, без гонки вооружения и войны. Европа оценила вклад Николая II в построении мирного сосуществования народов, присоединив к его имени символический титул — «Миролюбивый»².

Тем не менее Гаагская конференция 1899 г. не достигла полного консенсуса, многие страны бойкотировали предложения России. Да, и в самой России к конференции проявили весьма слабый интерес. Все были поглощены внутренними событиями, только интеллигенция озвучила свое мнение о «неискренности» ноты

¹ *Мартенс Ф. Ф.* Гаагская конференция мира. Культурно-исторический очерк // Вестник Европы. СПб., 1900. Т. II. С. 5–28; *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. Т. 1. Белград, 1939. С. 106.

² В Гаагском суде имеется мемориальная доска с портретом Николая II за выдающуюся его роль в учреждении этого органа. В ООН установлен мемориальный стол, с прикрепленной к нему табличкой, на которой начертаны слова благодарности основателю суда — Николаю II Романову. См.: [18, с. 88].

царя от 12 августа 1898 г.¹ Впрочем, известный русский юрист Б. В. Никольский (1870–1919) подметил, что в самой России народ не принял титул Николая II «Миролюбивый», данный европейцами. Напротив, народ проявил по «остроте безымянной» зубоскальство: царя прозвали уничижительно, то ли царем-«мироварцем», то ли-«муроварцем» (запись 22 апреля 1900 г.) [14, с. 383]. Соответственно, не имея легитимности в народе, Николай II не удержал за собой титул «Миролюбивый» и под этим именем не вошел в историю России.

Но европейцы не остановились в присвоении титула, их стремление к увековечиванию имени русского царя было обращено с призывом к Нобелевскому Комитету. Как стало известно из рассекреченных документов Нобелевского Комитета по награждению премии мира, в 1901 г. русский император был номинирован на Нобелевскую премию за инициацию «Первой Гаагской мирной конференции». Примечательно, кандидатура Николая II была выдвинута гражданами австрийской столицы — Вены и «вечного города» Рима². Вторым номинантом на Нобелевскую премию, бесспорно, стал проф. Ф. Ф. Мартенс, как выдающийся специалист в деле международного права³. Это еще раз доказывает, что авторитет Мартенса был общепризнанным. Даже личный юрист английского короля Т. Е. Холланд назвал его «лорд-канцлером Европы»⁴. Если Николай II выступил с инициативой созыва Гаагской конференции 1899 г., то Федор Мартенс являлся ее организатором и вдохновителем.

В номинацию на Нобелевскую премию за 1901 г. были представлены еще два пацифиста из России: Жан Блох (И. Блюх), а также великий писатель Л. Н. Толстой. Но позиции Нобелевского Комитета не совпали с позициями номинаторов: русские миротворцы остались без премии⁵. Однако созыв Гаагской конференции и выдвижение русских пацифистов на премию подвигнул Нобелевский Комитет на учреждение отдельной номинации — Нобелевская «премия мира».

Что касается С. Ю. Витте, то он следил за этим процессом и при удобном случае выразил Николаю II свое одобрение мирной его инициативе и созыву Гаагской конференции. Поздравляя государя с политическим успехом, Витте отметил его великий и благородный поступок [7, с. 161]. Вполне вероятно, государь не знал, что идея прекращения гонки вооружения принадлежала, в том числе и С. Ю. Витте. Как видно, предприимчивость гр. М. Н. Муравьева способствовала активизации рекомендаций С. Ю. Витте по воплощению их в мирной конференции в Гааге 1899 г. Историк С. С. Ольденбург не исключает, что со стороны Витте была подсказка, но полагает, что инициатива могла принадлежать и самому государю. Как он отмечает, для такой масштабной инициативы важны были, в первую очередь, смелость и простота мысли, а не дипломатические соображения⁶. Причем сама идея полного разоружения для русской политики была не нова. Николай II и гр. М. Н. Муравьев воспользовались текстом мирного проекта 1874 г., созданным при Александре II (1818–1881) послед-

¹ *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. С. 109.

² Номинаторами выдвижения кандидатуры Николая II на Нобелевскую премию мира выступили: четыре физических лица — проф. права Х. Ламмаш, член арбитражного суда Фр. Шенбрук, член совета межпарламентского союза Владимир фон Гниеваш-Олехов (Вена, Австрия), бывший посол Италии в Австрии граф Нигра (Рим, Италия); межпарламентская группа — члены Австрийского Парламента (Вена, Австрия).

³ Номинаторами выдвижения кандидатуры Ф. Ф. Мартенса являлись восемь физических лиц; номинирован на Нобелевскую премию 8 раз (1901—1908).

⁴ *Holland T. E. Frederikde Martens // Journal of the Society of comparative legislation.* London, 1909. P. 10.

⁵ Группа номинаторов кандидатуры И. Блюха состояла из четырех физических лиц (см.: [15]; Наши «голуби мира». 11 россиян, которые не получили Нобелевской премии мира [Электронный ресурс]. URL: aif.ru>society...nashi_golubi...nobelevskiyu-premiyu (дата обращения: 15.07.2016).

⁶ *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. Т. 1. С. 96.

ним канцлером Российской империи светлейшим князем А. М. Горчаковым (1798–1883), продемонстрировав преемственность русской мирной политики. Кроме того, в условиях широкого распространения идеи Николая II о разоружении и призыва к проведению мирной конференции, возникло народное движение за мир. Значимость мирной инициативы стала очевидной, когда делегация защитников мира из Англии прибыла в Санкт-Петербург. Английская делегация вручила министерству иностранных дел, во главе которого стоял гр. М. Н. Муравьев, 30 томов подписей граждан. Это были подписи тех, кто требовал мирного разрешения международных конфликтов [2, с. 69]. По этому случаю Николай II в «высочайшем рескрипте» от 1 января 1900 г., подводя итоги деятельности министра иностранных дел, отметил заслуги гр. М. Н. Муравьева в подготовке и проведении первой Гаагской конференции. Нота 12 августа 1898 г. и организация международной Гаагской конференции 1899 г. выдвинули Министерство иностранных дел в негласном соперничестве, без сомнения, на первое место среди других министерств российского правительства.

С именем Николая II связано проникновение России на экономические рынки Дальнего и Среднего Востока (1894–1897). В соответствии с этим С. Ю. Витте учредил три банка: Русско-Китайский, Русско-Корейский [10] и Учетно-ссудный банк Персии [3]. Совершенно очевидно, что на фоне банковского бума возникает критика экономической программы С. Ю. Витте. В этой связи, в феврале 1900 г. Витте в докладе на имя Николая II предложил предоставить равное положение Министерству финансов с Министерствами иностранных и внутренних дел. Он просил предоставить министру финансов дополнительные возможности в управлении экономикой страны, предлагая сосредоточить свое влияние на тех ведомствах, которые ближе стояли к Министерству финансов (напр., промышленности). Из доклада следовало, что Министерству финансов не хватает мощностей для руководства. Витте указывал на тот факт, что когда произойдет централизация власти и все ведомства окажутся в одних руках, то появится полная согласованность с волей его величества¹. Безусловно, Витте стремился сформировать новый орган управления типа кабинета министров. Под руководством Министерства финансов Витте удалось объединить достаточно большое количество ведомств. Однако по мере ослабления его власти, эта структура стала разрушаться, и ведомства отходили от министерства финансов, зачастую попадая под управление некомпетентных лиц.

Между тем в России начался кризис, охвативший не только все основные сферы промышленного и сельского хозяйства, но и приведший к сбою в проведении земской реформы. В бюрократической сфере обнаружили разночтения по поводу реформ земского хозяйства. Одни представители бюрократии придерживались взглядов председателя Комитета министров Н. Х. Бунге (1823–1895). К земской реформе склонялись министр внутренних дел И. Л. Горемыкин (1839–1917). В числе убежденных сторонников был и военный министр А. Н. Куропаткин (1845–1925). Однако проект земской реформы был заблокирован при обсуждении всеми министерствами. Категорически против введения земского управления выступило ведомство православного вероисповедания, глава которого К. П. Победоносцев (1827–1907) заявил, что население не подготовлено к самоуправлению. Но решающей в этом вопросе являлась позиция министра финансов С. Ю. Витте, а она совпадала с позицией К. П. Победоносцева. Началась своеобразная «битва докладов» двух Министерств: внутренних дел и финансов. Причиной разногласий стал вопрос о необходимости в стране проведения политической реформы, в основе которой лежало бы предоставление самоуправления земским учреждениям.

¹ Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте «О положении нашей промышленности», февраль 1900 г. // Историк-марксист. 1935. Т. 2–3 (42–43). С. 130–139.

И. Л. Горемыкин отстаивал идею значимости для государства самоуправления в земствах. Что касается Витте, то он видел в этом вопросе существенную преграду. Он убежденно отстаивал свою точку зрения о несовместимости земского самоуправления с самодержавным государственным строем [9, с. 84]. Политический диалог между ведомствами продолжался длительное время: первое циркулярное письмо от И. Л. Горемыкина к С. Ю. Витте было отослано 22 апреля 1898 г., а ответ был получен только 9 декабря, почти через 8 месяцев. Процесс полемики усложнялся записками, положениями, статьями в печати, частной перепиской министров, общественным мнением. Министр финансов считал «вопросом дня» теоретические рассуждения о преимуществах казенного (чиновного) над земским (общественным) управлением. Он перевел этот вопрос в политическую плоскость, утверждая, что сторонники и противники в историческом срезе будут между собой вести борьбу. Вместе с тем, как он думал, земское самоуправление потребует в большей степени материальных затрат, чем казенное управление. Горемыкина же беспокоило отсутствие самобытности русского самодержавия, которое, например, по его мнению, существовало в уничтоженном Новгородском и Псковском народоправстве. Отсюда, как он утверждал, в общественной жизни исчезла и сама идея властного участия народа в делах верховного управления. В этой полемике Горемыкин демонстрировал свою компетентность, тогда как Витте — неосведомленность о жизни российской глубинки и ее потребности в земских учреждениях. В итоге, боясь потерять свою репутацию, С. Ю. Витте слукавил и объявил, что он не против земств вообще, а лишь против устаревших их форм работы. Так или иначе он провалил земскую реформу и не допустил введения земств в Западных областях страны. По свидетельству управляющего делами Комитета министров А. Н. Куломзина (1838–1923) за литературным поединком Горемыкина и Витте следил Николай II. Вполне вероятно, что именно царь мог сам «подстрекнуть» Витте выступить против Горемыкина. Собственно говоря, Куломзин подтверждает, что Николай II имел такую привычку ссорить между собой министров, считая это верхом дипломатического искусства¹.

И. Л. Горемыкину эта полемика с министром финансов С. Ю. Витте в октябре 1899 г. стоила ее должности, но закрепила за ним репутацию не консерватора, а либерала. При этом Витте, не проигрывающий ни в чем, но боясь проиграть, применил nepoзвoлитeльный прием и донес на И. Л. Горемыкина царю. Он, буквально, «ссадил» своего оппонента с кресла министра, объяснив Николаю II, что тот имел сношения «с сэром Джаксоном, английским капиталистом, поддерживавшим взятками идею проведения петербургского метрополитена», и тем самым окончательно провалил проект И. Л. Горемыкина. В действительности, сам С. Ю. Витте был не без греха и за ним также числились «небоскребные связи» с английскими капиталистами, выявленные через секретную агентуру Департамента полиции [4, с. 100–122]².

С. Ю. Витте, видимо, понимал, что он необходим Николаю II как сдерживающий его фактор от каких-либо отклонений. Все поручения, которые доверял ему царь, с безупречной честностью он выполнял. Но было ли это доверием или царь придерживался лишь хорошего тона, не обнаруживая своих личных симпатий или антипатий? Николай II в некоторой степени превосходил самого себя и доверял Витте решать вопросы деликатного свойства.

В 1900 г. Николай II обратился к Витте с просьбой прочитать лекции по народ-

¹ Куломзин А. Н. Пережитое / РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 200. Л. 7–8.

² См. также: Обнинский В. Последний самодержец: Очерк жизни и царствования императора России Николая II. Берлин, 1911. С. 52; Ганелин Р. Ш. «Битва документов» в среде царской бюрократии, 1899–1901 // ВИД. 1985. Т. 17. С. 230–232.

ному хозяйству своему младшему брату в.к. Михаилу Александровичу. Равным образом, его просьба могла быть связана с тем обстоятельством, что к этому времени в живых не было его учителя Н.Х. Бунге, а по масштабам проведенных реформ в правительстве равных С.Ю. Витте никого не было. Кроме того, министр имел 30-летний опыт организаторской работы, его действия были технологичны, он владел не только математическим инструментарием, но хорошо разбирался в экономике. По всем параметрам Витте подходил в преподаватели наследнику престола. Дело в том, что в императорской семье не было прямого наследника по мужской линии. За время совместной жизни у Николая и Аликс родились три дочери, и царь внутренне находился в напряжении, каждый раз при беременности Александры он ожидал появления наследника.

Признавая вопрос о наследнике важным, Николай II вынужденно следовал династической традиции. Курс лекций С.Ю. Витте должен был восполнить образование «наследника» по дисциплинам государственного управления — политической экономике и финансам, — включая в лекции новейшие западные разработки в этой области. В частности, Витте привлекали идеи немецкого экономиста Фридриха Листа о национальном единстве и экономическом процветании Германии. С его взглядами Витте был знаком еще до назначения на пост министра финансов. Его научный труд «Национальная экономия и Фридрих Лист» был издан отдельной книгой в Киеве в 1889 г. Идея «национальной экономики» Ф. Листа (1789–1846) была близка сложившейся славянофильской ориентации Витте — самобытному пути развития России [8]. Более того, она утвердила Витте в проведении «покровительственного» курса в промышленно-экономической политике России. Дело в том, что с 50-х гг. XIX в. в российской общественной и государственной сфере широко обсуждалась тема «фритредерства и протекционизма». С одной стороны, выдвигались принципы либерального толка — свобода торговли, а с другой — необходимость государственного покровительства отечественному производству [1, с. 245, 247]. Проблема выбора пути экономического развития всегда для России являлась сложным вопросом. Какие выбрать принципы: свободу торговли или государственный протекционизм, который позволял поиск собственного курса, учитывая многоукладность российских экономико-производственных отношений. Министр финансов С.Ю. Витте сделал свой выбор в сторону второго подхода. Что любопытно, Ф. Лист, изучая экономическое развитие России, с большим вниманием отнесся к опыту Е.Ф. Канкрин (1774–1843) — русского министра финансов с 1823 г. Он признал, что государственные действия Е.Ф. Канкрин являлись новаторскими. Все, что осуществлял Канкрин в России, невозможно было проводить в Германии, так как не было единого государства, но впоследствии Германия все-таки использовала российский опыт. По мнению Ф. Листа, Россия уже тогда нашла свой путь к спасению, применяя государственный протекционизм, конечным результатом которого было благосостояние нации. Показательно, но Ф. Лист рекомендовал Германии равняться на опыт России, ибо введение протекционизма не может препятствовать развитию торгово-экономических отношений. После 1845 г. в государственной политике России возрос фритредерский принцип торговли, лишь с 1880 г. произошел поворот к протекционизму [1, с. 245, 247]. Собственно говоря, Витте удалось в своей деятельности успешно сочетать научные знания и обобщенный опыт экономистов и государственных деятелей России разных времен, в том числе и собственный опыт, приобретенный им на «чугунке». В самом начале своей государственной карьеры, в случае так называемой «таможенной войны» России с Германией и подписании таможенного договора 1894 г., он наглядно показал, как необходимо совмещать торгово-промышленный протекционизм с охранительным таможенным тарифом, а заодно вернуть протекционистскую доктрину на родину. В этом примере не Россия переняла идею с Запада, а Германия

последовала совету Ф. Листа и использовала метод государственного протекционизма Е.Ф. Канкрин, осуществленный им в экономике российского индустриального государства. Принимая идеи Ф. Листа, Витте считал, что государственный протекционизм своей целью предполагает «промышленное воспитание» нации в целях достижения ее благосостояния. Десять лет спустя после опубликования книги о Ф. Листе, 19 февраля 1899 г. по инициативе С. Ю. Витте будет открыт Санкт-Петербургский политехнический институт им. Петра Великого (его единственными были тов. министра финансов В. И. Ковалевский и ученый-химик Д. И. Менделеев). Что же касается лекций Витте, прочитанных в к. Михаилу Александровичу, то они с разрешения Николая II впоследствии были опубликованы и до сих пор имеют актуальность.

Внезапно к концу 1900 г. на первое место в политической повестке дня вышел династический вопрос. Этому способствовала смертельно опасная болезнь царя. Без сомнения, можно утверждать, что именно 1900 г. становится переломным в отношениях Николая II и С. Ю. Витте.

Еще летом ничего не предвещало беды. В августе Николай II вместе с С. Ю. Витте должен был присутствовать на Всемирной выставке в Париже. Однако государь не поехал из-за страха нападения террористов, которые активизировали свою деятельность, совершив ряд нападений на европейских монархов [17, с. 3]¹. В Париж уехал Витте в качестве официального представителя Российской империи, а Николай с семьей отправился на дачу в Спалу, где он любил охотиться в Крулевом лесу (Польша). Как раз в это же время отдыхал его брат в. к. Михаил Александрович (1918). И только 17 сентября он с семьей прибыл в Крым, а брат Михаил отправился к матери в Данию [17].

Что касается Витте, то он, проездом в Париж, «по желанию» Николая II должен был заехать в Копенгаген, чтобы встретиться с Марией Датской. О своем визите к ней Витте 6 августа 1900 г. пишет в письме министру внутренних дел Д. С. Сипягину (1853–1902), находившемуся на лечении за границей. В нем он сообщает, что 15 августа выезжает за границу и у него есть поручение: «должен заехать на 12 часов, по желанию государя, чтобы повидаться с принцессой Марией Датской, в Копенгаген, и думаю 19-го быть в Париже (остановлюсь Avenue Rapp, 33)»².

В это же время в гостях у своего отца, датского короля Христиана IX, находилась и вдовствующая императрица Мария Федоровна. К сожалению, Витте не раскрывает имя того, кто сообщил ему, что она желала бы встретиться с ним. В своих воспоминаниях он записал — «было дано знать из Копенгагена» [7, с. 187]. Эта запись позднее позволила некоторым недоброжелателям обвинить С. В. Витте в шпионаже, а его поездку в Данию посчитать самовольной.

Между тем С. Ю. Витте по этикету двора без согласия государя не мог прибыть в Данию ради личной встречи с его родственниками. Для Витте в его высоком положении было бы непозволительно и рискованно без согласования предпринимать такой вояж, даже если этот визит был бы неофициальным. В свою очередь, Мария Федоровна не позволила бы себе без приглашения принимать его на аудиенции, не в ее правилах было нарушать придворный протокол, тем более С. Ю. Витте являлся государственным сановником высокого ранга. Характерно, но она при любых обстоятельствах сохраняла чувство собственного достоинства. Любопытно, А. В. Богданович (со слов камердинера царя Н. А. Радцига) записала в дневнике очень важный момент, объясняющий светские манеры, которых придерживалась

¹ См. также: *Мультатули П. В.* Император Николай II и Крым [Электронный ресурс]. URL: belrussia.ru/page-id-6815.html (дата обращения: 15.07.2016).

² Письма С. Ю. Витте к Д. С. Сипягину (1900–1901) / Красный архив. Исторический журнал. Т. 5 (18), М., Л., 1926. С. 39.

императрица Мария Федоровна. Однажды царица-мать посетила семью дочери — в. кн. Ксении Александровны — в Петергофе, где в это время находился и Николай II с семьей. Царь, зная, что она приехала и находится рядом, все время ее ожидал, даже во время докладов министров справлялся, приехала ли мать. Наконец не выдержал и послал гонца к матери, чтобы ему сообщили, почему она не приезжает. В ответ прозвучало коротко — «потому что приглашения не получила» (запись 9 июня 1899 г.) [5, с. 247]. Царица-мать, рожденная и воспитанная в королевской семье, традиционно придерживалась правил европейского этикета и не нарушала его даже с собственными детьми. Но если она сама желала видеть Ю. С. Витте, то непонятно, почему в письме к своей дочери Ксении сообщала, что ее крайне удивил приезд министра финансов в Копенгаген¹. Кто-то из двух действующих лиц тех событий противоречит себе — либо Мария Федоровна, либо С. Ю. Витте. В Данию он поехал не один, а захватил с собою Грубе, поскольку Грубе был не только агентом министерства финансов в Персии², но и датчанином. Его знали императрица и Мария Датская, с которой он был в хороших отношениях [7, с. 187]. Показателен тот факт, что первая аудиенция С. Ю. Витте при датском королевском дворе состоялась именно у Марии Федоровны. Здесь не существовало какой-либо интриги, С. Ю. Витте посетил вдовствующую императрицу в соответствии с тем, что она являлась для него царской особой и матерью нынешнего российского императора. И если верить его воспоминаниям, то шел к ней на аудиенцию все-таки по ее приглашению. Но как тогда понимать ее письмо к дочери? По понятным причинам ей хотелось получить от Витте больше известий, чем она получала из писем дочери, вполне вероятно, могла просить деньги на свое содержание и, наконец, хотела, чтобы о ее истинных намерениях не догадался бы в. к. Александр Михайлович, муж Ксении и друг Николая II. На аудиенции вдовствующую императрицу интересовали не только внутренние дела двора, но и положение дел в Китае. С. Ю. Витте рассказал ей о «боксерском восстании» в Пекине, успокоив ее, что чрезвычайных последствий для России в связи с этим восстанием не ожидается.

Но, безусловно, императрицу-мать больше всего интересовали сведения о сыне. Известно, что среди своих родственников она постоянно прибавляла к его имени слово «бедняга» (датское — *stakkels*) или «бедный мой сын». Этими словами она жалела его, осознавая, как труден для него груз управления государством. Она сочувственно относилась и к тому, что в его окружении нет преданных людей — ни ему лично, ни государству [12, с. 102–103]. В то же время Мария Федоровна с уверенностью могла обратиться к С. Ю. Витте (в том числе и за получением денежных сумм на собственные нужды или в целях благотворительности). С. Ю. Витте для нее казался спасительным островком, оставшимся после ее августейшего супруга. Она верила, что министр сохраняет преданность самодержавию в лице не только усопшего мужа, но и ныне действующего на троне сына.

Следовательно, в Дании у министра финансов С. Ю. Витте были запланированы две официальные встречи — с Марией Датской и вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Но получилось так, что за короткое время пребывания в Копенгагене (всего 1,5 дня — с 18 по 20 августа), он успел встретиться с четырьмя

¹ *Мультатули П. В.* Император Николай II и Крым [Электронный ресурс]. URL: ekskursia-spb.ru/p-v-multatuli-imperator-nikolaj-ii-i-krym/ (дата обращения: 20.12.2015).

² Институт агентов Министерства финансов просуществовал 82 года (1829–1911). Начинаясь он еще при министре финансов Е. Ф. Канкрине, его третий период расцвета пришелся на период денежной реформы С. Ю. Витте. Агенты (или корреспонденты) были прикреплены к Департаменту мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов. Функциональная задача агентов заключалась в том, что они собирали сведения в крупных промышленных центрах за границей, необходимых для использования в техническом оснащении отечественного производства [16].

королевскими персонами. Во время беседы с Марией Федоровной в комнату вошла ее сестра — Английская королева Александра Датская (1844–1925) — супруга короля Эдуарда VII (их сын Георг имел портретное сходство с русским царем Николаем II). С. Ю. Витте был представлен английской королеве. С датским королем встреча заранее не планировалась. Это видно из того, что адъютант короля только на выходе нагнал С. Ю. Витте и сообщил ему, что король желает его видеть. Видимо, у датского короля проявился повышенный интерес к гостю дочери. Встречу с ним король назначил на следующий день. На аудиенции С. Ю. Витте представился королю Христиану IX (1818–1906), который в знак благодарности преподнес ему свою фотографию¹, хотя дарил их только своим родственникам. Король с любопытством спросил у С. Ю. Витте, о чем шла речь между ним и его дочерью. С. Ю. Витте пришлось вкратце передать ему смысл разговора. Следующий вопрос касался того, что выдавало тайну бесед короля с его дочерью, он неожиданно осведомился у русского министра, что представляет собой «Миша» (т. е. в. к. Михаил Александрович). Как учитель потенциального русского наследника, Витте понимал, что проявленный интерес к «Мише» был не случайным. В подтексте вопроса короля звучала тревога: его дочь Дагмар была обеспокоена положением с наследником. Несмотря на то что в. к. Михаил Александрович являлся следующим по мужской линии после Николая II, у него не было титула — ни наследника, ни цесаревича. Видимо, этот вопрос был актуальным и обсуждался в двух государствах: в русском и датском. Как и Николая II, всех настораживало то, что в императорской семье рождались лишь девочки, а прямой наследник отсутствовал. Конечно же, король не мог напрямую задать вопрос: получит ли Россия достойного царя в лице Михаила Александровича? Между тем С. Ю. Витте, если верить его воспоминаниям, разгадывает дипломатический ход короля и понимает, что от него ожидают услышать. Ответ Витте прозвучал как эталон русской дипломатии с привкусом византийского лукавства: Император Николай II есть сын своей матери и по своему характеру и по натуре, а в. к. Михаил Александрович есть больше сын своего отца. Не секрет, что Михаил, действительно, был любимым сыном Александра III и любимым внуком датского короля Христиана IX. На ответ Витте датский король только рассмеялся [7, с. 188–189]. Итак, в ответе ясно прозвучала мысль, что и Николай, и Михаил имеют свои достоинства, унаследованные от своих царственных родителей, кто лучше — покажет время. Слово провидец, С. Ю. Витте предугадал, что только время рассудит династический вопрос и два брата должны будут проявить ответственность за самодержавие.

Наконец, С. Ю. Витте нанес визит Марии Датской (Мария Амелия Франсуаза Елена (1865–1909), французская принцесса из Орлеанского дома). Она являлась супругой датского принца Вальдемара, брата Марии Федоровны и Английской королевы. Именно встреча с Марией Датской являлась официальным поводом для визита С. Ю. Витте в Копенгаген, который он осуществил по просьбе Николая II. К Марии Датской на аудиенцию он прибыл вместе с Грубе. Как известно, принцесса Орлеанская славилась в Дании своей экстравагантностью, независимым характером и была любимицей датчан. Со времен Александра III она являлась сторонницей сближения Франции и России. Так с какой же целью был приглашен С. Ю. Витте к ней на встречу, зачем ей нужен был русский министр? Прежде всего, эта встреча была деловой, необходимо было решить некоторые вопросы по организации датского пароходного общества в России [7, с. 187, 189].

Таким образом, поездку в Данию буквально законспирировал в своих воспоминаниях сам С. Ю. Витте, чем вызвал суждения различного толка о целях своего визита. И только из письма Витте к Д. С. Сипягину ясно, что в Копенгаген он за-

¹ Подобные подарки свидетельствовали об оказании высокой чести даруемому.

езжал по желанию государя с визитом к Марии Датской, а по собственным воспоминаниям он упоминает лишь имя вдовствующей императрицы, сообщая, что она дала знать, чтобы он посетил ее в Дании.

Литература

1. Абезгауз С. А. Влияние экономической политики Е. Ф. Канкрин на взгляды Ф. Листа и С. Ю. Витте // Английская набережная, 4: сб. СПб. науч. о-ва историков и архивистов. Вып. 5. СПб., 2007.
2. Алешин В. С. Благодоство и подлость. СПб., 2011.
3. Ананьич Б. В. Российское самодержавие и вывоз капиталов. 1895–1914 гг. (по материалам учетно-ссудного банка Персии). Л., 1975.
4. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000.
5. Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990.
6. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. М.: «Книга по Требованию», 2013.
7. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М.: «Книга по Требованию», 2012.
8. Витте С. Ю. Конспект лекции о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. М.: Народное хозяйство, 1997.
9. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000.
10. Докю Чой. Россия в Корее. 1893–1905 гг. (политика Министерства финансов и Морского министерства). СПб., 1996.
11. Илюхина Р. М., Сдвижков Д. А. Российский пацифизм и западное миротворчество в начале XX века [Электронный ресурс]. URL: [krotov.info>library/o5_d/o1/giy_3htm](http://krotov.info/library/o5_d/o1/giy_3htm) (дата обращения: 29.01.2016).
12. Кудрина Ю. В. Императрица Мария Федоровна и император Николай II. Мать и сын. М.: Вече, 2013.
13. Миллюков П. Н. Воспоминания государственного деятеля. Нью-Йорк, 1982.
14. Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918 гг. Т. 1. СПб., 2015.
15. Рязанов Д. С., Корсакова И. С., Тютюнник В. М. Россия и Нобелевская премия мира (1901–1955 гг.). Опыт анализа в контексте истории // История науки и техники. 2009. № 12. С. 44–56.
16. Смирнов А. Е. Агенты Министерства финансов Российской империи за границей: С. С. Татищев в Лондоне: автореф. на соиск. уч. степ. к. и. н. М., 2003.
17. Ткаченко А. Я. «Династический кризис» в России осенью 1900 года // «Из глубины времен». Альманах. 2005. № 13. С. 3–5.
18. Хереш Э. Николай II. Серия «След в истории». Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998.

References

1. Abezgauz S. A. *Influence of economic policy of E. F. Kankrin on F. Listz and S. Yu. Witte's views* [Vliyaniye ekonomicheskoi politiki E. F. Kankrina na vzglyady F. Lista i S. Yu. Vitte] // English Embankment, 4: Collection of St.-Petersburg scientific community of historians and archivists [Angliiskaya naberezhnaya, 4: sb. SPb. nauch. o-va istorikov i arkhivistov]. Issue 5. SPb., 2007. (rus)
2. Alyoshin V. S. *Nobility and meanness* [Blagorodstvo i podlost']. SPb., 2011. (rus)
3. Ananyich B. V. *Russian autocracy and export of the capitals. 1895–1914. (On materials of registration loan bank of Persia)* [Rossiiskoe samoderzhavie i vyvoz kapitalov. 1895–1914 gg. (po materialam uchetno-ssudnogo banka Persii)]. L., 1975. (rus)
4. Ananyich B. V., Ganelin R. Sh. *Sergey Yulyevich Witte and his time* [Sergei Yul'evich Vitte i ego vremya]. SPb., 2000. (rus)
5. Bogdanovich A. V. *Three last autocrats* [Tri poslednikh samoderzhitsa]. M., 1990. (rus)
6. Witte S. Yu. *Memoirs* [Vospominaniya]. V. 1. M.: "Book on demand" ["Kniga po Trebovaniyu"], 2013. (rus)
7. Witte S. Yu. *Memoirs* [Vospominaniya]. V. 2. M.: "Book on demand" ["Kniga po Trebovaniyu"], 2012. (rus)
8. Witte S. Yu. *The abstract of a lecture about national and state economy, the read to his imperial highness to the grand duke Mikhail Aleksandrovich in 1900–1902* [Konspekt lektzii o narod-

- nom i gosudarstvennom khozyaistve, chitannykh ego imperatorskomu vysochestvu velikomu knyazyu Mikhailu Aleksandrovichu v 1900–1902 gg.]. M. : National economy [Narodnoe khozyaistvo], 1997. (rus)
9. Gurko V.I. *Lines and silhouettes of the past* [Cherty i siluety proshlogo]. M., 2000. (rus)
 10. Dokkyu Choi. *Russia in Korea. 1893–1905. (Policy of the Ministry of Finance and Sea ministry)* [Rossiya v Koree. 1893–1905 gg. (politika Ministerstva finansov i Morskogo ministerstva)]. SPb., 1996. (rus)
 11. Ilyukhina R.M., Sdvizhkov D.A. *The Russian pacifism and the western peacemaking at the beginning of the XX century* [Rossiiskii patsifizm i zapadnoe mirotvorchestvo v nachale XX veka] [An electronic resource]. URL: [krotov.info> library/o5_d/o1/giy_3htm](http://krotov.info/library/o5_d/o1/giy_3htm) (date of the address: 1/29/2016). (rus)
 12. Kudrina Yu. V. *Empress Maria Fiodorovna and Emperor Nicholas II. Mother and son* [Imperatritsa Mariya Fedorovna i imperator Nikolai II. Mat' i syn]. M. : Veche, 2013. (rus)
 13. Milyukov P.N. *Memoirs of the statesman* [Vospominaniya gosudarstvennogo deyatelya]. New York, 1982. (rus)
 14. Nikolsky B.V. *Diary. 1896–1918* [Dnevnik. 1896–1918 gg.]. V. 1. SPb., 2015. (rus)
 15. Ryazanov D.S., Korsakova I.S., Tyutyunnik V.M. *Russia and Nobel Peace Prize (1901–1955). Experience of the analysis in the context of history* [Rossiya i Nobelevskaya premiya mira (1901–1955 gg.). Opyt analiza v kontekste istorii] // History of science and technology [Istoriya nauki i tekhniki]. 2009. N 2. P. 44–56. (rus)
 16. Smirnov A. E. *Agents of the Ministry of Finance of the Russian Empire abroad: S. S. Tatishchev in London* [Agenty Ministerstva finansov Rossiiskoi imperii za granitse: S. S. Tatishchev v Londone]. Dissertation abstract. M., 2003. (rus)
 17. Tkachenko A. Ya. *“Dynastic crisis” in Russia in the fall of 1900* [«Dinasticheskii krizis» v Rossii osen'yu 1900 goda] // “From depth of times” [«Iz glubiny vremen»]. Almanac. 2005. N 13. P. 3–5. (rus)
 18. Heresh E. *Nicholas II* [Nikolai II]. Trace in the History series [Seriya «Sled v istorii»]. Rostov-on-Don: Phoenix, 1998. (rus)

Организованная молодежная среда России в контексте международного гуманитарного взаимодействия на постсоветском пространстве

Асадов Бабек Рашид оглы

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Доцент кафедры международных отношений, истории и политологии
Кандидат политических наук
asadovspb@mail.ru

Баранов Александр Сергеевич

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Доцент кафедры экономической географии
Кандидат педагогических наук
alexandersbaranov@yahoo.com

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу роли организованной молодежной среды в гуманитарной сфере, выступающей на фоне новых объективных тенденций сближения, и деструктивных явлений между отдельными странами постсоветского пространства. Рассмотрены предпосылки некоторых аспектов становления организованной молодежной среды в социально-исторических условиях и роль отдельных ее участников в плане развития гуманитарного сотрудничества в регионе. Многообразие форм международной деятельности молодежи, ее влияние на этот процесс находятся за пределами исследовательского интереса, и дальнейшее изучение скорее может открыть новые горизонты дискурса относительно стратегического ведения гуманитарной роли молодежного фактора в качестве эффективного инструмента внешней культурной политики России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

организованная молодежная среда, международное гуманитарное сотрудничество, международное молодежное сотрудничество, единое гуманитарное пространство, постсоветское пространство, гуманитарное присутствие, интеграционные процессы, СНГ, молодежный туризм

Asadov B. R., Baranov A. S.

Organizational of Environment Youth Russia in a Context of the International Humanitarian Interaction in the Post-Soviet Space

Asadov Babek Rasheed Ogly

Saint-Petersburg State University of Economics (Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of International Relations, history and Political Science
PhD in Political Sciences
asadovspb@mail.ru

Baranov Alexander Sergeevich

Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Economic Geography
PhD in Pedagogic
alexandersbaranov@yahoo.com

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of a role of organized young people in the humanitarian sphere acting against the background of new objective tendencies of rapprochement, and the destructive phenomena between the countries of the former Soviet Union. Prerequisites of some aspects of formation of organized young people in sociohistorical conditions, and a role of its certain partici-

pants in the development plan for humanitarian cooperation in the region are considered. The variety of forms of the international activity of youth, its influence on this process is outside research interest and further studying can open the new horizons of a discourse, rather strategic maintaining a humanitarian role of a youth factor, as the effective tool of foreign cultural policy of Russia.

KEYWORDS

organized by the youth environment, international humanitarian cooperation, international youth cooperation, the common humanitarian space, post-Soviet space, humanitarian presence, integration processes, CIS, youth tourism

Многосторонняя деятельность государственных акторов во внешней среде все более целенаправленно используется в качестве важного инструмента, направленного на сохранение и расширение границ гуманитарного пространства. Такая практика, являясь неотъемлемой составной частью внешнеполитического курса отдельных государств, за последние десятилетия безоговорочно стала одной из определяющих тенденций развития международного сотрудничества и другой стороны конкуренции.

Очевидно, что растущая конкуренция на международной арене приобретает все возрастающее значение и характеризуется усилением борьбы за гуманитарное влияние между ключевыми акторами современных международных отношений, где России исторически принадлежит особая роль. Вследствии чего, в российском обществе возникает острая необходимость в минимизации издержек и потерь во внешнем мире, которые возникают, в том числе и из-за проблем слабого гуманитарного присутствия в ряде регионов мира.

В данном процессе активно используются различные институциональные возможности, ресурсы и технологии с целью обеспечения гуманитарного присутствия в тех регионах, которые традиционно входят в сферу внешней культурной политики или укладываются в интеграционную концепцию. Вовлечение в этот процесс некоммерческих неправительственных участников в качестве специфических субъектов гуманитарного сотрудничества приобретает в последнее время определенную динамику в деятельности государственных акторов во внешней среде.

При этом определенную роль в развитии гуманитарной сферы играет и организованная молодежная среда, которая в условиях растущего влияния динамичных политических, социально-экономических и других факторов на изменение параметров социально-культурного пространства имеет порой лучшие возможности для формирования новых форматов, моделей и проектов взаимодействия. Определенное влияние на их развитие, особенно в условиях такого сложного многообразного региона, как постсоветское пространство (территория бывшего СССР), стала оказывать организованная молодежная среда — деятельность некоторых молодежных организаций России, выступающих по сравнению с аналогичными структурами данного пространства в качестве наиболее динамичных акторов (деятельных субъектов) международного молодежного сотрудничества. В условиях становления новых форматов постсоветских отношений они стали функционировать, опираясь на политические, социально-экономические и гуманитарные тенденции, находя более приемлемые формы взаимодействия с молодежью из стран постсоветского пространства, существенно повышая субъектность молодежного сообщества в контексте международного гуманитарного сотрудничества.

Безусловно, на фоне появления новых объективных тенденций сближения и развития интеграционных векторов сотрудничества, а также существующих деструктивных явлений между отдельными странами региона в условиях довольно сложных международных отношений и накопления «межцивилизационных» противоречий все большую значимость приобретают малоизученные вопросы взаимодействия молодежи России со сверстниками в качестве научно-практической дискуссии на меж-

дународной арене. Особого внимания заслуживают проблемы и перспективы пока хрупкой, формирующейся модели гуманитарного взаимодействия молодежи России и других стран постсоветского пространства, которые все больше нуждаются в поиске нового императива качественного развития. Кроме того, проблемам гуманитарного сотрудничества и его качественного использования, как ресурса развития внутренней и внешней сферы, в рамках деятельности участников организационной молодежной среды России, в отечественной научной литературе уделяется недостаточное внимание, и скорее они намечены пунктиром, чем комплексно проанализированы. И поэтому сегодня весьма важно понять, каким образом и насколько эффективно развивается многогранная роль молодежных акторов России в плане гуманитарного взаимодействия на постсоветском пространстве.

Изучение многоаспектной деятельности молодежи и ее многочисленных организаций и институтов, представляющих организованную молодежную среду на данной территории, требует рассмотрения и учета множества факторов, влияющих на формирование характера субъектов и, следовательно, определяющих их место в системе международного гуманитарного сотрудничества. Вместе с тем, последнее несет в себе конструктивное начало в плане развития самой организованной молодежной среды, так как изменился стереотип поведения самой российской молодежи.

В связи с этим всестороннее представление об их характере и динамике (особенно в условиях сложных отношений между отдельными странами региона) является необходимым условием для создания новых эффективных моделей гуманитарного взаимодействия молодежи, отвечающих ожиданиям и запросам молодого поколения.

Сегодня как на уровне интеграционных структур, так и в национальном контексте существует объективная необходимость в выработке новых подходов и рекомендаций по усилению роли организованной молодежной среды в системе межгосударственных отношений. Они должны быть обозначены не только в соответствии с теми целями, задачами, направленными на сохранение и развитие исторически сложившихся гуманитарных контактов, но и должны быть ориентированы на качественное использование представительских функций молодежи и потенциала ее многочисленных организаций и институтов в этой области. В частности, такая практика вполне востребована в разрешении конфликтов между некоторыми странами территориями региона. В процессе научного осмысления перспективной, но специфической многогранной роли молодежного фактора, все более действенно оказывающего благоприятное влияние на реализацию задач внешней культурной политики России, особенно на территории бывшего СССР, наиболее актуальными представляются вопросы рационального использования ресурса организованной молодежной среды в сохранении и развитии прочного гуманитарного пространства, что и определяет цель данной работы.

В последние десятилетия в условиях растущей внешнеполитической конкуренции и борьбы, получившей определенную динамику интеграционных процессов на территории постсоветского пространства, значимым объединяющим началом, основным на многовековой исторической и культурной общности народов, стала гуманитарная сфера. Последняя как приоритетное направление все более интенсивно включает в свою орбиту разные институты общества. Вполне закономерно, что на этом фоне участниками этого процесса становятся также организации и институты молодежи России, которые в последнее время все чаще стали принимать участие в мероприятиях, направленных на развитие объединительных процессов.

Практика становления новой организованной молодежной среды России, которая представляет собой различные молодежные организации и институты, свидетельствует о том, что роль и реальное фактическое влияние последних на общественно-политическую и культурную жизнь страны, как на муниципальном, региональном, федеральном уровне, так и во внешней среде было довольно не-

значительно. В новых условиях место и роль новых молодежных объединений в системе общественных отношений сильно отличаются от подобной практики в условиях биполярного мира, прежде всего отсутствием опыта и идеологического вектора развития, которые во многом предопределяли характер их деятельности, в том числе и в международной среде. Так, после распада СССР образовался гуманитарный вакуум, который оказал наиболее острое влияние именно на организованную молодежную среду, которая вынуждена была резко изменяться и приспосабливаться к новым реалиям. При этом общество практически не уделяло никакого внимания проблемам молодежи, а после развала ключевых институтов организованной молодежной среды — пионерской организации и комсомола, ничего не предложило взамен. Процесс формирования новой среды происходил хаотично и имел серьезные региональные контрасты, где наиболее ярко проявлялось в поведении местных элит или других, в том числе зарубежных интересантов (религиозных, политических и т. д.). Данные тенденции проявлялись в диаметрально противоположных направлениях, как «лебедь, рак и щука», что создало определенные предпосылки к конфликтным ситуациям не только в рамках СНГ, но и внутри страны. При этом регионализм в новых условиях, особенно в контексте СНГ, довольно быстро привел к появлению новых политических сил, опирающихся на потенциал организованной молодежной среды с чертами националистического характера.

Степень заинтересованности в преодолении этой проблемы, и, в частности, понимание значимой роли организованной молодежной среды в сохранении и развитии гуманитарных связей на территории постсоветского пространства была осознана, особенно на фоне становления межгосударственных акторов. С учетом необходимости сохранения традиционных связей в развитии международного гуманитарного сотрудничества, значимая роль была отведена Содружеству Независимых Государств (СНГ), в рамках различных органов которого принимались решения, рекомендации по активизации деятельности молодежи в гуманитарной сфере. Среди них можно выделить Рекомендации Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О поддержке молодежных и детских объединений», «О едином образовательном пространстве и повышении социального статуса учащихся системы образования и науки», «Модельный закон о государственной молодежной политике», «Модельный закон о воспитании детей и молодежи» и другие¹, в значительной степени расширили географию и формы гуманитарного сотрудничества с участием представителей подрастающего поколения [1].

Некоторые тенденции сближения молодежи между отдельными странами постсоветского пространства определенное развитие получили после заявления президентов четырех стран (Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России, 1996 г.), в котором было отмечено стремление к дальнейшему укреплению дружбы и сотрудничества с целью поднятия межгосударственных отношений на качественно новый уровень. В подписанном «Договоре об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях» особый акцент был сделан на развитии гуманитарной сферы, которая открывала новые просторы дальнейшему сближению народов и повседневным человеческим контактам².

Отметим, что конкретные шаги, направленные на тесное взаимодействие участников новой организованной молодежной среды, осуществляются на фоне станов-

¹ Документы МПА СНГ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iacis.ru/activities/documents> (дата обращения: 12.05.2016).

² Заявление Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева, Президента Киргизской Республики А. А. Акаева и Президента РФ Б. Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <http://evrazes.com/docs/view/33> (дата обращения: 30.05.2016).

ления организационно-концептуальных основ молодежной политики. И это находит отражение в целенаправленных действиях как в молодежном векторе деятельности межгосударственных структур, так и отдельных новых молодежных объединений в регионе, охватывающих широкий спектр межгосударственных отношений.

Стремление к взаимодействию молодежи в развитии международного гуманитарного сотрудничества происходит на фоне становления новых молодежных акторов. В этом плане к наиболее заметным среди организаций и институтов молодежи, представляющих более приемлемые каналы международного молодежного сотрудничества, можно отнести Ассоциацию общественных организаций «Национальный совет молодежных и детских объединений России». Одной из его ключевых функций в качестве общенациональной платформы, и во многом соответствующей международной практике, была координация содействия детским и молодежным организациям и представление молодежного неправительственного сектора на международном уровне. В рамках такой деятельности важное место отводилось сотрудничеству с организациями из постсоветского пространства, и эти связи осуществлялись как в формате двустороннего, так и многостороннего сотрудничества.

Все активнее представляя российские детские и молодежные организации на международной арене, предпринимаются попытки с целью укрепления и расширения молодежного сотрудничества в регионе. В частности, в 1997 г. проходит встреча представителей Национальных молодежных советов стран СНГ, Центральной и Восточной Европы в рамках проекта «МОСТ-2», где обсуждались пути и формы дальнейшего сотрудничества.

В конце 1990-х прослеживаются некоторые положительные тенденции в плане активизации взаимодействия молодежи. При поддержке Исполкома СНГ был проведен Конгресс молодежных и детских объединений Содружества. Новое молодежное пространство (Москва, 1998 г.)¹, в работе которого активное участие принимали представители молодежных организаций России. Действуя на этом поле вместе с другими неправительственными институтами, по сути, молодежные объединения отработывают новые модели взаимодействия, выступая в качестве специфических субъектов гуманитарного сотрудничества.

Как показывает практика некоторых сторон становления организованной молодежной среды России и гуманитарного взаимодействия ее активных участников на постсоветском пространстве, можно отметить, что началу этой тенденции определенным позитивный импульс дало Постановление Верховного Совета РФ «Об основных направлениях государственной молодежной политики». Оно институционально определило основные задачи и в международной сфере. Определению роли, прав и поддержки молодежи и ее организаций в обществе также уделяется внимание в рамках Федерального закона «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» и в других институциональных действиях, которые были направлены на организационное оформление общественного молодежного сектора. По сути, происходит признание самостоятельности молодежных и детских объединений, и их права на участие в определении мер государственной поддержки.

В сложившийся период созданные институциональные основы действия молодежи, в том числе изложенные действия, к примеру Федеральные целевые программы «Молодежь России» (в период 1995–1997 и 1998–2000 гг.), является ключевым инструментом реализации государственной молодежной политики², в международной

¹ Российская молодежь: проблемы и решения. М. : Центр социального прогнозирования, 2005. С. 522–523

² «Молодежь России 2000–2025: развитие человеческого капитала» [Электронный ресурс]. URL: <http://youthrussia.ru/files/strategiya.pdf> (дата обращения: 20.05.2016).

сфере определяют приоритеты и основные направления международного молодежного сотрудничества, а также участие в этом детских и молодежных общественных объединений. Особое внимание развитию всестороннего сотрудничества со странами СНГ в сфере молодежной политики было уделено в аналогичной программе, которая осуществлялась в 2001–2005 гг. Программная детальность в области молодежной политики последовательно осуществляется и в дальнейших действиях государственных институтов. Проблемы вовлечения российской молодежи в инновационные международные проекты в сфере образования, науки, культуры, технологий, а также в международные проекты по подготовке лидеров молодежных общественных объединений и работу международных молодежных органов и другие, выстраиваясь в единый социально-гуманитарный блок, рассматривались в рамках Стратегии государственной молодежной политики в РФ до 2016 г.¹ Еще один документ, «Основы государственной культурной политики», заслуживает внимания в плане развития гуманитарного потенциала молодежи и создает возможности использования практики «поддержки русской культуры за рубежом, международном гуманитарном и культурном сотрудничестве, а также воспитании и самовоспитании граждан, просвещении, развитие детского и молодежного движения², в которых созидательная роль последних востребована сегодня как никогда.

Между тем в новых условиях являющийся важным субъектом молодежной политики (при этом обладающим незначительным потенциалом) институт общественных молодежных организаций был все более востребован в качестве механизма не только социально-экономического и культурного развития, но и для усиления международного потенциала России на тех территориях, которые традиционно входили в первую очередь в сферу ее гуманитарных интересов. В официальных документах уделяется место потенциалу молодежи и ее организаций как значимому субъекту развития международного гуманитарного сотрудничества. Подчеркивается необходимость применения широких комплексных мер по содействию развитию молодежных обменов, подключению ее к реализации международных гуманитарных программ, расширению контактов между молодежными организациями и структурами [3]. В дальнейшем в таком ключевом документе, как «Основные направления политики РФ в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества», который был призван развивать в том числе роль молодежи в этой сфере отмечается, что целесообразно уделять более активное внимание участию в международном культурно-гуманитарном сотрудничестве российских молодежных организаций, их взаимодействию с зарубежными молодежными партнерами³.

Отметим, что в последнее десятилетие в качестве необходимого канала коммуникации и важного фактора активизации взаимодействия молодежи России со сверстниками из стран СНГ, в этой сфере послужило принятие в 2005 г. Декларации и Соглашения о гуманитарном сотрудничестве, а также создание ключевого института — Совета по гуманитарному сотрудничеству (СГС). Определенную динамику молодежному сотрудничеству придало Соглашение о сотрудничестве в сфере работы с молодежью, а также создание Совета по делам молодежи. Последний

¹ Стратегия государственной молодежной политики в РФ до 2016 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1760-р [Электронный ресурс]. URL: <http://vmo.rgub.ru/policy/act/strategy.php> (дата обращения: 20.05.2016).

² Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» / Собрание законодательства Российской Федерации, 29.12.2014 г. № 52 (ч. I). Ст. 7753.

³ Приложение № 1 к Концепции внешней политики РФ «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» (утверждено Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым 18 декабря 2010 г.). М. : Мид РФ, 2011.

становится не только механизмом реализации основных задач Соглашения, но выступает в качестве ведущего института в плане проведения согласованной молодежной политики в целом¹.

Данный период становится переломным этапом в развитии международных молодежных связей на фоне приходящих последовательных действий, связанных с институциональным обеспечением международной деятельности молодежи. Молодежные организации испытывают определенное влияние со стороны ключевых национальных, а также межгосударственных институтов. Они внесли наиболее значимый вклад в формирование законодательных основ современной молодежной политики, а также обозначили важные приоритеты, направленные на усиление роли молодежи в обществе.

Наиболее значимые мероприятия в этой сфере осуществляются при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества (МФГС) в рамках Года молодежи (2009), который был полон насыщенными событиями, касающимися молодежи. Необходимой частью гуманитарного сотрудничества являются согласованные действия стран в сфере молодежной политики, в частности к ним можно отнести: принятие декларации «О приоритетных направлениях современной молодежной политики», модельный закон «О воспитании детей и молодежи», которые открывают новые возможности молодежным организациям из России. Конечно, важный импульс этому процессу придала Стратегия международного молодежного сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств на период до 2020 г., следовательно, это стало все активнее способствовать расширению институциональной деятельности молодежи, открывать ее организациям новые возможности для взаимодействия, и как следствие — важным ресурсом для развития единого гуманитарного пространства.

Анализ официальных документов СНГ показывает, что молодежные мероприятия, которые реализовывались в период 2012–2013 и 2014–2015 гг., и в контексте аналогичной практики, предусмотренной на 2016–2017 гг. (например, свыше 100 мероприятий для молодежи), несмотря на определенные сложности в межгосударственных отношениях, осуществляются в рамках данной Стратегии и других структур. Это свидетельствует о складывании определенных традиций и ведении последовательной деятельности межгосударственных институтов в области развития взаимодействия молодежи на территории СНГ.

В плане развития этой работы по-прежнему определенное внимание уделяется молодежным организациям России, которые в последнее время стремятся сыграть значимую роль в осуществлении многостороннего и двустороннего молодежного сотрудничества сверстниками из других государств региона. О росте молодежной активности с участием организации молодежи России на территории постсоветского пространства демонстрирует и количество инициированных проектов, мероприятий, реализованных в последние годы, в том числе в рамках многообразных молодежных проектов Росмолодежи, Общественной палаты и др. государственных и общественных институтов.

Нельзя не отметить определенного позитивного влияния на развитие международного гуманитарного сотрудничества Российского союза молодежи (РСМ), для которого еще в начале 1990-х гг. значимым направлением международной деятельности стало сотрудничество с организациями из постсоветского пространства. Все активнее взаимодействуя с молодежными организациями региона, целенаправленно осуществляет приобретающие традиционный характер международные молодежные мероприятия. В этом плане следует выделить такие проекты, как Молодежный

¹ Соглашение государств-участников СНГ о сотрудничестве в сфере работы с молодежью [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id12440> (дата обращения: 11.05.2016).

лагерь «Бе-La-Русь» (проводится с 1991 г.); Международная школа студенческого самоуправления «Лидер 21 века», Международный молодежный фестиваль «Нам вместе жить в XXI веке», Международный молодежный фестиваль «Русская зима», Международный молодежный российско-казахстанский лагерь «Соседи» и др., ставшие уже традиционной площадкой сопряжения интересов в расширении границ партнерских отношений РСМ и молодежных организаций из других стран региона.

Последние годы стали насыщенными событиями, связанными с участием российской молодежи в проектах и мероприятиях, реализованных с участием студенческой молодежи. Крупный массовый проект РСМ, направленный на поддержку студенческого творчества «Студвесна», обретает новые площадки за счет развития его международного этапа. Традиционный характер приобрели международные студенческие фестивали «Студенческая весна СНГ на Кавказе», «Студенческая весна стран Балтии», Студенческая весна стран ШОС и др. как форма межкультурной коммуникации и интеллектуального обмена. В последнее время эта работа имеет растущую динамику¹.

Некоторые международные форматы с участием молодежи региона, участниками которых были, в том числе представители общественных объединений молодежи, в частности Международный молодежный форум «Новое поколение: ответственность без границ» (2011–2012 гг. в г. Баку, 2013 г. — г. Грозный), ежегодные Молодежные сессии (Москва), Молодежные Дельфийские игры России и СНГ (14-е и соответственно 10-е прошли с 1 по 6 мая 2015 г. в г. Орле) с единой темой и общим девизом — «Во славу Великой Победы!», Международный молодежный лагерь «Диалог», который как образовательная площадка по актуальным вопросам построения и продвижения межкультурного диалога на базе культурно-образовательного туристического центра «Этномир» ежегодно собирает представителей молодежных общественных объединений и этно-культурных объединений постсоветского пространства и другие, отличающиеся организационным и содержательным уровнем в соответствии со своей гуманитарной тематикой, а также сопутствующими им мероприятиями, зарекомендовали себя, как проекты, способные реально заинтересовать молодежь. Не менее важный проект, который являлся составной частью мероприятий по укреплению международного молодежного сотрудничества, — форум Селигер, где особое место уделялось активизации работы с талантливой молодежью из постсоветского пространства.

Наблюдаемая динамика политической и гражданской активности молодежной среды способствовала формированию новых институтов гражданского общества и появлению постоянных проектов, которые создают новые возможности для реализации своего потенциала. Самым характерным примером данной тенденции является развитие новых направлений молодежного сотрудничества, в частности, волонтерского движения, молодежного предпринимательства, где российские организации выступают базовыми площадками для реализаций этих начинаний.

Степень заинтересованности новых молодежных акторов гуманитарного сотрудничества в сохранении традиционных векторов взаимодействия и создании позитивного «климата» обусловлены необходимостью сохранения общего культурно-исторического наследия, расширения практики принятия модельных законов, способствующих появлению новых каналов гуманитарного взаимодействия молодежи. В этом плане Модельный закон «О детском и юношеском туризме» 4 декабря 2004 г. № 24–12 заслуживает особого внимания как регулятор процесса взаимодействия участников организованной молодежной среды. Молодежный туризм в настоящее время представлен организованной, но разрозненной средой, в которой масштаб

¹ Российская студенческая весна. Программа поддержки и развития студенческого творчества [Электронный ресурс]. URL: <http://studvesna.info/news/> (дата обращения: 30.04.2016).

молодежных туристских контактов незначителен [2]. По нашему мнению, консолидация молодежного туризма возможна в контексте гуманитарного взаимодействия и дальнейшее эффективное развитие его требует формирования новой молодежной туристской платформы на территории постсоветского пространства. Сегодня практический вклад авторов в развитии данной идеи реализуется в деятельности «Ассоциации международного молодежного сотрудничества и туризма».

Некоторые тенденции вовлеченности организованной молодежной среды в развитие этих отношений совпали с объединительными процессами в рамках интеграционных проектов, соответственно открывающие новые институциональные возможности для взаимодействия молодежи в поисках единого пути гуманитарного развития. Анализ происходящих событий на фоне развития, как интеграционных, так и деструктивных процессов, в целом позволяет отметить, что межгосударственные отношения стран региона получают новое развитие. Вместе с тем перспективы формирования единого гуманитарного пространства во многом будут зависеть от положительной динамики и направления интеграционных тенденций в сфере политики, экономики, безопасности и т. д. Этому процессу в определенной степени продолжает содействовать деятельность международных молодежных организаций и институтов молодежи, которые возникают с активным участием российской молодежи на фоне растущих интеграционных связей Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и особенно Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В этом плане логично согласиться с экспертным мнением, которое характеризует актуальность роли молодежи в объединительных процессах: «Если молодые люди стран Евразии не сплотятся, мы рискуем получить разрушение основ идентификации, культуры и традиций народов, чья история складывалась тысячелетиями»¹. Одним из наиболее ярких и масштабных примеров такого объединения является по нашему мнению, акция «Бессмертный полк», где роль молодежи и ее организаций достаточно значима. Признание необходимости активного участия молодежи в объединительных мероприятиях находит отражение в документе «Основы государственной молодежной политики РФ до 2025 года», где, в частности, среди других приоритетов молодежной политики, рассматриваются проблемы вовлечения молодежи в процесс развития Евразийского экономического союза, укрепления общего гуманитарного пространства СНГ².

Вышеизложенное вполне акцентирует внимание не только на актуальности нарастающих объединительных тенденций в молодежной среде, но характеризует перспективы деятельности молодежи в целях развития интеграционных процессов. В силу объективных причин как внешних, так и внутренних составляющих, повышения роли участников организованной молодежной среды в этой области нельзя добиться путем только инвестиций в данную среду, оно зависит от определения четких целей, задач для качественной реализации которых необходимо предлагать наиболее эффективные формы и условия построения межкультурного диалога между молодежью региона.

Анализ места и роли молодежных организаций России на территории постсоветского пространства и результаты тех или иных сфер деятельности молодежи во многих случаях принято оценивать уровнем развития межгосударственных отношений в рамках которых, безусловно, существуют некоторые проблемные аспекты.

¹ В России создана международная молодежная организация содружеств [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/arhiv/739148> (дата обращения: 10.05.2016).

² Основы государственной молодежной политики РФ до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>; «Молодежь России 2000–2025: развитие человеческого капитала» [Электронный ресурс]. URL: <http://youthrussia.ru/files/strategiya.pdf> (дата обращения: 20.05.2016).

В плане минимизации негативного влияния этих факторов существует необходимая потребность не только в новых гуманитарных технологиях, многочисленных мероприятиях (порой носящих пафосный, торжественный формальный характер), но эффективных форматах диалога между молодыми людьми, которые благоприятствуют сужению границ бытового нигилизма и создают позитивный образ страны, народа, культур в молодежной среде. Кроме того, к основным и наиболее объективным препятствиям, затрудняющим расширение деятельности организации молодежи на постсоветском пространстве, в первую очередь можно отнести слабый уровень развития института общественных организаций молодежи, следовательно, проблемы эффективного использования их потенциала (недооценка их роли) в развитии международного гуманитарного сотрудничества. Такая практика характерна для многих молодежных организаций, деятельность которых, как правило, ограничивается рамками многочисленных встреч, форумов и других форматов, и не всегда отражает настроение и интересы миллионов молодых людей, что не дает основание рассмотреть подобные действия в качестве серьезного ориентира в сфере гуманитарной деятельности. Эти организации по-прежнему не в состоянии стать эффективными механизмами против негативных внешних и внутренних факторов, оказывающих определенное влияние на формирование качественной, организованной молодежной среды на постсоветском пространстве. С учетом их незначительной роли и влияния в молодежной среде и других издержек, которые характерны в современной молодежной среде, можно полагать, что сегодня они не в состоянии выстраивать качественную систему партнерства, направленную в том числе на снижение существующих негативных стереотипов в данной среде. В связи с этим сегодня на фоне слабого восприятия роли многочисленных неправительственных некоммерческих организаций в обществе, в качестве полноценных субъектов международного гуманитарного сотрудничества важна не только роль признания и значения институциональной деятельности молодежных организации в общественном процессе, но также нужно активно стимулировать молодежь к международному гуманитарному сотрудничеству на постсоветском пространстве.

Главной целью его должна стать новая парадигма (модель) организации молодежной среды, которая будет интересной не только молодежи постсоветского пространства, но и дальнего зарубежья. Модель, условия существования которой будут максимально способствовать раскрытию потенциала личности.

Кроме того, в деятельности молодежных организаций России актуальным и значимым направлением могла быть их роль в организации активного диалога молодежи между отдельными странами СНГ, в отношениях которых присутствует конфликтное измерение, обилие бытовых стереотипов и предрассудков, и эти проблемы предъявляют особые требования к молодежи. На установление конструктивного диалога между молодежью конфликтующих сторон и преодоление существующих проблем, особенно разрушение негативных стереотипов, необходимо задействовать потенциал влиятельных молодежных организаций России и стран ближнего зарубежья в реализации адресных рамочных программ, охватывающих широкие массы молодежи. Особенно актуален данный вопрос в странах Прибалтики и в Украине.

Сегодня важной проблемой является недостаточное знание молодежью культуры, истории, традиций и современных достижений народов государств-участников СНГ, в свою очередь, популяризация идеи интеграционного партнерства в молодежной среде и другие свидетельствуют о необходимости наращивания активизации действий по созданию общего информационного пространства в сфере международного молодежного сотрудничества. Недостаточная организационная роль новых механизмов, способных все больше стимулировать деятельность организаций молодежной среды, позволяет отметить, что данная среда остается не только площадкой для экспериментов новых идей, инициатив отдельных политиков, институтов, но часто

приобретает негативные признаки под влиянием тенденций этнического, религиозного и политического экстремизма, ксенофобии и нетерпимости, а также разнонаправленных глобальных региональных тенденций, имеющих порой негативные последствия в развитии и гармонизации данной среды.

Очевидная потребность в минимизации влияния негативных факторов, препятствующих полноценному взаимодействию молодежи, обусловлена и фундаментальным переосмыслением ее роли в сложных социально-политических, экономических процессах на постсоветском пространстве. Необходимы современные концепции взаимодействия молодежи, отвечающие широким запросам участников организованной молодежной среды. Стратегическое видение роли молодежных организаций России в сохранении и развитии единого гуманитарного пространства требует также создания организаций нового типа, предлагающих более приемлемые и доступные формы участия с целью активного привлечения молодежи к их деятельности и продуктивному использованию ее инновационного потенциала для развития гуманитарного процесса. Выстраивание качественной основы гуманитарной деятельности молодежных организаций России в данном направлении на фоне развития как интеграционных, так и деструктивных процессов можно рассматривать наиболее существенным фактором, оказывающим позитивную роль в формировании перспективной устойчивой среды взаимодействия между народами и культурами региона. При этом российская молодежная организованная среда готова выступать важным субъектом гуманитарного сотрудничества, но многие инициативы и решения, по-прежнему, исходят со стороны основных межгосударственных институтов региона на фоне острой недостаточности горизонтальных связей.

Таким образом, после распада СССР взаимодействие новых молодежных организаций России и других стран постсоветского пространства проходит в сложных социально-исторических условиях поиска новой модели международного взаимодействия молодежи. Конечно, изменилась модель их участия в этой области, и наиболее значимая особенность деятельности молодежных организаций характеризуется гуманитарной направленностью, которая имеет положительную динамику, особенно в рамках трех направлений, таких как СНГ, Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Вместе с тем развитие данного направления оказалось под влиянием конъюнктуры, в частности политического, экономического и прочего характера. Сегодня данное направление является безусловным приоритетом российской внешней культурной политики на территории постсоветского пространства.

Исторически сложившаяся неустойчивая организованная молодежная среда во многом предопределяет место и уровень роли организаций молодежи в сфере гуманитарного взаимодействия с организациями из постсоветского пространства. Несмотря на то что качественному развитию этой среды долгое время не уделялось достаточного внимания, сегодня все более востребована специфическая роль данного института, который не только представляется социально-гуманитарным потенциалом, но обладает способностью повышать эффективность и результативность многоаспектной коллективной формы деятельности, направленной на расширение гуманитарного присутствия России.

Безусловно, сегодня необходимыми условиями сохранения и развития единого гуманитарного пространства выступают объединительные факторы, где растущая роль участников организованной молодежной среды. В плане развития этих тенденций на постсоветском пространстве, несмотря на определенные сложности, весьма важное значение имеют перспективы сохранения единого коммуникативного пространства, где объединяющая роль русского языка, целенаправленные совместные институциональные действия, возросшая социально-политическая роль

молодежи и др. в состоянии оказывать существенное влияние на формирование в молодежной среде новой идентичности.

С целью расширения развития институциональной основы международной деятельности молодежи, способствующей расширению круга субъектов международного гуманитарного сотрудничества, необходим поиск новых и наиболее эффективных форматов взаимодействия. Вовлечением большого количества молодежных организаций в этот процесс, которые, выполняя особые социальные функции в обществе, могут стать перспективным ресурсом, влияющим на формирование близкой по культуре международной молодежной среды, что, в свою очередь, может дать новое качество всему комплексу взаимодействия молодежи в рамках постсоветского пространства.

Реализация такой практики во многом требует нового ведения молодежной политики, ориентированной на социально-политическую трансформацию и особенно на динамику интеграционных объединительных процессов, которые, несмотря на существующие на их пути проблемы, в целом, дают возможность совместно реагировать на вызовы времени. Растущая роль молодежных организаций в этом должна быть обеспечена не только соответствующим ресурсным и организационным потенциалом этой среды, но и будет зависеть от характера созданных благоприятных условий, поощрительных действий со стороны как российских, так и межгосударственных структур.

Конечно, перспективы деятельности молодежных организаций в гуманитарной сфере нужно рассматривать в контексте единства общественной и государственной составляющих. Новый взгляд на это должен помочь осознать важность перспектив и востребованность возрастающей роли молодежных акторов России в международном гуманитарном сотрудничестве. Важно попытаться указать то, посредством чего в их деятельности будут минимизированы или устранены те барьеры, которые оказывают негативное влияние на уровень взаимодействия этих структур, которое оказывает позитивный импульс на содержательное развитие единого гуманитарного пространства на постсоветском пространстве.

Литература

1. Асадов Б. Р., Баранов А. С. О влиянии молодежной среды на процесс туристского освоения политической сферы общества // Вестник Пермского университета. Сер. «Политология». 2015. № 2. С. 165–176.
2. Асадов Б. Р., Баранов А. С. О некоторых особенностях процесса освоения пространства на примере анализа практики детско-юношеского туризма в советский период // Youth World Politic. 2015. № 1. С. 58–67.
3. Тезисы Внешней культурной политики России — год 2000 // Дипломатический вестник. 2000. № 4. С. 76–84.

References

1. Asadov B. R., Baranov A. S. *About influence of young people on process of tourist development of the political sphere of society* [O vliyaniy molodezhnoi sredy na protsess turistskogo osvoeniya politicheskoi sfery obshchestva] // The bulletin of the Perm University. Political science series. 2015. N 2. P. 165–176. (rus)
2. Asadov B. R., Baranov A. S. *About some features of process of development of space on the example of the analysis of practice of tourism for children and young people during the Soviet period* [O nekotorykh osobennostyakh protsesssa osvoeniya prostranstva na primere analiza praktiki detsko-yunosheskogo turizma v sovetskii period] // Youth World Politic. 2015. N 1. P. 58–67. (rus)
3. *Theses of Foreign cultural policy of Russia — year 2000* [Tezisy Vneshnei kul'turnoi politiki Rossii — god 2000] // Diplomatic messenger [Diplomaticheskii vestnik]. 2000. N 4. P. 76–84. (rus)

Система исполнительной власти областного звена в СССР на рубеже 1920–1930-х гг.

Саран Александр Юрьевич

Орловский филиал РАНХиГС
Старший научный сотрудник
Кандидат исторических наук, доцент
asaran1958@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируется состояние исполнительной власти в СССР на областном уровне на рубеже 1920–1930-х гг. на примере Центрально-Черноземной области. Опыт административно-территориальных реформ по созданию мега-областей исследуется в применении к современности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

исполнительная власть, Советы, Центрально-Черноземная область, реформы, административно-территориальное деление

Saran A. Yu.

System of the Regional Executive Power in the USSR at a Boundary of the 1920–1930th Years

Saran Alexander Yurievich

Orel branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russian Federation)
Senior researcher
PhD in History, Associate Professor
asaran1958@yandex.ru

ABSTRACT

In the article the condition of executive power in the USSR at the regional level at a boundary of the 1920–1930th on the example of Central Black Earth Region is analyzed. Experience of administrative-territorial reforms on creation of mega-areas is investigated in application to the present.

KEYWORDS

executive power, Councils, Central Black Earth Region, reforms, administrative-territorial division

Система государственной службы современной России представляет собой одну из распространенных в демократических государствах моделей, использующих прием разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви. Возникла она на глубочайшем историческом фундаменте государственности Руси, Российской империи и Советского Союза. Не только история связывает систему государственной власти Российской Федерации с предшествующими политическими системами, а живая традиция преемственности, многие сохранившиеся в сознании стереотипы восприятия и поведения государственной власти, наконец, определенная кадровая преемственность. Поэтому необходимо продолжать изучение исторического наследия России, исследовать особенности развития российской государственности, бережно выделяя пласты и крупницы позитивного опыта управления.

Возьмем для анализа регион Центральной России в период проведения реформы административно-территориального деления страны 1920–1930-х гг. Тогда

к 1929 г. вместо 72 губерний, существовавших в Советском Союзе, было создано 13 краев и областей (Дальневосточный, Нижегородский, Нижневолжский, Северный, Северо-Кавказский, Сибирский, Средневолжский края, а также Западная, Ивановская промышленная, Ленинградская, Московская, Уральская и Центрально-Черноземная области (ЦЧО). ЦЧО была создана в 1928 г., а уже в 1934 г. ликвидирована, в составе области оказались Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии, а также два уезда Тульской, Брянской губернии и часть Ранненбургского уезда Рязанской губернии. Площадь мега-области составила 192 000 км², а численность населения достигала 12 186 000 жителей. Появилась ЦЧО одной из последних в ходе районирования страны, а исчезла одной из первых мега-областей, подвергшись разукрупнению. Такой короткий период существования ЦЧО позволяет говорить о большом значении, которое придавалось руководством страны Центральной России.

Для более продуктивной адаптации результатов исторического анализа к современным условиям политической практики России, воспользуемся современной методикой исследования с позиций разделения властей. Необходимо отметить, что в СССР наблюдались отличные от других стран взаимоотношения законодательной и исполнительной властей. В частности, исполнительные органы могли не только исполнять волю законодателя, выраженную в законе, но и принимать самостоятельные решения, прямо противоречащие закону. Например, 1 февраля 1930 г. органы исполнительной власти — Центральный исполнительный комитет и Совнарком СССР своим совместным постановлением «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» фактически нарушили закон, разрешавший аренду земли и применение наемного труда. Отчасти это объясняется тем, что в перерывах между съездами Советов — основным законодательным органом в стране, законодательные полномочия передавались исполнительным. Эту особенность государственного устройства необходимо иметь в виду при анализе структуры и работы аппарата власти Советского Союза.

Рассмотрим одно из основных звеньев исполнительной власти в стране — областное. В этой ветви региональной власти главным органом был Центрально-Черноземный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Облисполком).

Облисполком был обязан проводить в жизнь решения центральных органов власти, он руководил промышленностью и сельским хозяйством, контролировал учреждения на территории области, а также различные виды имущества, решал социальные вопросы. Работа его происходила пленарно, не реже раза в месяц, а трижды в год созывались расширенные сессионные заседания.

В период между сессиями облисполкома его права переходили постоянно действующему президиуму во главе с председателем. Президиум из 19 членов и 7 кандидатов был избран на первой сессии облисполкома ЦЧО 9 августа 1928 г. после завершения работы областного съезда Советов.

С мая по июль 1928 г. должность председателя президиума облисполкома занимал Г. К. Прядченко, переведенный в Воронеж с такой же должности из Тамбовской губернии. После создания ЦЧО он был сменен Ф. П. Грядинским, которого доставили из Ленинграда, а Г. К. Прядченко стал его первым заместителем. Он был утвержден в новой должности постановлением Оргбюро и Секретариатом ЦК ВКП(б) от 25 мая 1928 г.¹ Но и Грядинский проработал недолго, уже в январе 1930 г. его заменил на посту председателя Е. И. Рябинин. Рябинин работал ранее

¹ См.: Российский центр хранения исторической документации новейшей истории (далее — РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 113. Д. 627.

заведующим отделом по работе в деревне обкома ВКП(б) ЦЧО, а до образования области был секретарем Тамбовского губкома компартии.

Кроме большого президиума, в облисполкоме ЦЧО для оперативного решения текущих вопросов собирался еще и малый, состоящий из 5 членов и одного кандидата.

При президиуме облисполкома Центрально-Черноземной области на постоянной основе работала административная комиссия. Для организации работы облисполкома в нем создается секретариат, который возглавляет П. Дьяконов. Особый отдел секретариата занимается секретной перепиской.

Работа орготдела до 1930 г. заключалась в поддержании связей с областными и окружными управленческими структурами, в организации выполнения решений облисполкома. После ликвидации округов в 1930 г. отдел должен был перестроить свою работу на районное звено. А это было даже физически сложнее, ведь вместо 11–12 округов, теперь предстояло руководить более чем полутора сотнями районов.

После ликвидации НКВД РСФСР 31 декабря 1930 г., часть его функций перешла в ведение секретариата облисполкома ЦЧО. Теперь руководству секретариата подчинялись органы записи актов гражданского состояния (ЗАГС), именно секретариат рассматривал вопросы о гражданстве и загранпаспортах. Ведению секретариата облисполкома подлежал учет лиц, лишенных избирательных прав. Кроме того, на секретариате лежало решение вопросов, касающихся религиозных культов. Секретариат в соответствии с постановлением 1930 г. осуществлял «надзор за деятельностью обществ, не преследующих целью извлечения прибыли»¹.

Другие структуры облисполкома подразделялись на отделы, комиссии, управления и комитеты. Их состав определялся в соответствии с постановлением президиума ВЦИК от 25 сентября 1930 г. «О типовой структуре областных отделов облисполкомов». Отделы с постоянными сотрудниками можно классифицировать по функциональному признаку. Отдел управления и административный отдел занимались организацией самой системы власти². В составе отдела работали секторы: административный, милиции, уголовного розыска, мест заключения, снабжения, а также канцелярия, отдел кадров и первый отдел (секретная часть), который представлял интересы ОГПУ. Политический отдел облисполкома также ведал связями с органами ОГПУ.

Следующая группа отделов занималась экономикой. Огромный отдел труда из 206 сотрудников работал над проблемами трудовых ресурсов. Среди его многочисленных задач значились и организация «работы трудового ополчения», и проведение «трудовой гужевой повинности» в ЦЧО³.

Другие отделы экономического блока: дорожно-транспортный, коммунальный, земельный, торговый и финансовый отделы контролировали соответствующие отрасли хозяйства. В 1929 г. при облисполкоме создается еще один экономический отдел — лесной. Областной отдел статистики под руководством И. М. Варгафтика собирал и анализировал результаты работы экономики области.

Предприятия торговли всех форм собственности находились в подчинении отдела внутренней торговли облисполкома ЦЧО. Сам отдел имел двойное подчинение — облисполкому и наркомату торговли РСФСР. В 1930 г. был создан наркомат снабжения РСФСР, и отдел торговли преобразуется в отдел снабжения облисполкома. А в 1934 г. происходит возврат к прежней системе [3, с. 346].

Третья группа отделов занималась социальными вопросами: областной отдел социального обеспечения, отдел народного образования, областной отдел здра-

¹ Государственный архив Воронежской области (далее — ГАВО). Ф. 1439. Оп. 4. Д. 203. Л. 45.

² ГАОО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 29. Л. 32.

³ ГАВО. Ф. 1439. Оп. 4. Д. 203. Л. 45.

воохранения и женский отдел. Они одновременно выполняли указания и своих народных комиссариатов, поскольку были органами двойного подчинения.

Областной отдел народного образования одной из главных задач считал ликвидацию неграмотности. Решению ее способствовало постановление ЦК ВКП(б) от 25 июля 1930 г. о введении всеобщего обязательного обучения, позднее подтвержденное советским законом. В ЦЧО было построено более тысячи начальных и семилетних школ, учебой было охвачено около 6 500 000 человек — половина населения области [1, с. 306].

Подразделением ОблОНО ЦЧО являлась цензура (обллит), которая подчинялась Главному управлению по делам литературы и издательств наркомпроса РСФСР. Уполномоченные обллита работали при всех типографиях области, радиовещательных учреждениях и на почтамтах. Все виды содержания они получали от организаций, работу которых контролировали.

В начале 1934 г. в ОблОНО было создано еще одно цензурное подразделение — управление по контролю за зрелищами и репертуаром как местное отделение Главного управления за зрелищами и репертуаром. Оно регистрировало все вновь открывающиеся зрелищные предприятия, разрешало или запрещало «постановку, публичное исполнение и распространение драматических, музыкальных и хореографических произведений, а также цирковых и эстрадных выступлений и кинофильмов»¹.

В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 февраля 1931 г. и по решению президиума областного исполнительного комитета от 20 мая при облисполкоме Центрально-Черноземной области 3 июля создается отдел национальных меньшинств². Заведующим его назначается Г. В. Галицкий³, украинец по национальности, что было характерно для национальной политики рубежа 1920–1930-х гг. Одной из задач отдела было проведение полной украинизации 26 южных и юго-западных районов ЦЧО и частичной украинизации еще 27 районов, т. е. трети области.

Отделы облисполкома находились в жесткой зависимости от президиума, даже свои совещания они могли проводить только с санкции руководства. Например, 27 декабря 1928 г. на заседании малого президиума облисполкома ЦЧО рассматривался вопрос «О даче разрешений на созыв областных совещаний ОблОНО, облсуда, областного отдела труда»⁴.

Комитеты облисполкома ЦЧО, в отличие от его отделов, занимались более узкими вопросами. В период существования ЦЧО при облисполкоме работали комитет по делам печати, комитет промысловой кооперации и кустарной промышленности, новыми комитетами в 1932 г. стали топливный и комитет товарных фондов и регулирования торговли.

Женские проблемы социального характера пытался решать комитет по улучшению труда и быта крестьянок и женщин-работниц, возглавляемый А. А. Трофимовой, но он был распушен уже 3 марта 1931 г.

Комитет крестьянских обществ взаимопомощи (ККОВ) по типовой схеме, предложенной ВЦИКом в постановлении от 25 сентября 1930 г., вообще не имел аппарата, а действовал исключительно через ответственных исполнителей на уровне сельских советов⁵.

Комиссии облисполкома состояли из представителей учреждений, причастных к конкретной проблеме, во главе с постоянным председателем комиссии. На по-

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1934, № 10, ст. 66.

² ГАВО. Ф. 1439. Оп. 4. Д. 20. Л. 21.

³ ГАВО. Ф. 1439. Оп. 4. Д. 338. Л. 75.

⁴ ГАВО. Ф. 1439. Оп. 1. Д. 4-а. Л. 14.

⁵ ГАВО. Ф. 1439. Оп. 4. Д. 203. Л. 102.

стоянной основе работала комиссия по размещению демобилизованного начальствующего состава¹.

Некоторые комиссии создавались на временной основе, например, областная комиссия по реорганизации окружно-районной системы управления. Она начала свою работу 18 мая 1930 г.², а когда ЦК ВКП(б) постановлением от 15 июля 1930 г. упразднил окружную систему, в ЦЧО уже два месяца действовала комиссия, готовая выполнить это решение. Секрет такой предусмотрительности заключался в том, что именно в Центрально-Черноземной области и еще в четырех регионах СССР проводился эксперимент по реорганизации округов. По итогам этого эксперимента ОблРКИ-ОблКК предложила «укрупнение районов, в соответствии с направлением их хозяйственного развития. Это превратит район в узловую пункт выполнения директив партии и правительства»³. Однако руководство страны пошло дальше воронежских товарищей, вопрос с округами был решен кардинально, через ликвидацию их в течение 1930 г. Это сократило время существования комиссии.

Группа комиссий облисполкома занималась вопросами экономики: плановая комиссия; посевная комиссия; комиссия по содействию государственному кредиту и сберегательному делу, а также противопожарная комиссия.

Другие комиссии создавались исполкомом Центрально-Черноземной области под конкретные социальные проблемы: комиссия по рассмотрению заявлений о восстановлении в избирательных правах и комиссия по рассмотрению жалоб на раскулачивание.

Областная детская комиссия во главе с А. А. Трофимовой располагала аппаратом из 493 сотрудников. Смежные задачи выполняли комиссия по проведению детских оздоровительных мероприятий и комиссия по улучшению жизни детей [2, с. 73].

Вопросы культуры рассматривались на заседаниях комиссий: по культовым и религиозным вопросам, по охране памятников природы и материальной культуры. В этой области государственной деятельности, кроме комиссий, при облисполкоме в 1930 г. создается совет по делам физической культуры, но он был распущен в 1932 г.

Еще одной формой управленческих структур облисполкома ЦЧО были штабы. В 1931 г. был образован «штаб по проведению месячника ликвидации уличной беспризорности» с участием представителей ОблОНО, областного административного отдела, управления стрелковой охраны НКПС ЮВЖД, а также представителей общества «Друг детей»⁴.

Наконец, комиссия исполнения, созданная лишь в 1931 г., проверяла качество управленческой работы облисполкома.

Управления облисполкома имели двойную подчиненность — местным органам власти и центральным. Создавались управления уполномоченными соответствующих народных комиссариатов при участии оргкомитета Центрально-Черноземной области. Только управление связи ЦЧО было экстерриториальным, не зависело от местных властей. Однако чекисты обеспечивали контроль компартии и над связистами.

Функции судьи по вопросам экономических конфликтов между учреждениями выполнял главный арбитр Центрально-Черноземной области при облисполкоме. Еще одной административно-судебной инстанцией была областная рабоче-крестьянская инспекция ЦЧО (ОблРКИ), существовавшая как единое целое с партийной контрольной комиссией (ОблКК-ОблРКИ). Руководил ею заведующий, которого избирал обл-

¹ ГАВО. Ф. 1439. Оп. 1. Д. 4-а. Л. 183.

² ГАВО. Ф. 1013. Оп. 1. Д. 119. Л. 11.

³ ГАВО. Ф. 1013. Оп. 1. Д. 119. Л. 33.

⁴ Центр хранения документации новейшей истории Воронежской области (далее — ЦДНИ ВО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. 547. Л. 1.

исполком, однако, если кандидатура не устраивала наркомат РКИ, то уже назначенного заведующего снимали и «тогда заведующий назначался ВЦИКом»¹. При заведующем работала коллегия, состав ее утверждали местные Советы. А районных уполномоченных облисполком назначал уже самостоятельно. В составе РКИ работала комиссия по чистке и бюро жалоб (БЖ), по области работали 1727 постов, которые собрали в 1932 г. 115 509 жалоб². В совместном ведении ОблКК и ОблРКИ находился подбор кадров³.

В 1934 г. система рабоче-крестьянских инспекций заменяется комиссией советского контроля при СНК СССР. В апреле уполномоченный КСК, который подчинялся только своему непосредственному начальству, начал работу в ЦЧО.

Деятельность областного звена исполнительной власти не была безупречной, секретарь обкома ВКП(б) И. У. Иванов в 1933 г. сказал на пленуме областной контрольной комиссии, что «работу государственного аппарата отличают старые методы: бюрократизм и волокита»⁴.

Таким образом, структура Облисполкома ЦЧО являлась сложной и разветвленной, она гибко подстраивалась под решение задач этого органа управления. В ее системе объединялись интересы советских, государственных и партийных органов региональной и центральной властей. Даже обзорная характеристика этого органа позволяет увидеть, что на рубеже 1920–1930-х гг. органы ВКП(б) еще не взяли в свои руки все рычаги управления регионом, хотя и играли решающую роль в решении ключевых вопросов, в первую очередь — принятии решений и проверки их исполнения.

Административно-территориальная реформа 1923–1937 гг., в ходе которой были созданы мега-области, проводилась в условиях развития и сворачивания НЭПа, развития административно-командной системы и складывания политической системы тоталитарного типа. На период существования Центрально-Черноземной области пришлось форсированное развитие промышленности, раскулачивание и массовая коллективизация, перестройка отношений государственного аппарата с обществом. Создание мега-областей в СССР преследовало цель сформировать новый уровень государственного управления — промежуточный между республиканским и губернским. Именно руководство мега-областей организовывало и руководило процессами «великого перелома» в экономике и политике Советского Союза. Результаты преобразований были подведены на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г., после которого начался процесс ликвидации мега-областей как выполнивших свое предназначение.

В определенном роде, использованием опыта государственного строительства 1920–1930-х гг. стало создание в России XXI в. федеральных округов. Учитывая сложности, связанные с формированием мощного слоя региональных элит как в СССР, так и Российской Федерации, структуры федеральных округов получили лишь наблюдательные и контролирующие функции, в отличие от руководства мега-областей, владевших всей полнотой власти в регионе.

Литература

1. *Очерки истории Воронежской организации КПСС.* Воронеж : Центрально-Черноземное издательство, 1967.

¹ ЦДНИ ВО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 14.

² ЦДНИ ВО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 374. Л. 28–30.

³ ГАВО. Ф. 1013. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

⁴ ЦДНИ ВО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58. Л. 186.

2. Саран А. Ю. Власть и общественные организации в Центральной России. 1928–1934 гг. М.-Орел : Изд-во ОГАУ, 2003.
3. Черняк В. З. История государственного и муниципального управления России. М. : Изд-во РДЛ, 2001.

References

1. *Sketches of history of the Voronezh organization CPSU* [Ocherki istorii Voronezhskoi organizatsii KPSS]. Voronezh : Central Black Earth publishing house [Tsentral'no-Chernozemnoe izdatel'stvo]. 1967. 549 p. (rus)
2. Saran A. Yu. *The power and public organizations in the Central Russia. 1928–1934* [Vlast' i obshchestvennyye organizatsii v Tsentral'noi Rossii]. Moscow-Oryol: publishing house OSAU [Izd-vo OGAU], 2003. 434 p. (rus)
3. Chernyak V. Z. *History of the public and municipal administration of Russia* [Istoriya gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya Rossii]. M. : publishing house RDL, 2001. 527 p. (rus)

Об актуальных вопросах взаимодействия экспертного сообщества и власти: концептуализация роли публичных экспертов в формировании повестки дня государства

Носкова Марина Васильевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)

Аспирант кафедры политологии и политического управления
mynoskova@gmail.com

РЕФЕРАТ

Статья посвящена вопросу о том, как при определении стратегического пути развития нашей страны и формировании вариантов решения сложившихся кризисных ситуаций важное место стали занимать политические доклады и проекты программно-стратегических документов с учетом мнения экспертного сообщества, определяющие будущее страны. Диалог происходит в результате институализированного взаимодействия гражданского общества с органами государственной власти в вопросах формирования консенсуса относительно основных приоритетов социально-экономического развития государства. С точки зрения структурно-синхронического, функционального исследования данных вопросов, вызывает обеспокоенность проблема субъективного пренебрежения некоторыми экспертами и рядом руководителей данными, включая статистические, которые скрупулезно собираются различными институтами государственной власти. Статья может быть рекомендована для использования в работе профильного и экспертного сообщества при рассмотрении вопросов, связанных с экспертным сопровождением подготовки и принятия политических решений в сфере государственного управления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

открытое государственное управление, общественные советы и институты, общественный контроль, экспертиза, органы государственной власти, политическое решение, стратегия развития государства, политическая элита, институциональное взаимодействие

Noskova M. V.

On Actual Issues of Interaction of Expert Community and Power: Conceptualization of a Role of Public Experts in Formation of the Agenda of the State

Noskova Marina Vasilyevna

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation)

Graduate student of the Chair of Political science and political management
mynoskova@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to a question of how when determining a strategic way of development of our country and forming versions of the solution of the developed crisis situations the political reports and drafts of program and strategic documents taking into account opinion of expert community defining the future of the country began to take the important place.

This dialogue results from the institutionalized interaction of civil society with public authorities in questions of formation of consensus on the main priorities of social and economic development of the state.

From the point of view of a structural and synchronic, functional research of the matters causes concern of a problem of subjective neglect about some experts and a number of heads about data, including statistical which scrupulously gather various institutes of the government.

The article can be recommended for use in work of profile and expert community by consideration of the questions connected with expert maintenance of preparation and adoption of political decisions in the sphere of public administration.

KEYWORDS

open management, public boards and institutions, social control, examination, public authorities, political decision, development strategy of the state, the political elite, institutional interaction

Общеизвестно, что интерес отечественных деятелей политических партий, руководителей как региональных, так и федеральных к различным экспертным оценкам и экспертному сопровождению политических решений в последние десятилетия заметно вырос.

Такая тенденция обусловлена, прежде всего, институциональными преобразованиями, направленными на инструментарную перенастройку экспертных оценок, экспертному сопровождению политических решений, попытками перевода их на более качественно новый государственный уровень, способный воплотить практические результаты в деятельности политических партий, глав федеральных ведомств и регионов, на основе которых принимаются концептуальные решения в различных секторах экономики и социальной сферы.

В ретроспективном аспекте рассмотрении данного процесса определенно наблюдается взаимосвязь с рядом проблем, связанных с турбулентными процессами возникновения системных перекосов отечественной экономики, социальной сферы и др. стратегических сфер деятельности государства, проявившихся особенно в результате кризисов 2008–2009 и 2014–2016 гг. Кроме того, такая взаимосвязь возникает в связи с неблагоприятными политическими факторами, вызванными введением международных санкций со стороны ряда западных и европейских государств [5].

Мировой экономический и финансовый кризис, которым «отметилось» второе тысячелетие нашей эры и который, по всей видимости, еще не сказал своего последнего слова, дал еще один серьезный повод усомниться в способности современного человечества обеспечить контроль над финансовыми и экономическими процессами.

Сегодня многие эксперты в России и за рубежом видят признаки того, что эпоха, идущая вслед за эпохой «модернити», ставит под вопрос соответствие современного государства новым реалиям [6].

Акцентируясь на этих вопросах, нельзя не отметить, что указанные проблемы во многом предопределяют негативные последствия, как в настоящем, так и в будущем, представляя собой в сущности своей стратегические вызовы перед руководством страны и национальными институтами.

Учитывая, что решения, принимаемые на разных уровнях, могут нести значительные риски устойчивого поступательного развития, как отдельных субъектов Российской Федерации, так и всего российского государства, вопрос совершенствования принятия решений с учетом мнения экспертного сообщества, требует нового подхода к анализу проблем единства и дифференциации, выработки критериев, которые позволят устранять выявленные недостатки [1].

Одним из аргументов в пользу подтверждения необходимости проведения соответствующей работы является сложившаяся к настоящему времени клиническая картина проблем в различных отраслях народного хозяйства.

Так, обеспокоенность уже сегодня вызывают негативные показатели индекса цен производителей промышленных товаров¹.

¹ На товары, предназначенные для реализации на внутреннем рынке.

В частности, по данным Федеральной службы государственной статистики¹ в мае 2016 г. (в сравнении с аналогичным периодом) в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых цены на услуги по добыче нефти и газа выросли на 6,3%, природный газ и газовый конденсат — на 1,6%.

Подорожали отдельные виды нефтепродуктов: сырье для производства нефтебитумов — на 14,1%, топливо моторное для судовых дизелей — на 8,8%, битумы нефтяные строительные, кровельные, изоляционные и аналогичные — на 8,6%, газойли неэнергетические (тяжелые дистилляторы, используемые в качестве сырья для нефтехимической промышленности) — на 8,5%, мазут топочный — на 5,3%.

В металлургическом производстве наблюдается также увеличение цен на стальной прокат горячекатаный и кованый составил — 16,1%, прочую первичную обработку чугуна и стали — 12,3%, холоднокатаный плоский прокат без защитных покрытий и с защитными покрытиями — 9,2%, чугун и доменные ферросплавы — 7,4%.

Помимо этого по состоянию на 1 июня 2016 г. наблюдается сокращение наличия зерна. По сравнению с 1 июня 2015 г. запасы зерна в сельскохозяйственных организациях уменьшились на 1,2 млн т (на 17,4%).

Также по оценке Росстата с начала года вырос индекс потребительских цен до 108,5%.

Вызывает опасение снижение уровня внешнеторгового оборота России, который в январе-апреле 2016 г. составил 135,1 млрд долл. (74,3% к январю-апрелю 2015 г.), в том числе экспорт — 82,1 млрд (67,9%), импорт — 53,0 млрд долл. (87,1%).

Одновременно наблюдается сокращение положительного сальдо торгового баланса: 29,1 млрд долл. в текущем году против 60,1 млрд в январе-апреле 2015 г.

Также наша страна сталкивается со значительными проблемами, связанными с импортозависимостью, поскольку еще не решены вопросы совершенствования технологий производства, создания новых видов продукции и формирования условий для расширения ее применения на внутреннем рынке и освоения внешних рынков.

Необходимо отметить, что с точки зрения структурно-синхронического, функционального исследования данных вопросов, вызывает беспокойство проблемы субъективного пренебрежения некоторыми экспертами и рядом руководителей данными, включая статистические, которые скрупулезно собираются различными институтами государственной власти.

Конечно, это явление носит не массовый характер, а локальный, имеющий субъективно оценочные заключения. Однако не учитывать такие тенденции мы не можем, поскольку такие явления, проявляясь в самый неподходящий момент, могут оказать негативное влияние на управленческие решения.

Остановившись более подробно на вопросах экспертизы, надо отметить, что «экспертная оценка» автором понимается как оценка, расчет стоимости или как принадлежность к определенному классу, разряду, категории [2]. То есть в самом понятии должна определяться оценка состояния исследуемого не только объекта, но и субъекта. Данный тезис в целом применяется А. М. Карминским и А. А. Полозовым, которые, уточняя его, указывают на то обстоятельство, что в процессе оценки состояния субъектов предполагается сопоставление их как с подобными субъектами, так и с состоянием абстрактных субъектов такого же типа, которые берутся в качестве эталонных. В совокупности это показатель позволяет при сопоставлении с подобными ему же посчитать превосходство в конкурентной среде в настоящее время или превосходство за прошедший период времени.

Не пренебрегая законами их функционирования, надо отметить, что экспертная оценка — это явление развивающееся, имеющее свои особенности и закономер-

¹ Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.06.2016).

ности, которые необходимо рассматривать во взаимосвязи с ключевыми проблемами экономики, социальной, политической международной и организационно-правовой сферы деятельности государства, в рамках не только применения, но и обоснования их проявления. Их взаимосвязь по сути своей не только является неразрывной между собой, но и оказывает самое непосредственное прямое влияние друг на друга.

Принимая во внимание особенности данного явления, представляется очевидным, что сложившаяся неблагоприятная обстановка в последние годы повлияла на необходимость обеспечения действий со стороны основных акторов органов власти и ее отдельных институциональных структур, куда входят политические партии, гражданские организации и организованные сообщества людей, обладающих властными полномочиями. Роль данных структур стала особенно велика при подготовке и принятии политико-управленческих решений сообщества¹.

Отмечая данные процессы, при определении стратегического пути развития нашей страны и формировании вариантов решения сложившихся кризисных ситуаций важное место стали занимать политические доклады и проекты программно-стратегических документов с учетом мнения экспертного сообщества, определяющие будущее страны.

Такая работа стала возможной в результате диалога между гражданским обществом и органами государственной власти. По сути, это является примером институализированного взаимодействия и формирования консенсуса относительно основных приоритетов социально-экономического развития государства.

В частности, реализация данного механизма в государственном управлении при подготовке и принятии решений стала включать в себя такие стадии, как:

- установление национальной повестки дня (представляет собой перечень проблем, подлежащих обсуждению членами определенного сообщества);
- определение программы действий по решению проблем;
- анализ заинтересованным сообществом актуальности вопросов;
- вынесение по результатам обсуждения конкретных поручений.

По нашему мнению, национальная повестка дня в целом задает цели всей последующей политике государства как на федеральном, так и на региональном уровнях, оказывающей решающее влияние на социально-экономическое и институциональное развитие нашей страны.

Особое место в этом механизме занимает Президент Российской Федерации, которому принадлежат главные полномочия при формировании целей и основных приоритетов развития нашей страны. В этом процессе участвует и его окружение, которым является не только аппарат исполнительной власти, а сюда можно отнести также экспертное сообщество, выраженное в работе институтов гражданского общества, к которым относятся советы и комиссии при Президенте Российской Федерации и советы, созданные в высших органах государственной власти, независимые аналитические центры, гражданские объединения, научно-академические структуры.

Такое сотрудничество государства с экспертно-аналитическими структурами институционально реализуется через правовые механизмы, в частности юридически закреплено Федеральным законом от 28 июля 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»².

Данный закон регулирует отношения между участниками стратегического планирования в процессе целеполагания, прогнозирования, планирования социально-

¹ См. научный журнал ИНИОН РАН «Политическая наука». 2015. № 3. Тема номера — Социальные и политические функции академических и экспертных сообществ.

² Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 20.06.2016).

экономического развития Российской Федерации и ее субъектов, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, что является образцом совместного формирования стратегической повестки страны органов государственной власти с экспертным сообществом.

В рамках реализации положений данного закона, а также Конституции Российской Федерации, Президент является ключевым участником стратегического планирования на всех его стадиях, ежегодные послания Президента поставлены на первое место в категории документов, разрабатываемых в рамках целеполагания.

Формирование национальной повестки дня как картины желаемого будущего является наиболее сложным и ответственным политическим проектом. Публичность этого процесса и участие в нем экспертов имеют решающее значение для успешного развития нашей страны.

Генезис использования структурами власти политических исследований экспертов для формирования повестки развития государства (в нормативно-эмпирическом варианте) относится к очень далекому прошлому. Первым политическим аналитиком по праву считается древнегреческий историк Фукидид, отец аналитической истории, для которого характерно сочетание фактографии с аналитико-прогностическими положениями.

Продолжением развития этих идей стала работа Аристотеля по разработке основ политической философии как учения о логике исторического процесса, что привело к формированию историософского подхода, который стал использоваться в политическом анализе. Сильной его стороной стал принцип историзма, т. е. представление исследуемого объекта не в статике (по состоянию на некий момент времени), а в динамике (в процессе развития).

Говоря о работе государственной власти и формировании планов для успешного построения государства, большой практический и научный интерес представляют работы итальянского философа, мыслителя и государственного деятеля Никколо Макиавелли. Свои взгляды он выразил в известном труде «Государь», опубликованном в 1532 г. В его трактате описываются методология захвата власти, способы правления и необходимые знания и навыки, которыми должен обладать идеальный правитель.

Возвращаясь к экспертам, вовлеченным в публичную политику, можно использовать определение элиты публичной политики (Роберт Даль)¹.

В сегодняшние дни одним из ярких примеров, когда мнения публичных экспертов и предложенные ими планы развития страны учитываются властью при стратегическом планировании, являются заседания Экономического совета при Президенте Российской Федерации (Совет).

Совет является примером институционального взаимодействия системы не только гражданских, но и политических институтов, эффективного использования заложенных в них ресурсов и возможностей по осуществлению «выхода нашей страны на новый технологический уклад, устремленность только вперед, только в будущее».

В соответствии с указом Президента Российской Федерации от 16 июля 2012 г. № 1001 «Об экономическом совете при Президенте Российской Федерации» Совет является консультативным органом, который функционирует с 2012 г. и сформирован для целей формирования предложений по стратегически важным направле-

¹ Роберт Даль (род. 17 декабря 1915 г., Инвуд, шт. Айова) — американский политолог, один из основоположников концепции плюралистической демократии, широко известный работами в области политической теории, и в первую очередь теории современной демократии, распределения власти и плюрализма, оказывающими значительное влияние на современные политические исследования.

ниям социально-экономической политики нашей страны, определению механизмов, обеспечивающих устойчивое развитие и технологическое обновление российской экономики¹.

Совет действует под руководством председателя — Президента Российской Федерации, а также в его составе работают два заместителя Председателя, ответственный секретарь и члены Совета, принимающие участие на общественных началах.

В состав членов Совета входят представители федеральных органов власти, органов власти субъектов, а также представители общественных, научных и иных организаций, которых насчитывается более тридцати человек.

Среди компетенций Совета можно выделить основные: экспертно-аналитическое обеспечение деятельности Президента Российской Федерации по вопросам социально-экономической политики Российской Федерации; разработка предложений по направлениям социально-экономического развития страны; обнаружение системных социально-экономических рисков и подготовка вариантов управления рисками, их предотвращению и минимизации их негативных последствий; проведение комплексной экспертизы проектов указов, распоряжений и поручений Президента Российской Федерации; мониторинг результатов наиболее значимых социально-экономических реформ, выявление проблем, препятствующих их реализации, а также подготовка предложений по обеспечению выполнения в полном объеме намеченных преобразований в социально-экономической сфере и другие².

В целях оперативного решения вопросов по основным направлениям социально-экономического развития российской экономики, вопросов по реформированию и развитию социальной сферы, углубленной проработке вопросов развития ключевых отраслей российской экономики Указом Президента Российской Федерации от 31.10.2013 № 818 (ред. от 30.04.2016) «Вопросы экономического совета при Президенте Российской Федерации» создан президиум Совета, в состав которого входят более двадцати человек.

В составе президиума Совета имеется председатель президиума Совета, которым является Президент Российской Федерации В.В. Путин, и члены президиума Совета, которыми являются представители федеральных органов государственной власти, представители общественных, научных и иных организаций. Важно отметить, что в состав президиума Совета входят лица с разными политико-экономическими взглядами, и по отдельным вопросам социально-экономического развития страны члены президиума Совета придерживаются прямо противоположных точек зрения. В таком составном подходе как раз и заключается преимущество формата работы президиума Совета у Президента Российской Федерации, который подразумевает рассмотрение проблемы с разных сторон, отсутствие монополии и наличие экономической дискуссии в ходе встреч.

Среди членов президиума присутствуют известные экономисты, руководители федеральных органов власти, представители банковской и бизнес среды, различные политические и научные деятели, такие как А. Л. Кудрин, А. Р. Белоусов, С. Ю. Глазьев, Г. О. Греф, А. В. Улюкаев, А. В. Дворкович, В. А. Мау, Э. С. Набиуллина, Я. И. Кузьминов, А. Г. Силуанов, А. Н. Шохин, И. И. Шувалов, С. С. Собянин, А. А. Слепнев, Е. С. Савченко, А. Е. Репик, С. Ю. Орлова, Р. Н. Минниханов, С. Н. Катырин, С. Н. Калинин, С. М. Игнатьев, А. Д. Жуков, О. Ю. Голодец, Т. А. Голикова, А. Ю. Воробьев, А. Д. Артамонов³.

¹ Общероссийский информационный ресурс Kremlin.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 20.06.2016).

² Общероссийский информационный ресурс Kremlin.

³ См.: КонсультантПлюс — компьютерная справочно-правовая система в России. Указ Президента РФ от 31.10.2013 № 818 (ред. от 30.04.2016) «Вопросы экономического совета при Президенте Российской Федерации».

Все планы работы президиума Совета разрабатываются приблизительно на полгода и одобряются председателем президиума Совета, также по его указанию вносятся различные изменения в план.

Заседания президиума Совета проводятся также по решению председателя президиума Совета Президента Российской Федерации. При возникновении вопросов, требующих оперативного решения, по инициативе члена президиума Совета, в целях углубленной проработки вопроса, предусмотрено формирование рабочей группы во главе с одним из представителей президиума Совета и с включением для участия в работе сторонних независимых экспертов, а также лиц федеральных органов власти.

В соответствии с положением об Экономическом совете при Президенте Российской Федерации в Совете созданы постоянно действующие рабочие группы по следующим направлениям: приоритеты структурных реформ и устойчивый экономический рост; развитие международной экономической интеграции; национальная предпринимательская инициатива; развитие инфраструктурных проектов в сфере транспорта; технологическое развитие.

Среди руководителей по каждому направлению присутствуют известные эксперты и практики различных сфер деятельности, такие как А. Л. Кудрин, С. Ю. Глазьев и др.

Принятые на заседаниях Совета и президиума Совета значимые решения, протокольно оформляются, в целях возможного издания указов и распоряжений, а также направления поручений и указаний в Правительство Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления.

При этом советуемые решения, как правило, подлежат размещению на официальном сайте Президента Российской Федерации.

Обеспечение деятельности Совета и президиума Совета осуществляет Администрация Президента Российской Федерации. Формирование повестки дня с учетом предложений, поступивших от ее членов, осуществляется помощником Президента Российской Федерации. Также в его ответственность входит определение направления деятельности рабочих групп и подгрупп, решение организационных вопросов, в том числе связанных с обеспечением информационно-аналитических и экспертных работ в области социально-экономического развития, рассмотрение вопросов, связанных с реализацией решений и др.

Совет как консультационно-государственный институт согласования интересов и предложений по формированию стратегической повестки развития страны работает также параллельно с системой партийно-политического представительства во власти и активно взаимодействует с Государственной Думой и Советом Федерации.

Данный Совет выполняет не только консультационные функции, также является институтом координации, генерирующим и поддерживающим равновесие в сфере социально-экономических отношений, играет значительную роль в согласовании интересов различных социальных групп, слоев, бизнеса, науки, прессы, групп давления, органов государственной власти, местного самоуправления [4].

Говоря о функциях описанного Совета и подобных структур можно выделить следующие: функция научного консультирования лиц, принимающих решения, т. е. происходит сужение поля возможных решений, а также прогнозирование последствий тех или иных решений; инновационная функция или функция генерации и продвижения инноваций в поле публичной политики; функция формирования повестки дня для принятия политико-управленческих решений; функция гражданского активизма, непосредственного соучастия в социальных и политических движениях и акциях; символическая функция, когда своим участием ученые или эксперты легитимизируют уже принятое решение [3].

В открытых источниках информации появилось много сообщений о работе президиума Совета. Существует мнение, что президиум Совета возрождается с целью собрать в нем людей различных взглядов. «Начинается борьба экономических элит за предвыборную повестку», сообщил источник «Ведомостей»¹.

Газета «Ведомости» от 5 апреля 2016 г. сообщает: «участникам президиума Совета предстоит не только обсудить текущую экономическую повестку, но и написать программу экономических реформ под президентские выборы 2018 года».

На заседании Президиума Экономического совета 25 мая 2016 г. Президент Российской Федерации сообщает: «Мы с вами возобновляем работу Президиума Экономического совета. Наша задача — обсудить и наметить ключевые ориентиры экономической политики до 2025 года, определить основные факторы роста экономики и развития социальной сферы»².

Данная задача в сегодняшние дни актуальна, поскольку большинство экспертов находится во мнении, что российская экономика стабилизировалась и адаптировалась к существующим условиям. Таким образом, в нынешней ситуации важно обратиться уже к вопросам стратегического характера, поставить задачи на более отдаленный период развития государства³.

Исходя из этого в рамках заседаний президиума Экономического совета в течение текущих полутора лет эксперты намерены провести ряд регулярных встреч с дискуссиями по следующим темам: новый облик социальной сферы — это и здравоохранение и образование, система ЖКХ; вопросы технологического обновления российской экономики; совершенствование госуправления и улучшение делового климата страны⁴.

Большая часть конкретных предложений и инициатив, выдвинутых вместе практическими механизмами их реализации, которые рассматриваются в рамках заседаний Совета, как правило, ложатся в основу программных документов органов государственной власти.

Подводя итог, отмечаем, что формирование публичной повестки дня эта та область политической деятельности, где особенно важна способность интеллектуальной элиты критически осмысливать происходящие в обществе процессы, идентифицировать болевые точки и генерировать новые идеи для формирования политических стратегий и программ государства с позиций гражданской ответственности.

По мере увеличения числа, масштаба и сложности выносимых на повестку дня проблем растет барьер гражданской компетентности. Для участия в обсуждении публичной повестки дня, куда выносятся проблемы институционально-политического и социально-экономического развития страны, явно недостаточно компетенции рядовых граждан, их возможности тратить время и усилия на то, чтобы разобраться в вопросах устройства и функционирования политической системы.

Целесообразно также обратить внимание на необходимость проработки новых механизмов осуществления отбора граждан, участвующих в экспертном сопровождении политических решений.

¹ Президиум экономического совета будет готовить программу к выборам президента // Официальный сайт газеты «Ведомости» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/04/14/637651> (дата обращения: 20.06.2016).

² Стенограмма заседания президиума Экономического совета на официальном сайте Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 20.06.2016).

³ Официальный сайт газеты РБК. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/> (дата обращения: 20.06.2016).

⁴ Там же.

Литература

1. Дегтярев А. А. Принятие политических решений : учеб. пособие. М. : «КДУ», 2004.
2. Литвак Б. Г. Экспертные технологии в управлении: учеб. пособие, 2-е изд., испр. и доп. М. : Дело, 2004.
3. Михеев В. А. Институты гражданского общества в политике и государственном управлении // Власть. 2015. № 4. С. 53–57.
4. Михеев В. А. Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений как институт согласования интересов // Власть. 2013. № 4. С. 44–47.
5. Хрусталеv М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии : учеб. пособие для вузов. МГИМО (Ун-т) МИД России. М. : Аспект Пресс, 2015.
6. Шабров О. Ф. Государство в глобализующемся мире: испытание постмодерном // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 87–101.

References

1. Degtyarev A. A. *Making political decisions* [Prinyatie politicheskikh reshenii]. M.: KDU, 2004. 416 p. (rus)
2. Litvak B. G. *Expert technologies in management* [Ekspertnye tekhnologii v upravlenii]. Tutorial, 2nd edition. M.: Business [Delo], 2004. 400 p. (rus)
3. Miheev V. A. *Institutes of civil society in policy and public administration* [Instituty grazhdanskogo obshchestva v politike i gosudarstvennom upravlenii] // Power [Vlast']. 2015. N 4. P. 53–57. (rus)
4. Miheev V. A. *Russian Trilateral Commission on the Regulation of Social and Labour Relations as institute of coordination of interests* [Rossiiskaya trekhstoronnnyaya komissiya po regulirovaniyu sotsial'no-trudovykh otnoshenii kak institut soglasovaniya interesov] // Power [Vlast']. 2013. N 4. P. 44–47. (rus)
5. Khrustalev M. A. *Analysis of the international situations and political examination: sketches of the theory and methodology* [Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaya ekspertiza: ocherki teorii i metodologii]. Tutorial for higher education institutions. MGIMO University. MFA of Russia. M. : Aspect Press, 2015. 206 p. (rus)
6. Shabrov O. F. *The state in the globalizing world: test by a postmodern* [Gosudarstvo v globalizuyushchemsya mire: ispytanie postmodernom] // Power and policy: institutional calls of the 21st century. Political science: Year-book 2012 [Vlast' i politika: institutsional'nye vyzovy XXI veka. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik 2012] / Russian association of political science; chief editor A. I. Solovyov. M. : Russian political encyclopedia (ROSSPEN) [Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya], 2012. P. 87–101. (rus)

Основополагающие размышления об австрийской внешней политике*

РЕФЕРАТ

Статья представляет собой перевод первой из 30 глав монографии «Притязания и реальность. Внешняя политика Австрии с 1945 г.», изданной в Австрии в 2015 г., которая посвящена анализу австрийской внешней политики в период от окончания Второй мировой войны по настоящее время и является первым за последние годы серьезным аналитическим трудом по этой теме. Его особая ценность заключается в демонстрации актуального взгляда авторов — дипломатов, много лет проработавших в МИД Австрии. В первой главе излагается краткое описание основных тезисов, характеризующих современное внешнеполитическое развитие страны. Это изменение концепции постоянного нейтралитета и государственного суверенитета Австрии в связи с вступлением в Европейский союз, новые перспективы для страны в связи с общей внешней политикой и политикой безопасности, роль СМИ, вопрос об австрийской внешнеполитической стратегии, задачи консульской службы, взаимовлияние внутренней и внешней политики как глобальный тренд и т. д. Авторы также раскрывают свою позицию в отношении ориентиров, которым, по их мнению, должна следовать внешняя политика Австрии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Австрия, внешняя политика, глобализация, нейтралитет, ЕС, ОВПБ

Epshteyn-Wessely K. I.

The Fundamental Reflections about Austrian Foreign Policy

ABSTRACT

The article represents the first of 30 chapters of the book «Ambition and Reality: Austria's Foreign Policy since 1945», translated from German into Russian. The book is devoted to the analysis of the foreign policy of Austria since the end of the Second World War up to present time. Being the first fundamental research in this field in recent times, it is of higher value also because it shows the actual vision of Austrian diplomats F. Cede and K. Prosl (both authors had been working for many years in the Austria's Foreign Ministry). In the first chapter are explained the core ideas related to the foreign policy of the country: changing of the Austrian neutrality concept and the state sovereignty after the EU entry, new prospects for Austria in the framework of Common Foreign and Security Policy, the role of mass media, Austria's foreign policy strategy, mission of Austrian consulate, interaction of foreign and domestic policy as a global trend, etc. The authors' vision of the main orientation points of the Austria's foreign policy is also shown in the article.

KEYWORDS

Austria, foreign policy, globalization, neutrality, EU, Common Foreign and Security Policy

В последние годы австрийские эксперты уделяли сравнительно мало внимания изучению внешней политики своей страны. Возможно, отсутствие серьезных аналитических работ по данной проблематике связано с тем, что Австрия пока испытывает определенные трудности в выработке собственной внешнеполитической линии в рамках Европейского союза (ЕС) и недостаточно активно участвует в фор-

* Первая глава монографии Ф. Седе и К. Прозля «Притязания и реальность. Внешняя политика Австрии с 1945 г.» (Cede/Prosl: Anspruch und Wirklichkeit. Österreichs Außenpolitik seit 1945. StudienVerlag, Innsbruck-Wien 2015.). Перевод с немецкого — Эпштейн-Вёссели Кристина Игоревна, Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург), аспирант кафедры международных отношений, ведущий специалист управления международного сотрудничества (epshteyn-ki@sziu.ru).

мировании общеевропейской повестки дня. По образному выражению аналитика немецкой еженедельной газеты «Die Zeit» («Время») Флориана Гассера, «министерство на венской Миноритенплатц уже долгое время влачит существование нелюбимого приемного ребенка политики»¹.

По этой причине несомненный интерес представляет работа «Притязания и реальность. Внешняя политика Австрии с 1945 г.», опубликованная в 2015 г. в австрийском издательстве «Штудиенферлаг». Ее презентация состоялась 21 мая 2015 г. в Венской дипломатической академии. Авторы монографии — Франц Седе и Кристиан Прозль — отставные высокопоставленные дипломаты, в течение многих лет состоявшие на службе в Министерстве иностранных дел Австрийской Республики. Доктор юридических наук Франц Седе был, в частности, послом Австрии в России и в Бельгии, затем возглавлял Отдел международного права МИД Австрии. Являясь автором и издателем многочисленных работ по международному и европейскому праву и в области международных отношений, он также преподавал в Дипломатической академии в Вене и в Немецкоязычном университете им. Дьюлы Андраши в Будапеште. Кристиан Прозль, имеющий докторскую степень по юриспруденции, ранее занимал должность австрийского посла в Берлине, а затем в Вашингтоне. С 2012 г. он является президентом Австрийского Общества культуры.

Данная книга представляет собой попытку всестороннего анализа и осмысления внешней политики Австрии в период с 1945 г. по настоящее время. И хотя значительное место в ней отведено истории международных отношений, главная задача, которую ставили перед собой авторы — на основе анализа событий минувших дней определить актуальные и перспективные стратегические задачи Австрии в сфере внешней политики. Важно отметить и то, что в попытке связать прошлое с настоящим и будущим, они стремились придерживаться линии непредвзятого, беспристрастного анализа. По мнению одного из рецензентов данной монографии Герхарда Штадлера («Венская газета», 2015, 5 июля), она «должна быть рекомендована каждому австрийцу, который интересуется не только сегодняшней политикой в отношении беженцев, но хочет получить информацию о международных задачах и возможностях малого государства»².

Предлагаемый текст является переводом с немецкого языка первой из 30 глав этой книги.

Глава 1. Основополагающие размышления об австрийской внешней политике

Краткий очерк австрийской внешней политики после 1945 г. мы хотим предварить некоторыми основополагающими размышлениями. После нескольких десятилетий работы на дипломатической службе у нас появилось желание поделиться своим практическим опытом и своими личными оценками со всеми, кто интересуется международной проблематикой в общем плане и австрийской внешней политикой, в частности. Авторы осознают свою ответственность перед подрастающим поко-

¹ Gasser F. Wenig Glanz am Minoritenplatz [Электронный ресурс] // Die Zeit. 2015. 15 Juni. URL: <http://www.zeit.de/2015/24/oesterreich-aussenpolitik-diplomatie-buch-cede-prosl> (дата обращения: 02.04.2016). На Миноритенплатц, д. 8 располагается Министерство иностранных дел Австрии (полное официальное название с 1 марта 2014 г. — Федеральное министерство по вопросам Европы, интеграции и иностранных дел — Bundesministerium für Europa, Integration und Äußeres).

² Stadler G. Ein Studienband über Österreichs Außenpolitik seit 1945 [Электронный ресурс] // Wiener Zeitung. 2015. 5 Juli. URL: http://www.wienerzeitung.at/themen_channel/literatur/buecher_aktuell/761182_Diplomatische-Diskretion.html (дата обращения: 03.04.2016).

лением и намерены своим анализом способствовать лучшему пониманию позиций своей страны в международном контексте.

Наши основные идеи, которые будут изложены ниже, обращены не к прошлому, а к настоящему и будущему австрийской внешней политики. Прежде всего, они учитывают фундаментальные изменения, произошедшие в мире к началу XXI в. и ставшие абсолютно новыми вызовами для Австрии.

Авторам было важно подчеркнуть свою отдаленность от «всяческих дешевых рассуждений». Наоборот, они ставили перед собой задачу описать реальность с холодной головой, без гнева и пристрастия (*sine ira et studio*), а также сделать практические выводы. Для облегчения восприятия повествования авторы сформулировали основные тезисы в виде кратких текстовых фрагментов, отказавшись от длинного развернутого изложения каждого из них.

1. Внутренняя и внешняя политики неотделимы друг от друга

Кажется, что это простое утверждение еще не до конца осознается широкой общественностью Австрии. В общем представлении эти две области политики зачастую, как и прежде, рассматриваются изолированно друг от друга. Это приводит к тому, что влияние международных процессов на личный жизненный мир все еще недооценивается, хотя каждое изменение международной обстановки непосредственно отражается на австрийской политике, экономике и обществе.

В эпоху глобализации границы между внутренней и внешней политикой в значительной степени перестали существовать. Происходящее «снаружи» касается всех нас «внутри». Гете еще мог спокойно расположиться у окна, когда «...в Турции далекой, где война, сражаются друг с другом ополчения»¹. А вот нас в отличие от него происходящие сейчас события на Ближнем Востоке (Турция, Сирия, Ирак, Израиль, Палестина) — в таком далеком от нас регионе, по образному выражению Гете, — касаются самым непосредственным образом. Кто станет отрицать, что эти события не имеют к нам никакого отношения. Они больше не являются проявлениями внешней политики, за которыми мы можем наблюдать издалека. Можно привести бесконечное число примеров сильного воздействия международной политики на внутрисполитические отношения в Австрии (в последнее время, например, санкции ЕС против России или потоки беженцев из зон военных конфликтов). Но и внутрисполитические процессы также содержат в себе внешнеполитический компонент. Австрия находится в фокусе международного мониторинга, будь то ее экономическая политика, политика по отношению к беженцам, случаи антисемитизма. Это все часто имеет прямые последствия во внешней политике.

2. Внешняя политика делается не только дипломатами

Ошибочное мнение, что внешняя политика является прерогативой исключительно дипломатов и экспертов, восходит к тому пониманию политики, которое перестало быть актуальным самое позднее со времен Первой мировой войны. Перед образованием современных демократических государств в XX в. ведение внешних дел, равно как и управление вооруженными силами, считалось привилегией обладателя верховной власти. Он назначал своих дипломатов, которые представляли его и его страну за рубежом. В прежней Австрии это было компетенцией кайзера.

¹ Здесь авторы приводят цитату из «Фауста»: «По праздникам нет лучше развлечения, Чем толки за стаканчиком вина, Как в Турции далекой, где война, Сражаются друг с другом ополченья. Подходишь у трактирщика к окну, И смотришь — по реке идут баркасы, И после, дома, отходя ко сну, Благословляешь миролюбье часа». Цит. по: *Гете И. В.* Фауст / пер. с нем. Б. Пастернака. М. : Гослитиздат, 1957.

Если посмотреть на нашу конституцию, станет понятно, что система представлений монархической государственной доктрины в измененном виде продолжает существовать и в Австрийской Республике. Согласно конституции, федеральный президент является главнокомандующим вооруженными силами и отвечает за представительство Республики за рубежом.

В действительности же в современном мире уже давно не существует государственной монополии на осуществление внешней политики. Само собой разумеется, это справедливо и для Австрии. Наряду с федеральным президентом и министром иностранных дел, сотрудниками МИДа внутри страны и за ее пределами, существует множество акторов, каждый из которых вносит свой вклад в положение Австрии в мире и тем самым в самом широком смысле — во внешнюю политику Австрии: самостоятельными полномочиями в этой сфере обладают государственные представители и министерства (федеральный канцлер и отраслевые министры с их бюрократическими аппаратами). Национальный Совет безопасности проводит заседания под председательством федерального канцлера, внешнеполитический совет возглавляет министр иностранных дел. Парламент Австрии наделен значительными полномочиями в области внешней политики, которые в последние годы были расширены. Министр иностранных дел отчетывается перед Внешнеполитической комиссией парламента. Сюда же относятся многочисленные институты с государственным участием, и прежде всего среди них нужно назвать Экономическую палату Австрии (бывшую Федеральную экономическую палату). Имея разветвленную сеть зарубежных торговых представительств, она стала значимым внешнеполитическим игроком.

Другие объединения, такие, например, как Союз промышленников, Австрийский профсоюз или Палата трудящихся, выступающие под австрийским флагом за рубежом, особенно в Брюсселе, в рамках ЕС, точно так же укрепляют репутацию Австрии как страны, где действует множество организаций. Представительство Австрии в ЕС разрослось уже буквально до своего возможного предела, поскольку наряду с официальными, государственными представителями оно включает в себя бесчисленное множество отдельных, частных объединений. Многочисленные негосударственные организации (например, австрийское отделение организации «Международная амнистия», Гринпис и т. д.) также являются участниками внешней политики.

3. Внешняя политика не является прерогативой только централизованного государства

В традиционных категориях мышления ответственность за внешнюю политику и за заключение международных договоров берет на себя государство. И в Австрии долгое время исходило из того, что ведение внешних дел и заключение государственных договоров были компетенцией исключительно государства. Между тем развитие международных отношений оставило этот подход далеко позади. Помимо государства и многочисленных негосударственных акторов, которые все вместе представляют Австрию за рубежом, все большую роль начинают играть федеральные земли и общины, в рамках межрегионального трансграничного сотрудничества.

Созданный в 1998 г. регион «Эуреджио Тироль — Южный Тироль — Трентино» или рабочее сообщество Альпы-Адрия — это только два примера новых форм приграничного взаимодействия региональных объединений. Возрастающее значение внешней региональной политики в ЕС было закреплено созданием «Европейского союза территориального сотрудничества» (ЕСТС). Он объединяет те страны и регионы, которые могут организовать свое взаимодействие на институциональном уровне.

Но и частные лица, например, австрийские туристы или жертвы похищений, освобождение которых происходит в ходе переговоров с государствами или организациями, своим поведением напрямую влияют на внешнюю политику, так же как и австрийцы, участвующие в демонстрациях за рубежом, например против приграничных атомных электростанций.

4. Членство в ЕС изменило концепцию государственного суверенитета

Вступление в ЕС изменило установку, согласно которой Австрия как суверенное государство может свободно и независимо проводить свою внешнюю политику. Членство в ЕС для Австрии повлекло за собой смену парадигмы: отношения Австрии как члена ЕС и Европейского союза больше не являются отношениями «внешними» в классическом смысле этого слова, поскольку Австрия стала целой частью объединения государств, который в важных областях имеет наднациональный состав. Это означает, что государства-члены передали ЕС суверенные полномочия. Между тем в какой степени ЕС охватил все сферы жизни австрийцев, показывает хотя бы тот факт, что сейчас две трети всех правовых предписаний, которые действуют в Австрии, были созданы институтами ЕС в Брюсселе.

5. Общая внешняя политика и политика безопасности открыла перед внешней политикой Австрии новые перспективы

Вступив в ЕС, Австрия официально заявила, что она может и готова участвовать в Общей внешней политике и политике безопасности (ОВПБ) и вместе со всеми выполнять вытекающие из этого обязанности. Говоря открытым текстом, это означает, что внешняя политика Австрии должна придерживаться правил и координационных механизмов, принятых в ЕС. Тем самым пространство для собственных внешнеполитических действий Австрии существенно сократилось. С другой стороны, полноправное участие Австрии в ОВПБ открывает для нее новые интересные возможности, связанные с построением и реализацией европейской внешней политики совместно с партнерами по ЕС.

6. После вступления в ЕС австрийский нейтралитет стал носить условный характер

Правовые предписания ЕС в области ОВПБ имели особенно тяжелые последствия для концепции австрийского нейтралитета. После адаптации австрийских правовых норм к нормам ЕС были устранены все внутренние препятствия к принятию обязательств по ОВПБ. Хотим мы этого или нет, но из-за вступления в ЕС австрийский нейтралитет был сведен к минимуму.

7. Австрийская внешняя политика является одновременно политикой безопасности

Неразрывная связь, пересечение внутренней и внешней политики является само собой разумеющимся фактом не только на национальном уровне, но и на уровне ЕС. Поэтому не случайно обе эти политические сферы представляют в ОВПБ единое целое. Если перед вступлением в ЕС обеспечение внешней безопасности и обороны страны относилось к ключевым компетенциям суверенного государства, то членство в ЕС коренным образом изменило эту концепцию. Даже если ЕС будет очень медленно продвигаться в осуществлении европейской оборонной политики и общей европейской обороны, то после вступления в ЕС Австрия и с точки зрения политики безопасности больше не находится в одиночестве. Австрия является полноправной участницей европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО), и она уже принимала участие в нескольких военных миссиях ЕС. Кроме того в июне 2013 г. генерал-лейтенант Вольфганг Возользобе был назначен генеральным

директором Военного штаба ЕС. Таким образом, в настоящее время австриец занимает один из важнейших постов ЕС в военной сфере¹.

8. Демократический элемент внешней политики существенно усилился

В то время как в XIX в., а также вплоть до конца Второй мировой войны парламенты играли в международных отношениях во многом подчиненную роль, в последние десятилетия их влияние на внешнюю политику неуклонно возрастает. Эти изменения можно наблюдать и в Австрии. В австрийском Национальном совете международными вопросами постоянно занимаются Главная комиссия и Внешнеполитическая комиссия. Для вопросов, связанных с ЕС, в Национальном совете была создана постоянная Европейская комиссия. Эти органы обеспечивают участие австрийского парламента в формировании внешнеполитической позиции федерального правительства, а также в законодательном процессе ЕС. То обстоятельство, что члены Европейского парламента избираются во всех странах ЕС напрямую, а также расширение полномочий Европейского парламента по Лиссабонскому договору, вступившему в силу 1 декабря 2009 г., значительно укрепили демократический элемент ЕС. Тем самым растущее внешнеполитическое значение демократических учреждений в странах-членах и на уровне ЕС распространяется на ту сферу, которая раньше в значительной степени оставалась вне парламентского контроля.

9. Консульская защита граждан Австрии за рубежом стала главной задачей МИД

Любовь австрийцев к путешествиям и растущее число граждан страны, проживающих за рубежом (на данный момент около 400 000 человек), привели к резкому увеличению числа консульских обязанностей, которые будут исполнять МИД в Вене и австрийские зарубежные представительства во всем мире. Сфера консульской деятельности охватывает широкий спектр служебных функций (например, паспортно-визовая служба), защиту и оказание помощи в любых экстренных ситуациях, а также поддержку австрийцев, оказавшихся в ситуации конфликта с законом в стране их пребывания. Приведенные здесь только для примера сферы деятельности консульств начинают восприниматься широкой общественностью, как правило, только после того, как они попадают в заголовки газет — например, когда речь идет о сенсационном похищении (два австрийских заложника на Мали в 2008 г.), аварии с особенно тяжелыми последствиями (крушение самолета авиакомпании «Лауда Эйр» в Тайланде в 1991 г.), или стихийном бедствии, в котором пострадали граждане Австрии (цунами 2004 г. в Индийском океане). При этом охотно забывают, что значительная часть консульской работы, которую ежедневно выполняют сотрудники МИДа внутри страны и за рубежом, остается в тени и не освещается средствами массовой информации.

Беда, если что-то в консульской работе идет не так! Бесславный визовый скандал в некоторых посольствах в начале столетия сразу же стал предметом обсуждения. При этом эмоциональность СМИ не знает пределов, если судьбе даже одного-единственного австрийца за пределами страны что-то угрожает. Это совершенно точно знает каждый министр иностранных дел. Его имидж не в последнюю очередь зависит от того, как работа его сотрудников в консульской сфере будет оценена средствами массовой информации.

¹ С 27 мая 2016 г. генеральным директором Военного штаба ЕС является генерал-лейтенант Эза Пулккинен (Финляндия).

10. СМИ влияют на внешнюю политику

Нельзя недооценивать роль, которую во внешней политике играют СМИ — давая комментарии, транслируя ток-шоу, проводя собственный анализ. Это справедливо в отношении всех государств, от демократических до диктаторских. Однако в силу особой структуры медиаландшафта, а также взаимозависимости СМИ и политиков, пример Австрии в этом отношении особенно характерен. Складывается впечатление, что многие политики в первую очередь заинтересованы в громких заголовках ведущих австрийских газет. Однако то, что при этом страдает устойчивость и постоянство политической позиции, является прискорбным фактом.

11. Глобальные проблемы не могут быть решены на местном уровне

Невозможно отрицать, что глобальные проблемы (например, защита окружающей среды, проблемы климата, терроризм, распространение оружия массового поражения) могут быть решены только совместными международными усилиями. С другой стороны, нет однозначного ответа на вопрос о том, как же должна себя позиционировать австрийская политика применительно к конкретным проблемным ситуациям. Дискуссия по этому поводу разгорается, например, при выполнении международных обязательств по вопросам климата, или при обсуждении того, как Австрия должна реагировать на угрозы международного терроризма или воинствующего исламизма (джихадисты). Отсутствие единой позиции внутри международного сообщества государств и недостаток координации важнейших акторов (государств и международных организаций) в отношении ключевых проблем нашего века затрудняют проведение совместных решительных действий. Международные усилия при решении глобальных проблем представляют собой в высшей степени сложный процесс, который протекает в рамках нескольких организаций с совершенно разными компетенциями (например ЕС, НАТО, ООН и организации, входящие в ее структуру). Трудности внутри страны, возникающие при выработке позиции Австрии по сложным вопросам, требующих для успешного разрешения международных усилий, отражают координационные проблемы на национальном уровне.

12. Есть ли у Австрии внешнеполитическая стратегия?

Основная мысль здесь сознательно была сформулирована в виде вопроса. На какие цели ориентируется в современном контексте международных отношений внешняя политика Австрии? Перед политическими изменениями в Европе было еще довольно легко охарактеризовать австрийскую внешнюю политику в нескольких словах: активная политика нейтралитета, активная политика соседства, высокая степень участия в международной защите прав человека, подчеркивание авторитета международного права, политика разрядки (ОБСЕ, ООН), гуманитарная внешняя политика, значительное участие в международных миссиях по поддержанию мира. После поворотной точки в 1989 г. и вступления в ЕС в 1995 г. австрийской внешней политике фактически пока не удалось создать новый имидж, который соответствовал бы столь основательным изменениям.

Существует ли «особая отличительная черта» австрийской внешней политики, и, если да, как можно ее определить? С политикой активного нейтралитета мы распрощались самое позднее с момента вступления в ЕС и принятия обязательств, вытекающих из ОВПБ. Сегодня ценится наше участие в международных операциях по поддержанию мира на Балканах (Вооруженные силы ЕС), но, с другой стороны, отход австрийского военного контингента с Голанских высот (миссия СООННР) весьма ощутимо подпортил репутацию Австрии как особенно активного участника операций ООН по поддержанию мира. Что касается политики соседства, роль Австрии в Балканском регионе оценивается позитивно. Действия министра иностран-

ных дел Мока и его последователей по достижению стабильности в регионе и неизменная позиция Австрии за европейскую перспективу для всех государств, образовавшихся после распада Югославии, а также Албании с целью их вступления в ЕС, находит, как и прежде, международное признание. Действия Австрии в Балканском регионе с точки зрения дипломатии и политики безопасности (например, значительное участие страны в Европейских вооруженных силах) позволяют говорить о том, что в рамках этого направления Австрия сегодня придерживается четкой линии, хоть и достигается это в высшей степени скромными средствами.

Менее определенным кажется сейчас характер австрийской внешней политики на других направлениях. В частности, приходится констатировать, что Австрия как член ЕС до сих пор практически не выдвигала интересных предложений, которые могли бы найти поддержку большинства. Скорее, напротив, часто создается впечатление, что в рамках ОВПБ Австрия только «плывет по течению» в общем русле позиции ЕС и отдает инициативу формирования международной повестки другим странам-участницам. Также замечено, что австрийские представители в Брюсселе зачастую лишь реагируют на инициативы других государств, вместо того, чтобы выдвигать собственные конструктивные предложения. Однако реагирование вместо инициативы не должно стать девизом австрийской внешней политики.

И вместе с тем представляется вполне возможным более ясно очертить роль Австрии в ЕС и в мире.

13. Ориентиры внешней политики Австрии

Для такой сравнительно маленькой страны, как Австрия, которая с момента своего возникновения находится на перекрестке языков и культур, а на протяжении многих лет располагалась на политической границе между Западом и Востоком — активная, превентивная внешняя политика имеет жизненно важное значение. Нас учит этому не в последнюю очередь история. Недостаточно только реагировать на происходящее, поскольку в большинстве случаев бывает уже слишком поздно. В эпоху глобализации Австрия должна демонстрировать «прибавочную стоимость» в рамках международного сообщества государств. В формулировке бывшего федерального президента и министра иностранных дел Рудольфа Кирхшлегера это звучит так: «Тот, кто в сообществе государств бездействует, постоянно находится под угрозой потери существования». У нас, кажется, многие политики в Австрии за последние годы утратили это понимание. Мы считаем, что внешней политике нужны ориентиры, поскольку только они способны стать стимулами к действию. Наш ориентир — это солидарный мир, живущий в согласии. Мир (отсутствие военных действий) — это не статическое понятие, его обеспечение требует постоянных усилий. Активный подход к глобальным проблемам обусловлен не только моральными предпосылками, он отвечает также нашим коренным интересам. Единичный «марш-бросок» не решит дело ни в одной области, скорее потребуются постоянная, трудная рутинная работа. Инструментом для этого является внешняя политика, и использовать его нужно исключительно целенаправленно.

Чтобы пробудить интерес к этому инструменту, мы и написали эту книгу.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

23.00.00. Политология;

07.00.00. Исторические науки и археология;

08.00.00. Экономические науки.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory” (<http://ulrichsweb.serialssolutions.com/login>). Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>)

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК, редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:

- ♦ распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»
- ♦ две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.

2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.

3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождается:
 - ◆ сведениями об авторах (на **русском и английском языках**), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - ◆ **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
 - ◆ **ключевыми словами на русском и английском языках**.
2. Технические требования к материалу:
 - ◆ поля — 2,5 см везде;
 - ◆ номера страниц — в низу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - ◆ шрифт — Times New Roman;
 - ◆ аннотации, ключевые слова — 12 кегль, межстрочный интервал — 1;
 - ◆ основной текст — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5;
 - ◆ ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
 - ◆ инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
 - ◆ название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - ◆ краткий реферат на русском языке;
 - ◆ краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
 - ◆ ключевые слова на русском языке;
 - ◆ ключевые слова на английском языке;
 - ◆ основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
 - ◆ абзацный отступ — 1,25 см (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - ◆ расстановка переносов не применяется;
 - ◆ все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста в низ полосы документа;
 - ◆ все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - ◆ выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным шрифтом, не допускаются);
 - ◆ нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;

- ◆ маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
- 5. Оформление ссылок (**ВАЖНО!!!**):
 - ◆ ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - ◆ краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка дается на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (полный объем издания либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;
 - ◆ для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком «точка с запятой»;
 - ◆ список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор.

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире : политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

◆ *Монографии:*

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

◆ *Статьи в научных сборниках:*

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

◆ *Публикации в многотомных изданиях:*

Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. : пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

- ◆ *Статьи в научных журналах:*
 1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
 2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.
- ◆ *Статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.
- ◆ *Правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.
- ◆ *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.
- ◆ *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*
 1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2013).
 2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2, рис. 1). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2016. № 9(93)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 01.09.2016.
Подписано к печати 15.09.2016.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,09. Тираж 650 экз.
Заказ № 9/16.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотации статей и перевод
на английский язык В. В. ПОЛЯХ

Корректор Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России» 82909, по каталогу
Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97